

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 1 (29)

2024

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

ТЕМА НОМЕРА

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ДЕТСТВА
И ЮНОШЕСТВА

СОДЕРЖАНИЕ

• ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТСТВА И ЮНОШЕСТВА •

Е. В. Бурлуцкая [10]
Учебные прогулки и экскурсии как элемент детской повседневности в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв.

В. А. Веремченко, Ю. В. Сутула [26]
«Ответственные родители» и Рождество: здоровьесберегающие технологии в праздничной повседневности столичных жителей России второй половины XIX – начала XX в.

С. В. Перекрестова [57]
Детские пометы и маргиналии в книгах в России XIX – первой половины XX вв.

Т. В. Волгина [75]
Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

С. А. Власов [96]
Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны

РИТУАЛ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ю. Е. Кондаков [113]
Кровь в обряде масонской инициации

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Я. В. Пуневский [127]
Повседневная жизнь служащих органов городского общественного управления в Ярославской губернии в конце XIX–начале XX века

Н. Д. Козлов [146]
Эволюция мотивов и повседневных практик стахановцев

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. Шмидт [166]
Пресса Веймарской республики об антисемитизме
(1919–1923 гг.)

А. А. Чернышев, Е. К. Карпов [183]
Год в истории: событийность и повседневность
советского человека второй половины XX в.
(на материалах «Настольного календаря» 1958–1990 гг.)

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Ф. А. Фокин [198]
Военная кампания 1877–1878 годов
глазами Морского гвардейского экипажа

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В. С. Мильбах [213]
Дело командарма 1 ранга И.П. Уборевича.
Существовал ли план поражения Красной армии?

Иллюстрации [229]

CONTENTS

• EVERYDAY LIFE OF CHILDHOOD AND YOUTH •

Elena V. Burlutskaya [10]
Educational Walks and Excursions as an Element
of Children's Everyday Life in Orenburg at the Turn
of the 19th – 20th Centuries

Valentina A. Veremenko, Julia V. Sutula [26]
“Responsible parents” and Christmas: health-saving
technologies in the festive everyday life of capital residents
of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

Sofia V. Perekrestova [57]
Children's Marks and Marginalia in Books in Russia
in the 19th – first half of the 20th Centuries

Tamara V. Volgina [75]
Nurseries and Day Shelters in Petrograd During
the First World War (1914–1916)

Sergey A. Vlasov [96]
Daily Life of Students and Graduates of the Labor Reserve
System in the Khabarovsk Territory During the Great
Patriotic War

RITUAL IN THE DAILY LIFE

Yury E. Kondakov [113]
Blood in the Masonic Initiation Rite

LABOUR EVERYDAY LIFE

Yaroslav V. Punevsky [127]
Daily Life of Employees of Municipal Public Administration
in Yaroslavl Province in the Late 19th – early 20th Century

- Nikolay D. Kozlov** [146]
Evolution of Motivation and Everyday Practices
of Stakhanovites

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

- Waldemar Schmidt** [166]
Press of the Weimar Republic on Anti-Semitism
(1919–1923)

- Alexander A. Chernyshev, Egor K. Karpov** [183]
A Year in History: Eventuality and Daily Life
of a Soviet Person in the Second Half of the 20th Century
(on the Materials of the "Desktop Calendar" for 1958–1990)

MILITARY EVERYDAY LIFE

- Fedor A. Fokin** [198]
1877–1878 Military Campaign Through the Eyes
of the Marine Guards Crew

PERSONALITY IN THE EVERYDAY LIFE HISTORY

- Vladimir S. Milbach** [213]
The Case of the 1st Rank Commander I. P. Uborevich.
Was There a Plan to Defeat the Red Army?

- Illustrations [229]

Учебные прогулки и экскурсии как элемент детской повседневности в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв.

Е. В. Бурлуцкая

В статье на основе широкого круга опубликованных источников исследуются практики организации ученических прогулок и экскурсий в учебных заведениях Оренбурга рубежа XIX–XX вв. и роль этих видов внеучебных занятий в детской городской повседневности. Автор обращает внимание на предлагаемые детям маршруты, экскурсионные программы, отношение детей и родителей к подобному времяпрепровождению. Анализируются различия в прогулках, организованных для мальчиков и для девочек. Делается вывод о высокой степени значимости подобных мероприятий для образовательного и воспитательного воздействия на личность ребенка, для подготовки ребенка к будущей взрослой жизни. Подчеркивается особая важность таких путешествий именно для городских детей, использующих эту возможность для знакомства с природными объектами и новыми для них видами деятельности.

Ключевые слова: детская повседневность, пореформенный период, Оренбург, учебные прогулки, экскурсии.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РНФ на реализацию научного проекта № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

Для цитирования: Бурлуцкая Е. В. Учебные прогулки и экскурсии как элемент детской повседневности в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 10–25. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_10. EDN: DGBBMB

Введение

На рубеже XIX–XX столетий представители российской системы образования всерьез задумались над глобальной трансформацией содержания и форм школьного обучения. Эта потребность в модернизации довольно консервативной системы образования была вызвана общим ходом исторического развития – Россия переживала последствия глубинных и масштабных преобразований Александра II, Александра III, приспосабливалась к последствиям промышленного переворота. Подрастающее поколение должно было не только адаптироваться к новым условиям, но и включиться в будущем в процесс дальнейших реформ, направленных на совершенствование всей государственной системы. Школа в этих обстоятельствах должна была максимально подготовить детей к будущей взрослой жизни, привив им необходимые практические навыки, нужные для успешного функционирования в новых, сложных и достаточно неопределенных условиях.

Общество в решении этих задач двигалось несколько впереди официальных структур, в связи с чем обсуждение новых принципов, целей и задач образования и воспитания первоначально разворачивалось на страницах газет и журналов, в полемике передовых педагогов, и лишь затем закреплялось какими-либо нормативными документами. Родители, идущие в ногу со временем, старались использовать новые, полезные воспитательные и образовательные практики в семейном кругу.

Вопросы, связанные с использованием в школьной и семейной практике таких форм деятельности, как прогулки и экскурсии, сегодня поднимаются в исследованиях ряда авторов. Обращение к ним вызвано не только интересом к прошлому, но и попытками применить накопленный исторический опыт в современных условиях, поскольку современная школа, как и полтора столетия назад, нуждается в обновлении. Так, например, в работе Н. В. Тарасовой [1] был исследован образовательный потенциал ученических экскурсий на рубеже XIX–XX вв. и опыт педагогов прошлого в деле их организации. Л. И. Сизинцева [2] рассматривала школьные экскурсии как коммеморативные практики, способствующие самоидентификации молодежи.

Опыт досоветской педагогики в деле использования образовательного и воспитательного потенциала школьных экскур-

сий был изучен на примере различных регионов Российской империи. В статьях Г. В. Мерзляковой и Л. В. Баталовой [3–6] был дан анализ экскурсионной работы в учебных заведениях Вятской губернии, в публикациях Д. В. и Т. Н. Арцыбашевых [7] речь шла о внедрении экскурсионных программ в учебный процесс школ Курской губернии, Р. А. Савинкова [8] исследовала аналогичный опыт самарских образовательных организаций, А. Л. Ильин [9] – в учебных заведениях дореволюционного Пинска. А. С. Киселева [10] изучала освещение экскурсионной деятельности в Нижнем Новгороде на страницах периодических изданий начала XX в.

Поскольку на материалах Оренбургской губернии аналогичных исследований не проводилось, целью данной статьи является анализ таких учебно-воспитательных практик, как ученические прогулки и экскурсии, организованные учебными заведениями Оренбурга, с позиций их влияния на детскую повседневность рубежа XIX–XX вв. В качестве основного метода исследования был использован кейс-метод (*Case study*) или метод проблемно-ситуационного анализа, суть которого заключается в том, чтобы осмыслить различные жизненные случаи, описанные в источниках и имеющие отношение к рассматриваемой проблеме.

Результаты

Училища и гимназии Оренбурга на рубеже XIX–XX вв. стали активно использовать прогулки в своей практике. Особой популярностью у прогуливающихся пользовалась гора Маяк. В апреле 1892 г. учащиеся оренбургской мужской гимназии под звуки собственного духового оркестра и оркестра казаков отправились на Маячную гору, расположенную в четырёх верстах от города (чуть больше 4 км). «Даже крошки из приготовительного класса маршировали в ногу и имели торжествующий воинственный вид!». На горе для детей был приготовлен чай и завтрак. Дети провели прекрасный весенний день «в играх и беготне на вольном воздухе». Были даже импровизированные танцы на полянке. Огромные самовары, котлы для жаркого и варки яиц, разведенный костер создавали впечатление военного бивуака. Вечером учитель гимнастики Исаков продемонстрировал навыки своих учеников на приспособлениях

для военной гимнастики солдатского лагеря, существующего на Маяке. Дети «отлично прыгали через рвы, лазили по лестницам и подвесным шестам, а в заключение ловко и храбро штурмовали и взяли крепость из земляной насыпи и рвов». В 7 часов вечера дети отправились домой в сопровождении двух оркестров и множества публики, конной и пешей» [11, с. 3].

Еще раньше, в сентябре 1890 г. и в мае 1891 г. гимназисты выбирались в Зауральную рощу, также с оркестрами, песнями и маршами. Детей сопровождали попечитель Оренбургского учебного округа, начальник казачьего штаба, учитель гимнастики и многие родители «с семействами» [12, с. 3]. Дети «занимались пением, музыкой и предавались разнообразным играм и забавам, свойственным детскому возрасту» [13, с. 3].

В июне 1898 г. учащиеся церковных школ Оренбурга посетили недавно открытый Успенско-Макарьевский (Мещеряковский) мужской монастырь в Подгородней Покровке. Монастырь был основан на средства оренбургского купца второй гильдии Александра Григорьевича Мещерякова. Мальчики, девочки, их родители и родственники (всего около 200 человек) отправились в путь рано утром 5 июня. Большинство детей «никогда не ходило дальше Оренбурга и ничего не знало о Мещеряковском монастыре». К монастырю решено было идти «кратчайшим путем через Маячную гору, реку Сакмару (на которой к этому времени устроен был паром), лесом и лугом до самого монастыря». Путь составлял 12–13 верст (около 14 километров). «Деревья, цветы, разнообразные травы – все привлекало внимание детей, возбуждая живой интерес». Примерно к 11 утра процессия подошла к монастырю, где была встречена игуменом и братией. Детям в распоряжение был отведен целый монастырский корпус. Путешественники дружно уселись «за стол и с большим аппетитом кушали чай с хлебом и пирожки, изготовленные им в Оренбурге».

Дети посетили вечернюю службу и из-за дождливой погоды решили заночевать в монастыре. Сам купец Мещеряков, узнав о том, что в монастыре находятся юные паломники, пришел со своего хутора, расположенного неподалеку. Купец пожертвовал 7 руб. на белый хлеб, а игумен озаботился приготовлением для детей ужина. Монастырский колокол разбудил всех в 4 утра. Отстояв утреннюю службу, длившуюся несколько часов, дети

отправились обратно через Подгороднюю Покровку (17 верст пути – почти 18 км). Они «резвились, пели». По дороге дети набрали большие букеты цветов, «а тенистые деревья служили прекрасным местом для отдыха» [14, с. 3].

Тогда же оренбургские кадеты совершили несколько прогулок – на берег речки Каргалки возле Подгородней Покровки (как видно, самое популярное место для детских путешествий), на берег той же речки к хутору «г. Степанова (б. Стоколенко)» и за Урал к озеру «Тюкавая яма». Как отмечали журналисты, эти экскурсии «имели военно-походный вид, и поэтому с учащимися следовали обоз с фуражом, медицинская часть и проч. Не были забыты и рыболовные принадлежности. Дети играли в разные игры и прогулками всегда были довольны». «Детей всегда занимает перемена местности. Им приятно также бегать по лугам, по полям и ходить пешком» [15, с. 3], – отмечалось в заметке.

«Оренбургская газета» в июле 1898 г. писала о том, как девочки из оренбургского Института императора Николая I совершили прогулку с дачи «Маяк» в село Покровку. С раннего утра в Покровку была отправлена телега с провизией, для девочек наняты были экипажи-долгуши, а для представителей администрации и гостей – две тройки. Процессия выехала в половине одиннадцатого утра. «Пыльную часть дороги до Покровского моста проехали в экипажах, затем дети вышли из долгуш и пешком отправились к месту назначения». Пешую прогулку с девочками совершила и начальница института княгиня Оболенская. Весь день воспитанницы провели на берегу реки Каргалки: «гуляли, играли и катались на лодке. Здесь же в лесу был предложен обед, чай и фрукты». В половине девятого вечера прогулка закончилась, и все в экипажах вернулись обратно на институтскую дачу, где детей ждал ужин [16, с. 92].

Иногда, правда, такие прогулки заканчивались весьма печально. Так, прогулка в 1895 г. на гору Маяк учеников VI приходского училища Оренбурга завершилась трагедией, в реке Сакмара «по неосторожности» утонул 11-летний Иван Лунев, сын оренбургского мещанина. «Мальчики, играя в роще, приблизились к реке, где Иван Лунев хотел напиться и, подойдя близко к воде, нагнувшись, чтобы почерпнуть воды, оборвался с берега и упал в реку, утонув в глубоком месте» [17, с. 3]. Судя

по описываемым обстоятельствам происшествия, мальчики в течение какого-то времени были предоставлены сами себе, остались без внимания взрослых. Причиной гибели ребенка была названа его же неосторожность.

Тем не менее, подобные загородные прогулки стали практиковаться во многих учебных заведениях империи. Школьное экскурсионное движение ширилось и получало поддержку со стороны профильного министерства. Циркуляр министра народного просвещения в 1900 г. отменил прежнее распоряжение о летних работах учеников. Вместо этого были рекомендованы «образовательные прогулки, путешествия или какие-либо полезные занятия и развлечения, возможные при данных условиях». Особое внимание следовало «обратить на прогулки и путешествия с образовательной целью», которые должны были «сделать преподавание в средней школе более живым и наглядным»¹.

Образовательная составляющая загородных прогулок была особенно важна для городских детей, которые зачастую были знакомы с природой исключительно по учебникам. Результаты анкетирования, проведенного в 1913 г. «в одной из низших школ г. Оренбурга с пестрым составом учащихся (дети чиновников, приказчиков, мещан, крестьян и т. д.)», показали, что дети никогда не видели «дояния коров 5 %, приготовления коровьего масла 38 %, живой изгороди 70,9 %, птичьего гнезда на дереве 10,1 %, ползущей улитки 68,4 %, малинового куста с ягодами 36,8 %, живого скворца 11,4 %, поднимающегося с пением жаворонка 72,2 %, живого ежа 1,3 %, хищной птицы на лету 5 %, грибов в лесу 25,3 %, рыбы в воде 2,5 %, внутренности улья 77,2 %, тюльпанового поля весной 54,4 %». Эти же дети никогда не слышали «пения соловья 21,5 %, крика кукушки 5 %». Соответственно эти же городские учащиеся сообщили, что «никогда не были на огороде 8,9 %, на пашне 54,4 %, в лесу 2,5 %, в лугах 17,7 %, в степи 16,5 %» [18, с. 2]. Эти цифры даже современным городским жителям могут показаться странными, поскольку на дачи, загородные турбазы, или просто на летние пикники сегодня выезжают практиче-

¹ Циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов – об отмене летних каникулярных работ учеников средних учебных заведений (2-го авг. 1900 г., № 20185) // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCXXXI. 1900. Сент. СПб., 1900. С. 65.

ски все городские семьи. Но на рубеже XIX–XX вв. в отсутствие у родителей свободного времени выбраться всем семейством на природу городским детям, вероятно, действительно было сложно. Поэтому знакомство детей с окружающим природным миром брала на себя школа.

Как отмечают в своей статье Д. В. и Т. Н. Арцыбашевы, «начало XX в. еще не стало временем разработки методических приемов проведения экскурсий или анализа особенностей показа и рассказа. Тогда главной экскурсионной задачей было ознакомление с уникальными природными и историческими памятниками, представление экскурсантам определенной информации, глубина и качество которой зависели от знаний и подготовленности экскурсовода» [7, с. 81]. В этих обстоятельствах в Оренбургское реальное училище в 1906 г. для проведения занятий на открытом воздухе даже был приглашен специальный учитель, который в теплое время года несколько раз в неделю должен был выбираться с ребятами на прогулки. Кроме того, аналогичные прогулки были организованы и преподавателем природоведения М. А. Голомиевым. Ученики второго класса должны были научиться определять деревья и кустарники по листьям, полюбоваться на «осенний вид» деревьев и трав, на практике увидеть перелеты птиц. При этом выяснилось, что некоторые ученики «никогда еще не видели леса» [19, с. 4]. Такие варианты досуга, в первую очередь служили образовательным задачам и были своеобразным развлечением, однако приносили немалую пользу для оздоровления детского организма.

В мае 1908 г. состоялась прогулка учащихся 8-го Оренбургского мужского приходского училища по железной дороге на станцию Каргала. По сообщению одного из учителей, сопровождавших экскурсантов [20], такие прогулки они уже предпринимали на протяжении предыдущих 5–6 лет, из-за чего дети начали готовиться к этому традиционному путешествию заранее. Всего собралось около 150 учеников, нагруженных «мешками, котомками с провизией, чайниками, котелками, удочками», а один из ребят притащил даже бредень. Детей посадили в трех специально предоставленных для этого вагонах. Дорога, занявшая около 40 минут, вызвала радость и оживление. По приезде в Каргалу, дети расположились в ближайшей рощи-

це, где «стали разводить костры, кипятить чайники и уничтожать привезенную с собою провизию». «Отчаянные рыболовы», позабыв про еду, бросились к речке Каргалке, довольно рыбной, и уже через три часа наиболее опытные из них поймали около 150 штук разной мелкой рыбы. Получилась отличная уха, которой рыболовы поделились с сопровождающими экскурсию учителями, а также с некоторыми «нерыболовами».

Часов через пять после появления детей в роще, туда же пешком из города пришли еще несколько учеников. Оказалось, что это были ребята, опоздавшие на поезд, но так желавшие приобщиться к общему веселью, что их не остановила даже пешая дорога почти в 25 верст (около 27 км).

После закуски и чая начались игры, из которых наибольшей популярностью пользовались лапта и «война русских с татарами» (по мотивам покорения Сибири Ермаком): дети по жребию разделились на две группы («русские» были в фуражках, а «бритые татары» – без головных уборов), выбрали себе «военачальников», после чего «русские» стали штурмовать гору за Каргалкой, за которой спрятались «татары». Смысл игры заключался в том, чтобы взять в плен как можно больше противников. «Победили русские, которые взяли гору и почти всех татар, за исключением немногих убежавших, забрали в плен». После игр дети снова пили чай, пели песни, собирали минералогическую коллекцию, ловили жуков, бабочек и ящериц. В роще дети провели 9–10 часов, после чего отправились поездом домой.

Отношение родителей к подобному варианту детского досуга не всегда было положительным. Может быть, родители опасались за жизнь и здоровье своих чад, а возможно, хотели оградить собственного ребенка от пагубного влияния товарищей, не обремененных правилами поведения. Так, рассказывая о поездке учеников 7-го Оренбургского мужского приходского училища по железной дороге на станцию Сырт в мае 1908 г., один из сопровождающих, П. Малый, отметил, что «встретивши одного ученика с матерью, учитель на предложение принять участие в поездке получил от матери такой ответ: “Нет, мы не пустим!”» [21, с. 37]. Возможно, опасения родителей не были совсем безосновательными, поскольку в поездке один из учеников II-го отделения «расхворался во время первой прогулки на горы, жалуясь на боль в голове и в животе» [21,

с. 40]. По дороге же «один ученик, окончивший уже курс, так развернулся душою, что в разговоре с товарищами произнес несколько нецензурных слов, не то, чтобы громко, а все-таки так, что стоявший шагах в трех учитель слышал» [21, с. 37]. С провинившимся, конечно, была проведена профилактическая беседа, но полностью пресечь употребление учащимися бранных слов учителя не могли.

Однако, несомненное образовательное воздействие экскурсий на детей подчеркивали практически все представители просвещенной общественности. С одной стороны, как отмечал А. И. Тарнавский, «Оренбургская губерния со своими громадными незаселенными пустырями не представляет таких удобств для осмысленных путешествий, как какая-нибудь из средних, южных или западных губерний, где и пространство невелико и исторических местностей больше, и промышленные центры чаще; тем не менее и в Оренбургской губернии, даже в окрестностях, есть на что посмотреть: железнодорожный мост, монастырь, Берды, своеобразное поселение – Каргала, Гребенская гора, откуда добывают лучший камень, меновой двор, наконец, Илецкая Защита со своими замечательными ломками и копиями; а далее может быть устроена и поездка на Волгу, вверх по уфимской дороге, где полный простор для всевозможных наблюдений над красивой и разнообразной природой, и даже куда-нибудь в степь, к киргизскому кочевью или аулу в зимнюю пору» [22, с. 3].

В 1903 г. «Оренбургский листок» уведомлял оренбуржцев о том, что Оренбургская мужская гимназия организует образовательную «ученическую экскурсию по примеру других учебных заведений». Учащиеся намеревались посетить Киев для «ознакомления с его историческими памятниками и религиозными святынями». Руководителем экскурсии был назначен учитель истории К. А. Белавин [23, с. 3]. В 1910 г. ученики реального училища Оренбурга выехали на экскурсию по маршруту: Оренбург – Златоуст – Екатеринбург – Гороблагодатская – Пермь – Вятка – Котлас (по Северной Двине) – Вологда – Ярославль – Нижний Новгород – Самара – Оренбург. Экскурсия была рассчитана на три недели – с 7 по 27 июня [24, с. 3]. При этом, например, в учебных заведениях Курской губернии «до 1907 г. школьные экскурсии носили локальный характер и за пределы губернии

не распространялись» [7, с. 81]. Таким образом, опыт организации и проведения школьных экскурсий в Оренбурге можно вполне назвать передовым.

В деле максимального распространении экскурсионных практик Министерство народного просвещения активно сотрудничало с Министерством путей сообщения. Последнее в 1899 г. ввело для учащихся специальный летний льготный тариф, «по которому за проезд по железной дороге организованных пассажиров в III классе предусматривалась скидка в 50 %. 9 марта 1902 г. был утвержден специальный тариф № 6900 на проезд учащихся, отправляющихся в образовательные экскурсии, подтверждающий льготы экскурсионных групп на всех отечественных железных дорогах для каждой группы экскурсантов в течение двух месяцев со дня ее выезда. Воспитанникам низших учебных заведений при поездках на расстояние до 50 км вообще предоставлялся бесплатный проезд» [7, с. 82].

Циркуляр Министерства народного просвещения от 10 июня 1904 г. сообщал о желательности «в летние и рождественские вакации» организации дальних поездок по России, «в особенности с целью ознакомления учащихся с историческими местами, памятниками, святынями, музеями, известными фабриками и заводами»¹. Кроме того, предлагалось весной и ранней осенью устраивать прогулки преподавателей с их семьями и учащихся с их родителями по окрестностям. Такие прогулки, по мнению Министерства просвещения, должны были способствовать сплочению учащихся и объединять «заведение как бы в одну хорошую семью»², что должно было позитивно отразиться и на образовательной, и на воспитательной деятельности. Начальникам учебных округов предписывалось в срок не позднее 1 декабря каждого года направлять в министерство «отчеты о предпринятых учащимися, под руководством наставников, экскурсиях с описанием последних, составленным кем-либо из участников»³.

Журналист газеты «Оренбургский листок» в 1900 г. в статье «Ученические экскурсии» радостно сообщал, что Министерство народного просвещения «живо заинтересовалось вопро-

¹ Циркуляр министра народного просвещения о физическом развитии учащихся (10-го июня 1904 года, № 20185) // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCLIV. 1904, июль. СПб., 1904. Правительствонные распоряжения. С. 98–99.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 101.

сом о выработке плана совместных ученических экскурсий». Экскурсии должны были нивелировать «казенность, сухость, теоретичность» системы российского образования. Российские школьники, по мнению журналиста, вынуждены были «воспринимать всю школьную программу воображением и памятью», в то время как школьники других стран получали знания преимущественно за счет «непосредственного ознакомления с изучаемым предметом», за счет чувственного опыта. На экскурсиях «грудь ученика дышит воздухом изучаемой страны; глаз видит то, чего отчетливо и верно никогда не представит воображение ...» [25, с. 2].

Помимо образовательного значения, экскурсии имели и несомненное воспитательное воздействие, поскольку, путешествуя, «школьник знакомится с жизнью лицом к лицу». Во время путешествий ребенок, «этот гражданин и человек в миниатюре» сталкивался со случайностями, превратностями и проблемами «в гомеопатических дозах», а значит, приучив свой организм, в будущем, он с большей стойкостью мог переносить возможные несчастья. Благотворно влияли экскурсии и на физическое развитие ребенка – «свежий воздух, благотворное солнце, не отравленная ядом культуры вода, непринужденные движения – вот что в избытке может дать поездка». Журналист предостерегал организаторов экскурсий от того, чтобы дети ездили в путешествия «барчатами», с толпой сопровождающих их взрослых. Пусть «школьники все сами делают: и сапоги чистят, и с багажом возятся, и билеты берут, – все это имеет воспитательное значение» [25, с. 3], – писал автор.

Попробовав себя в таких «официальных» экскурсиях, дети (особенно мальчики) вполне могли затем организовывать свой досуг самостоятельно. Ученик 2 класса Оренбургского реального училища С. Сабликос на страницах сборника «Труды досуга», издаваемого учащимися Оренбургского реального училища писал о такой загородной прогулке, которую он с товарищами совершил в мае 1914 г. Ребята узнали, что переходят в следующий класс без экзаменов (вероятно из-за больших успехов в обучении), и решили отпраздновать это событие на природе. Запасшись провизией и взяв с собой чайник, мальчики отправились в лес.

Пройти пришлось около трёх километров. «Отдохнув и вволю налюбовавшись видом голубого неба, мы встали со своих

мест, и каждый наперерыв советовал, что сейчас предпринять: начать ли игру в мяч, собирать ли цветы или прежде всего выкупаться.

Наконец все сразу и единодушно пришли к одному решению, сначала надо закусить», – сообщил автор [26; с. 14–15]. После завтрака было решено заварить чай, однако ни дров, ни углей с собой ребята не захватили – «все это нужно было достать в лесу самим». Мальчики собрали хворост, нашли удобное для костра место, но сразу развести костер им не удалось. «Было ли тому причиной наше “умение” разжигать костер, не знаю, но только пришлось истратить пол коробки спичек, прежде чем костер запылал», – констатировал участник похода. После того, как чай наконец был заварен и выпит, ребята «два раза выкупали, играли в мяч, собирали и засушивали цветы, а также ловили рыбу, но ни одной не поймали» [26, с. 15]. Как можно заметить, в этой заметке нет ни слова о каких-либо взрослых, которые сопровождали бы детей в загородной прогулке. Ученики 2 класса (учитывая, что поступали в реальные училища лет в 11–12, это были дети 12–13 лет) самостоятельно организовывали свой загородный отдых, разводили костер и ловили рыбу. То есть какими-то элементарными навыками для всех этих действий дети уже обладали. Научиться им ребята могли как у родителей, так и в ходе организованных детских экскурсий.

Обсуждение и выводы

Организация детских прогулок, поездок, путешествий и экскурсий, в первую очередь, с позиций общественной пользы, должна была способствовать лучшему знакомству ребенка с жизнью, как она есть, вырабатывать навыки осознанного и ответственного поведения, подталкивать ребенка к взрослению (прежде всего, психологическому).*

Список литературы

1. Тарасова Н. В. Образовательный потенциал ученических экскурсий во второй половине XIX – начале XX в // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2014. – № 1 (32). – С. 45–54. DOI: 10.15382/sturIV201432.45-55. EDN: TJSUZX.

* Иллюстрацию к статье см. на с. 229.

2. Сизинцева Л. И. Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2 (19). – С. 36–46. EDN: VZZUYT.
3. Баталова Л. В., Мерзлякова Г. В. История развития дореволюционного отечественного туристско-экскурсионного дела // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 2–2. – С. 83–91. EDN: KUVNTL.
4. Баталова Л. В., Мерзлякова Г. В. История туризма в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2011. – № 2. – С. 15–20. EDN: NUCETL.
5. Баталова Л. В. Экскурсионная практика в учебных заведениях дореволюционной Удмуртии (вторая половина XIX начало XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – № 3. – С. 127–131. EDN: PBVBUR.
6. Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В. Организация ученических экскурсий в Крым в конце XIX начале XX века (на примере Вятской губернии) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – № 1. – С. 20–25. DOI: 10.12737/7904. EDN: TKUHBR.
7. Арцыбашев Д. В., Арцыбашева Т. Н. Становление и развитие экскурсионного метода обучения в отечественных учебных заведениях конца XIX – начала XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 4 (48). – С. 80–86. EDN: YPWELB.
8. Савинкова Р. А. Развитие экскурсионного дела в Самаре в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 69. – С. 90–94. EDN: OOOYUJ.
9. Ильин А. Л. Организация и проведение экскурсий в учебных заведениях дореволюционного Пинска // Туризм и гостеприимство. – 2014. – № 1. – С. 47–52.
10. Киселева А. С. Экскурсионное дело в Нижнем Новгороде в начале XX века (по материалам профильной периодики 1900–1917 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2011. – № 6–1. – С. 255–261.
11. Хроника. Военная прогулка гимназистов // Оренбургский листок. – 1892. – № 19. – С. 3.
12. Хроника. Прогулка гимназистов // Оренбургский листок. – 1891. – № 21. – С. 3.
13. Из Отчета о состоянии оренбургской мужской гимназии за 1890/91 учебный год, читанного на акте 26 ноября 1891 г. // Оренбургский листок. – 1891. – № 50. – С. 4.
14. О. Г. Прогулка учеников // Оренбургский листок. – 1898. – № 26. – С. 3.
15. Хроника. Прогулки учащихся детей // Оренбургский листок. – 1898. – № 29. – С. 3.
16. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 2 (34). – С. 84–97. EDN: RYVHUU. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.8.
17. Хроника // Оренбургский листок. – 1895. – № 19. – С. 3.
18. Школьные экскурсии // Приложение к № 63 «Оренбургской газеты». – 1913. – С. 2.
19. Краткие сведения об естественно-исторических экскурсиях (извлечение из отчета преподавателя М. А. Галамиева) // Ежегодник оренбургского реального училища. Первая половина 1906–1907 учебного года. № 1. Приложения. – С. 4–6.

20. Учитель Сапегин. Прогулка учащихся 8-го Оренбургского мужского приходского училища // Оренбургские педагогические записки. Учебный 1908–1909 год. Второй год издания. Вып. II, октябрь–ноябрь. – С. 40–43.

21. Малый П. Поездка учеников Оренбургского VII-го мужского приходского училища по железной дороге на станцию Сырт // Оренбургские педагогические записки. Учебный 1908–1909 год. Второй год издания. Вып. II, октябрь–ноябрь. – С. 36–40.

22. Тарнавский А. Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо третье // Оренбургский листок. – 1892. – № 42. – С. 1–3.

23. Хроника // Оренбургский листок. – 1903. – № 24. – С. 3.

24. Местная хроника. Экскурсия // Оренбургская газета. – 1910. – № 104. – С. 2.

25. Ученические экскурсии // Оренбургский листок. – 1900. – № 19. – С. 2.

26. Сабликов С. Праздничная прогулка // Труды досуга. Периодический сборник, издаваемый учениками VI класса Оренбургского реального училища. – 1914. – № 2, январь. – С. 14–15.

Educational Walks and Excursions as an Element of Children's Everyday Life in Orenburg at the Turn of the 19th – 20th Centuries

Elena V. Burlutskaya

Based on a wide range of published sources, the article examines the practices of organizing student walks and excursions in educational institutions of Orenburg at the turn of the 19th – 20th centuries and the role of these types of extracurricular activities in children's urban daily life. The author draws attention to the routes offered to children, programs of excursions, and opinions of children and parents about this pastime. The differences between trips for boys and for girls are analyzed. The author concludes that such events were very important for the educational impact on the child's personality, for preparing the child for future adult life. It is emphasized that such trips were especially important for urban children, since for them it was an opportunity to learn about objects of nature and new activities.

Key words: children's daily life, post-reform period, Orenburg, educational walks, excursions.

For citation: Burlutskaya, E. V. (2024) Uchebnye progulki i ekskursii kak element detskoj povsednevnosti v Orenburge na rubezhe XIX–XX vv. [Educational Walks and Excursions as an Element of Children's Everyday Life in Orenburg at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 10–25. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_10. EDN: DGBMBM

References

1. Tarasova, N. V. (2014) *Obrazovatel'nyj potencial uchenicheskikh ekskursij vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Educational potential of student excursions in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology]. No. 1 (32). Pp. 45–54. (In Russ.). DOI: 10.15382/sturIV201432.45-55. EDN: TJSUZX.

2. Sizinceva, L. I. (2015) *Gumanitarnye ekskursii nach. XX veka. Ot pamyati k istorii, ot istorii k pamyati* [Humanitarian excursions of the beginning of the 20th century. From memory to history, from history to memory]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. No. 2 (19). Pp. 36–46. (In Russ.). EDN: VZZUYT.

3. Batalova, L. V., Merzlyakova, G. V. (2009) *Istoriya razvitiya dorevolucionnogo otechestvennogo turistsko-ekskursionnogo dela* [The history of the development of the pre-revolutionary domestic tourist and excursion business]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. No. 2–2. Pp. 83–91. (In Russ.). EDN: KUVNTL.

4. Batalova, L. V., Merzlyakova, G. V. (2011) *Istoriya turizma v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The history of tourism in Udmurtia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. No. 2. Pp. 15–20. (In Russ.). EDN: NUCETL.

5. Batalova, L. V. (2012) *Ekskursionnaya praktika v uchebnykh zavedeniyah dorevolucionnoj Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Excursion practice in educational institutions of pre-revolutionary Udmurtia (the second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology"]. No. 3. Pp. 127–131. (In Russ.). EDN: PBVBYR.

6. Merzlyakova, G. V., Batalova, L. V. (2015) *Organizaciya uchenicheskikh ekskursij v Krym v konce XIX nachale XX veka (na primere Vyatskoj gubernii)* [Organization of student excursions to the Crimea in the late 19th – early 20th century (on the example of Vyatka province)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. No. 1. Pp. 20–25. (In Russ.). EDN: TKUHDR.

7. Arcybashev, D. V., Arcybasheva, T. N. (2018) *Stanovlenie i razvitie ekskursionnogo metoda obucheniya v otechestvennykh uchebnykh zavedeniyah konca XIX – nachala XX v.* [Formation and development of the excursion method of teaching in domestic educational institutions of the late 19th – early 20th century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]. No. 4 (48). Pp. 80–86. (In Russ.). EDN: YPWELB.

8. Savinkova, R. A. (2009) *Razvitie ekskursionnogo dela v Samare v konce XIX – nachale XX vv.* [The development of sightseeing in Samara in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. No. 69. Pp. 90–94. (In Russ.). EDN: OOOYTJ

9. Il'in, A. L. (2014) *Organizaciya i provedenie ekskursij v uchebnykh zavedeniyah dorevolucionnogo Pinska* [Organizing and conducting excursions in educational institutions of pre-revolutionary Pinsk]. *Turizm i gostepriimstvo* [Tourism and hospitality]. No. 1. Pp. 47–52. (In Russ.)

10. Kiseleva, A. S. (2011) *Ekskursionnoe delo v Nizhnem Novgorode v nachale XX veka (po materialam profil'noj periodiki 1900–1917 gg.)* [Excursion business in Nizhny Novgorod at the beginning of the 20th century (based on the materials of the profile periodicals of 1900–1917)]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhny Novgorod State University]. No. 6–1. Pp. 255–261. (In Russ.)

11. *Hronika. Voennaya progulka gimnazistov* (1892) [Chronicle. Military walk of high school students]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 19. P. 3. (In Russ.)

12. *Hronika. Progulka gimnazistov* (1891) [Chronicle. Walk of high school students]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 21. P. 3. (In Russ.)

13. *Iz Otcheta o sostoyanii orenburgskoj muzhskoj gimnazii za 1890/91 uchebnyj god, chitanogo na akte 26 noyabrya 1891 g.* (1891) [From the Report on the state of the Orenburg men's gymnasium for the 1890/91 academic year, read on the act of November 26, 1891]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 50. P. 4. (In Russ.)

14. O. G. *Progulka uchenikov* (1898) [Pupils' Walk]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 26. P. 3. (In Russ.)

15. *Hronika. Progulki uchashchihsya detej* (1898) [Chronicle. Walks of kids]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 29. P. 3. (In Russ.)

16. Burluckaya (Bannikova), E. V. (2020) *Dachnyj otdyh v Orenburgskoj gubernii poreformenogo perioda* [Summer vacation in the Orenburg province of the post-reform period]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal*

[Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 2 (34). Pp. 84–97. (In Russ.). EDN: RYBHUU. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.8.

17. *Hronika* (1895) [Chronicle]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 19. P. 3 (In Russ.)

18. *SHkol'nye ekskursii* (1913) [School trips]. *Prilozhenie k № 63 «Orenburgskoj gazety»* [Appendix to No. 63 of the Orenburg Newspaper]. P. 2. (In Russ.)

19. Kratkie svedeniya ob estestvenno-istoricheskikh ekskursiyah (izvlechenie iz otcheta prepodavatelya M. A. Galamieva) (1906–1907) [Brief information about natural history excursions (extract from the report of the teacher M. A. Galamiev)]. *Ezhegodnik orenburgskogo real'nogo uchilishcha. Pervaya polovina 1906–1907 uchebnogo goda* [Yearbook of the Orenburg Real School. The first half of the 1906–1907 academic year. No. 1. Applications]. Pp. 4–6. (In Russ.)

20. Uchitel' Sapegin (1908–1909). *Progulka uchashchihsya 8-go Orenburgskogo muzhskogo prihodskogo uchilishcha* [Walk of students of the 8th Orenburg Men's Parish School]. *Orenburgskie pedagogicheskie zapiski. Uchebnyj 1908–1909 god. Vtoroj god izdaniya*. [Orenburg pedagogical notes. Academic year 1908–1909. The second year of publication] Vol. II, October–November. Pp. 40–43. (In Russ.)

21. Malyj, P. (1908–1909) *Poezdka uchenikov Orenburgskogo VII-go muzhskogo prihodskogo uchilishcha po zheleznoj doroze na stanciyu Syrt* [Trip of students of the Orenburg 7th men's parish school by rail to the Syrt station]. *Orenburgskie pedagogicheskie zapiski. Uchebnyj 1908–1909 god. Vtoroj god izdaniya* [Orenburg pedagogical notes. Academic year 1908–1909. The second year of publication]. Vol. II, October–November. Pp. 36–40. (In Russ.)

22. Tarnavskij, A. (1892) *Iz-za orenburgskih detej (pis'mo k redaktoru). Pis'mo tret'e* [About the Orenburg children (letter to the editor). The third letter]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 42. Pp. 1–3. (In Russ.)

23. *Hronika* (1903) [Chronicle]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 24. P. 3. (In Russ.)

24. *Mestnaya hronika. Ekskursiya* (1910) [Local chronicle. Excursion]. *Orenburgskaya gazeta* [Orenburg newspaper]. No. 104. P. 2. (In Russ.)

25. *Uchenicheskie ekskursii* (1900) [Student excursions]. *Orenburgskij listok* [Orenburg Leaflet]. No. 19. P. 2. (In Russ.)

26. Sablikov, S. (1914) *Prazdnichnaya progulka* [Holiday walk]. *Trudy dosuga. Periodicheskij sbornik, izdavaemij uchenikami VI klassa Orenburgskogo real'nogo uchilishcha* [Works of leisure. A periodical collection published by students of the VI class of the Orenburg Real School]. No. 2, January. Orenburg, 1914. Pp. 14–15. (In Russ.)

Об авторе

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0003–0001–2207

About the author

Burlutskaya Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0003–0001–2207

Статья поступила в редакцию 12.10.2023

Одобрена после рецензирования 08.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

«Ответственные родители» и Рождество: здоровьесберегающие технологии в праздничной повседневности столичных жителей России второй половины XIX – начала XX в.

В. А. Верemenко, Ю. В. Сутула

В статье на основе широкого круга источников, включающих эго-документы, публицистику, статьи в периодических изданиях, делопроизводственные материалы и художественную литературу, анализируются теория и практика здоровьесбережения в условиях подготовки и празднования Рождества в столичных дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. «Ответственные родители» пытались с одной стороны, обеспечить детям «чудесный праздник», наполненный удивительными подарками, необыкновенными вкусами и яркими впечатлениями, а с другой – сохранить их физическое и психологическое здоровье, которое подвергалось серьезным испытаниям. Торгово-санитарные службы не имели ни достаточных сил, ни возможностей для контроля за праздничным ассортиментом, часть из которого оказывалась просто опасной для жизни. Не менее серьезными последствиями для детей грозили переедание, психологическая усталость от многочисленных развлечений и связанные с массовыми гуляньями инфекции.

Ключевые слова: гигиена детства, «ответственные родители», Рождество, здоровье сбережение, С.-Петербург, торгово-санитарные службы, праздник, елка, игрушки, сладости.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421>

Для цитирования: Верemenко В. А., Сутула Ю. В. «Ответственные родители» и Рождество: здоровьесберегающие технологии в праздничной повседневности столичных жителей России второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 26–56. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_26. EDN: ETWMMG

Введение

Праздники по своей сути являются событиями многоплановыми, с одной стороны, это некий своеобразный «перерыв повседневности», когда меняется весь уклад привычной жизни и допустимо то, что в обыденности невозможно и даже неприемлемо [1, с. 44]. Но, с другой – во все времена и во всех культурах, существует своя особая «праздничная повседневность», со строго установленными ритуалами, которая своей «традиционностью» помогает в еще большей степени окунуться в праздничную атмосферу. В особенности это касается массовых празднеств, которые широко отмечают «все вокруг».

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи такими праздниками были Рождество Христово и Пасха, при этом особенно широко, с привлечением большого количества людей всех возрастов, включая детей, отмечали именно Рождество, а сочельник в столице империи считался именно детским праздником. Конечно, это время было и наиболее хлопотным для «ответственных родителей», заботившихся как об умственном, так и о физическом развитии своих детей. В зоне их особого внимания было устройство рождественских торжеств для детей, при этом таких, чтобы с одной стороны сохранить в детских сердцах дух, настроение и антураж рождественского чуда, а с другой – организовать для ребенка безопасную среду, исключив в это время всевозможные риски здоровью. Эта задача была для родителей действительно очень сложной, поскольку предстояло найти определенный баланс между всепоглощающим весельем, когда многое делается «наоборот», и здравым смыслом.

Именно в конце XIX – начале XX в. постепенно разрабатывались на основе практического опыта родителей здоровьесберегающие технологии, охватывавшие все аспекты рождественских празднеств для детей, однако подобные технологии порой вступали в конфликт с устоявшимися традициями, в частности, с формой празднования, украшением дома или рождественскими угощениями. «Ответственное родительство» требовало особого отношения к гигиене праздника как важного явления в жизни ребенка, и особой ответственности за безопасность детей, что сформировало в конце XIX в. определенные правила празднования Рождества, охватывавшие

самые различные аспекты: подготовку елки, выбор подарков, организацию рождественского стола и угощений. Практически на всех этапах подразумевалось определенное участие детей, и во многом от родителей зависела организация безопасного пространства на протяжении всего праздника; т. е. в подготовительный период (именно он был самым длинным и многофакторным), во время празднования, а также в период «праздничного послевкусия».

Целью статьи является анализ детских здоровьесберегающих практик, которые применялись родителями при праздновании Рождества, а также характеристика основных положений гигиены рождественской елки во второй половине XIX – начале XX в.

Материалы и методы

Работа написана в рамках методологии истории повседневности, а основными методами являются метод «включенного наблюдения» и исторической реконструкции, которые позволяют при анализе различных источников (эго-документов, отчетов санитарных служб, художественной литературы и периодических изданий) не только поэтапно воссоздать элементы рождественского праздника, но и выявить связанные с ним родительские переживания, сопровождавшие это любимое и долгожданное детское торжество.

Задачами данной статьи является оценка и систематизация основных гигиенических методик, как предлагавшихся гигиенистами, так и реализуемых родителями для сохранения здоровья детей во второй половине XIX – начале XX в. во время рождественских празднований по различным направлениям.

В отечественной историографии вопросы домашнего празднования Рождества и соблюдения гигиены праздника рассматривались с различных позиций. В 20-е и начале 30-х гг. XX в. всячески отрицалась сама сущность праздника, выхватывались из дореволюционного быта все негативные моменты, которые провозглашались религиозным дурманом [2; 3]. С середины 30-х гг. XX в., когда елка вошла с одобрения партии в быт как новогодняя, педагогическая литература того времени наполнилась рекомендациями, выработанными еще в дореволюционный период по украшению елки и обеспечению безопасной среды. С этого времени исторические ис-

следования посвящались «елке общественной», а не «елке семейной» [4]. Вплоть до 1990-х гг. исследования о дореволюционном семейном Рождестве носили культурологический и этнографический характер [5; 6].

Тема рождественских праздников является многоплановой и подобные исследования в современной историографии носят междисциплинарный характер. Наиболее подробно исследуются вопросы организации общественных елок [7–9]. Различные аспекты, связанные с проведением домашних рождественских праздников, косвенно затрагиваются в исследованиях, посвященных истории игрушек, гигиене детского питания, повседневности различных социальных групп и даже функционирования городского торгово-санитарного надзора [10–14].

При написании статьи, использовались эго-документы: воспоминания, биографии и личные открытки, материалы периодической печати как отечественной, так и зарубежной, труды гигиенистов того времени, а также делопроизводственные источники. Особое значение имел анализ детской литературы, в том числе популярных святочных рассказов, рекомендаций по празднованию, инструкций по изготовлению ёлочных игрушек. Изучение материалов детских журналов позволило взглянуть на рождественские приготовления глазами не только родителей, но и детей.

Зимний воздушно-световой режим: дилемма родителей

В период подготовки к празднованию Рождества большая ответственность возлагалась на родителей, прежде всего, на матерей. Требования к женщине «как к ответственному родителю» были особенно высоки. Она должна была быть образованной, т. к. это считалось обязательным как для «ведения сложного домашнего дела» [15, с. 1], так и для воспитания детей. Ответственные матери изучали как отечественные, так и иностранные журналы, посвященные правильным методам воспитания [16, с. 98]. Однако зачастую увлечение умственным развитием детей, как и забота об их здоровье приобретали гипертрофированный характер [17].

Это касалось и рождественских праздников. Они приходились на первый зимний месяц, когда появлялись «всякие

специфические детские болезни» [18, с. 13]. Заботливые петербургские матери, желая предотвратить подобные заболевания, лишали своих детей с наступлением холодных дней всяческих прогулок, исключали любые контакты с другими детьми. Делали матери это, изучив различные медицинские книжки о бактериях и микробах, сыворотках и т. п., которые были особенно популярны в конце XIX в.

Боясь заражений, многие обеспокоенные матери не выпускали младших детей из дома вплоть до рождественских праздников. Атмосфера в натопленных комнатах была очень душной, врачи подчеркивали, что подобное «воздушное голодание», без гуляний и купаний почти на месяц ослабляет здоровье ребенка, а изменение привычек и образа жизни детей настолько кардинально может принести им лишь вред [19; с. 1–2], и первый же контакт ослабленного от отсутствия свежего воздуха организма с инфекцией может быть опасен.

На степень распространённости данного явления указывает значительное число публикаций в женских и даже мужских журналах, в которых обращалось внимание на пользу детских прогулок в зимнее время, отмечалось, что это способствует развитию легких у ребенка, укрепляет его здоровье. Гигиенисты подчеркивали, что пребывание зимой на улице следовало детям осуществлять активно, ведь именно движение давало необходимую «гибкость членам, оцепеневшим от холода» [20, с. 233]. Но даже если родители и прислушивались к этим советам, то делали это очень своеобразно. Перед прогулкой закутывали детей до такого состояния, что ребенку было трудно шевелиться и невозможно повернуть голову, щеки во избежание обморожений щедро смазывали жиром [21, с. 6].

Однако, несмотря на то что декабрь считался в Петербурге месяцем достаточно опасным для здоровья детей, подготовка к торжеству велась активно во всех семьях и чем ближе было Рождество, тем больше вовлекались в эту деятельность и дети. Празднование Рождества считалось обязательным во всех семьях, но принятый «охранительный режим» пребывания детей дома в течение декабря не укреплял здоровье, а вместо этого пагубно влиял на организм и психику ребенка, что и находило подчас негативные отголоски в период непосредственных празднований и после них.

«Сусальным золотом горят рождественские свечи»: подготовка елки и подарков

Обязательным атрибутом рождественского праздника в последней четверти XIX – начале XX в. становится ёлка. Саму ёлку покупали непосредственно перед торжеством, а вот игрушки для нее приобретались заранее. Стекланные игрушки были редкими и дорогими, наиболее ценились взыскательной публикой украшения немецких стеклодувов из Лауша, их производства назывались «драгоценными» [22, с. 560]. Однако и петербургские фабриканты предлагали широкий ассортимент рождественских украшений, которые можно было приобрести как наборами, так и по отдельности. Цена наборов колебалась от 1 до 250 р. [23, с. 866а, 866б; 24, с. 4; 25, с. 1].

Как в дорогих, так и в относительно дешевых магазинах обязательно были свечи и картонажи – самые популярные елочные аксессуары. Картонажи в Петербурге в предпраздничные дни раскупались сотнями тысяч экземпляров, а кустари, изготавливавшие их, научились искусно копировать изящные заграничные картонажи так, что сделанные у них не отличались от дрезденских, а дешевле были порой втрое [26, с. 2]. Картонажи представляли собой изделия из тиснённого картона в виде разных фигурок: ангелочков, фонариков, различных животных, иногда изготавливались картонажи с опилками, крупным овсом и даже картонажи с музыкой [27, с. 4].

Впрочем, даже такие безобидные игрушки могли представлять опасность. Изготавливались картонажи в артелях игрушечников, состоящих чаще всего из 6–7 человек, зачастую членами одной семьи, где кто-то резал или лепил, другие красили, накладывал позолоту и клеили. Скученность людей в одном помещении, тяжёлый труд не способствовали крепкому здоровью картонажников, а привлечение детей к этому труду лишь способствовало появлению эпидемий и других заразных болезней.

Заботливые матери, приобретая прекрасные картонажи в Гостином дворе, не задумывались о том, что бактерии и микробы, которых они так боялись, могут оказаться и на этих игрушках. Гигиенисты советовали протирать влажной тряпочкой новые картонажи, что практически никто не делал, хотя для здоровья детей такие игрушки могли представлять определенную опасность. Помимо этого, для изготовления картонажей ис-

пользовался особый картон или бумага серебристого и золотого цвета, отдельные части игрушек красились вручную. Опасность для здоровья как детей, так и взрослых представляла бумага, окрашенная вредными красками. Мышьяк, который добавляли производители при окраске, приводил к так называемым «отравлениям металлами».

Еще в 1868 г. в Российской империи был принят закон о запрете привоза из-за границы и производства в России предметов, окрашенных ядовитыми красками, в том числе с применением мышьяка. Несмотря на запрет, подобная бумага небольшими партиями изготавливалась и в конце XIX – начале XX вв., ведь её себестоимость была гораздо дешевле, и встречались в столице случаи, когда такую бумагу использовали для изготовления картонажных игрушек. В условиях, когда «картонажи пеклись как блины», отследить подобные изделия торгово-санитарным службам было крайне затруднительно.

В такой ситуации для здоровья ребенка представляло особую важность его поведение во время праздника. Матерям следовало объяснять ребенку, что картонажи не следует лишний раз трогать, или после игры с ними необходимо тщательно вымыть руки [28, с. 8]. Это было связано с тем, что картонажи в некоторых семьях использовали не только как украшение на ёлку, а как рождественский подарок. В конце вечера детям разрешалось снять с ёлки понравившуюся картонажную игрушку, для последующей повседневной игры с ней [29; с. 25–26]. Поэтому предупреждение о том, что такими яркими игрушками надо пользоваться с осторожностью, было крайне актуально.

Наряду с картонажами обязательны на рождественской елке были и разноцветные свечи, как правило, они были парафиновые или восковые, дабы подчеркнуть их безопасность подобные изделия продавались даже в магазинах петербургской химической лаборатории [30, с. 6]. Но и свечи, предназначенные для украшения елок, могли нанести вред здоровью детей. В последней четверти XIX в. было выявлено, что для окрашивания подобных изделий используются краски, содержащие в себе ядовитые вещества [31, с. 3]. Например, для окраски свечей в красный цвет производители использовали сернистую ртуть, а для зеленого цвета – мышьяковидную медь. При зажигании значительного количества таких свечей нахождение у ёлки

вредно действовало на здоровье. И хотя петербургский градоначальник регулярно в период рождественских праздников приказывал участковым приставам собирать владельцев фабрик свечей с целью предупреждения их о «должной осмотрительности» при выборе красок для окрашивания свечей, поскольку это является «настоятельным интересом народного здоровья», гарантировать, что производители действительно соблюдали все требования было сложно [32, с. 4].

Опасны были не столько испарения от ядовито окрашенных елочных свечей, но и сам парафин (воск), из-за того, что на елку было принято вешать сладости и фрукты. При горении свечей, капли парафина попадали на съедобные елочные украшения, которые потом могли стать причиной отравления детей. Вследствие широкого распространения вредных для здоровья красок в 1892 г. медицинский департамент Министерства внутренних дел ещё раз подтвердил приказ медицинского совета [33, с. 471] о том, что строжайше запрещается распространение на Рождество свечей, окрашенных мышьяковистыми красками, а также детских игрушек, окрашенных подобными красками.

Эта проблема была актуальна и для европейских государств, в частности, для Германии и Австро-Венгрии, где санитарные врачи приводили в пример законы Российской империи в области запрета вредно действующих красок [34, s. 57], и подчеркивали значение подобных законов для сохранения здоровья. Проведенные в Германии исследования показали, что из проверенных 50 образцов свечей немецкой фирмы *Ciram* 15 зеленых оказались «высокомышьяковистыми», следы этой окраски были найдены также и в обоях, искусственных цветах, игрушках [35, s. 388].

В такой ситуации родители, желая исключить возможный риск от применения разноцветных рождественских свечей, должны были крайне осмотрительно относиться к выбору подобной продукции. Гигиенисты и торгово-санитарные службы столицы советовали не выбирать слишком яркие по цвету свечи, как бы заманчиво и привлекательно они не выглядели, это же правило должно было распространяться и на свечи зарубежных производителей, и на картонные игрушки.

Однако не только выбор игрушек и свечей требовал осмотрительности, но и выбор подсвечников для рождественских ёлок. На рынке предлагали подсвечники самых разных конструкций

и модификаций по цене от 60 коп. за сотню [23, с. 866б]. Относились к выбору подсвечников «ответственные родители» крайне серьезно и осмотрительно, что было связано прежде всего с риском возникновения пожаров от горящих свечей. Производители, вначале зарубежные, а после и отечественные разрабатывали самые разнообразные модели подсвечников: в том числе те, которые ввинчивались прямо в ствол, с механической пружиной от немецких фирм [36, s. 10], игрушки-автоматы с подсвечником для елки [37, л. 1], с пружинами и маятниками [38, л. 1].

Даже известный в Петербурге владелец «ламповой и бронзовой фабрики» И. А. Кумберг, прославившейся как изготовитель люстр для Казанского собора и часов-аллегории «Благословение России», разработал свой вариант безопасных подсвечников для рождественских свечей. Эта модель прежде всего предохраняла от попадания расплавленных капель воска на смолистые елочные ветки [39, л. 1].

Крайне важным для пожаробезопасности было и размещение свечей на ёлке. Поскольку во второй половине XIX – начале XX в. было принято, что украшением ёлки занимаются родители, то как в женских журналах, так и в журналах для мужчин, в том числе и спортивных, содержались советы, как правильно разместить свечи на рождественском дереве. Их нужно было располагать как можно более равномерно, родителям следовало внимательно наблюдать за тем, чтобы все незакрепленные предметы над свечами были обрезаны дабы избежать возникновения пожаров [40, р. 191].

Несмотря на все предосторожности, пожары от ёлок в дни рождественских праздников были обычным явлением. Известное страховое общество «Россия» при страховании домов от пожаров, исключало случаи пожаров от ёлочных свечей [41, с. 3]. Да и другие, небольшие страховые общества довольно неохотно страховали от пожаров во время рождественских праздников из-за широкого распространения таких случаев. В 1904 г. в Санкт-Петербурге от ёлочных пожаров пострадало свыше 24 домов, а покрыты страховкой были только 3 случая [42; р. 216–217]. Родители Петербурга по традиции ставили рядом с ёлкой ёмкость с водой. Во избежание пожара также назначался ответственный взрослый, который следил за состоянием свечей на ёлке и в случае опасности тушил их.

Электрические гирлянды в виде многоцветных лампочек, появившиеся в конце XIX в. в Петербурге, были редки и массово в столице на Рождество не использовались [43, с. 108]. Это было связано прежде всего с особой системой подключения гирлянд, которую могли осуществлять только специалисты [44, с. 5]. В целом, в исследуемый период использование подобных украшений носило скорее пафосный и статусный характер [45, с. 4; 46, с. 2]. Однако, детям больше всего нравились ёлочные празднования, при которых большее внимание уделялось не внешнему антуражу, а весёлой и интересной развлекательной программе [47, с. 28].

Подготовительная работа к украшению рождественской ёлки для детей начиналась заботливыми родителями с первых чисел декабря: приобретались ёлочные украшения, в том числе различные картонажи, а также рождественские свечи на ёлку и подсвечники к ним. Опытные и образованные родители во избежание имевших место случаев отравлений, приобретали картонажи у проверенных торговцев, тщательно следили за тем, как окрашена бумага и свечи. Однако заманчиво нарядные, яркие игрушки привлекали таких родителей, импортное происхождение подобных игрушек и свечей успокаивало их по поводу качества товара и его безопасности, что не всегда соответствовало истине. Гораздо более ответственно подходили родители к приобретению подсвечников. Все эти меры были крайне актуальными и необходимыми.

Рождество – настоящий праздник игрушек: необходимый баланс в выборе подарков

Родителям сложно было выбрать подарок для ребенка на Рождество. Интеллектуальный характер XIX в., стремление к раннему и быстрому «развитию ума» ребенка отразились и в «правильном» выборе родителями игрушек и развивающих игр [49; с. 11, 13]. Родители приобретали для детей игры интеллектуальные, направленные прежде всего на развитие, зачастую абсолютно не согласуясь с индивидуальными особенностями ребенка, его потребностями и наклонностями.

В Гостином дворе в преддверии праздника преобладали игрушки «с научной подкладкой» [50, с. 3]: игры на терпение, фребелевские дары [51, с. 3], географические лото и т. п. И хотя педагоги

предупреждали, что в Рождество как в праздник волшебства и иллюзий не следует дарить подобных игрушек, следует выбрать что-то соответствующее духу праздника, стремлениям ребенка [52, с. 13], его интересам и увлечениям, но родители решали этот вопрос в соответствии со своими представлениями о воспитательном значении игрушек. В результате нередко подвижным, активным детям покупались сложные головоломки или очередная ненужная кукла [53, с. 61]. Разумеется, появлялись ближе к Рождеству и так называемые «злободневные игрушки». Например, в 1900 г. среди мальчишек крайне желанной была игра в виде фигурки солдата и китайца и «наказания большого кулака» [54, с. 3].

Выбор игрушек и рождественских подарков для детей был просто огромным и зависел лишь от финансовых возможностей семьи [55; с. 2–9], а также от стиля воспитания, принятого в ней. Многие педагоги подчеркивали, что дорогие игрушки, которыми у богатых людей после Рождества заставлена вся детская, зачастую не функциональны, ими можно только любоваться, они не приспособлены для игры, а если ребенок пытался с ними играть, то они тут же ломались [56, с. 148].

Игрушки были товарами, отражающими достижения современной науки. Популярные детские заводные игрушки уступали к концу XIX в. по популярности паровым игрушкам, выполненным очень искусно. Эти модели покупали родители в подарок детям, однако играть такими моделями дети могли только в присутствии взрослых и с их помощью во избежание несчастных случаев из-за неправильной эксплуатации. Подобные игрушки были скорее показателем богатства и статуса, они были нефункциональны и даже небезопасны для детей [57, с. 3].

Помимо влияния на воспитательный процесс, к выбору игрушек следовало относиться очень щепетильно из-за санитарно-гигиенических требований. Одним из наиболее желанных подарков для девочек была «прекрасная большая кукла с голубыми глазами и густыми черными волосами» [58, с. 39], которой можно было расчесывать волосы, целовать ее, делать замысловатые прически, используя собственную расческу и т. д. Родители умилялись, видя такую пасторальную картину, не догадываясь о том, какому риску подвергают своего любимого ребенка.

В конце 1900 г. в разгар рождественской торговли детскими игрушками в Петербурге было проведено расследование в отно-

шении игрушечников-кустарей и лоточных торговцев столицы по поводу фабрикации кукол с волосами, в ходе которого было установлено, что эти куклы «являются рассадником различных заболеваний среди детей» [59, с. 2]. Оказалось, что волосы для кукол приобретались кустарями у больничных сторожей, которые отрезали их у покойников, умерших в том числе и от дифтерита, тифа и других инфекционных заболеваний.

Эти волосы приклеивали в мастерской к кукольной головке, расчесывали и завивали, в результате чего кукла приобретала привлекательный вид, однако представляла серьезную опасность для здоровья ребенка. Гигиенисты давали родителям практический совет, как выявить подобные опасные находки: следовало сжечь маленький пучок волос с головы куклы и если запах будет похож на запах жженого рога, то следовательно это настоящие волосы и такую куклу нельзя было давать ребенку, а еще лучше уничтожить.

Не менее смертельную опасность представляли и столь популярные в Российской империи для маленьких детей резиновые игрушки, издававшие различные звуки вроде хрюканья свиней и лаянья собак, со скрипами и разнообразными голосами. Вот такие пищачие механизмы, состоящие из куска металла и удерживавшиеся на листе острыми зубцами, у активного малыша по мере его игры могли высвободиться. Это приводило к тому, что подобные острые металлические детали могли попасть в рот ребенка. Самый простой способ обезопасить своих детей был в немедленном извлечении этого пищачего аппарата из игрушки при покупке [60; pp. 18–19].

В России такие игрушки производились на российско-американской резиновой мануфактуре «Треугольник», которая к празднику выпускала даже специальную резиновую фигурку рождественского деда с маленькой ёлочкой в руках [61]. Именно металлические пищачие части в подобных игрушках и должны были насторожить родителей, которым нужно было внимательно следить за целостностью резиновых безделушек.

Все эти новаторские добавления были вызваны прежде всего стремлением производителей выделить свой товар среди похожей продукции, создать что-то, способное привлечь взоры детей и, конечно, их родителей. Безопасность игрушек в этом случае имела уже второстепенное значение.

Следует подчеркнуть, что аналогичный подход был и при фабрикации леденцов-игрушек, в трубке которых был вырезан тоненький металлический язычок для того, чтобы игрушка трубила. Такую продукцию выпускала варшавская фабрика Кагана и врачами был зафиксирован смертельный случай из-за проглоченной вместе с леденцом металлической пластины. Хотя пластина и была оперативно извлечена из горла ребенка, но она настолько серьезно поранила его острыми краями, что вызвала воспаление и смерть несчастного малыша [62, с. 3]. Выбор рождественских подарков, по ироничному замечанию журналистов, представлял «из десяти египетских казней – одиннадцатую, и ... чуть ли не самую горчайшую» [63, с. 2].

Родителям необходимо было учесть при покупке игрушек множество факторов: потребности ребенка, его желания, цену игрушек, их воспитательную и эстетическую составляющую. При этом бывали случаи, когда родители оказывались перед дилеммой: к чьему мнению прислушаться – педагогов или гигиенистов. Так, были энтузиасты, которые подчеркивали, что «обезличенно-шаблонный вид» игрушек с фабрик не соответствует вкусам, увлечениям ребенка и не способствует его развитию [56, с. 155].

Наиболее «живой» игрушкой некоторые педагоги-энтузиасты считали образцы народного кустарного производства и именно такие игрушки рекомендовали для развития детей. Однако врачи и гигиенисты придерживались другого мнения. Использование при окраске предметов потребления вредных для здоровья красок коснулось и игрушек. Особенно много такой продукции выявляли столичные торгово-санитарные службы среди кустарных игрушек. Окраска таких вещей могла быть «убийственной для детей», особенно в раннем возрасте, когда маленькие дети берут игрушки в рот [64, с. 1].

Проблема использования вредных красок для изготовления игрушек носила общеевропейский масштаб. Отследить производителей и распространителей таких красок было затруднительно, поскольку требовалось большое количество агентов торговой полиции и наличие лабораторий. Жесткие законодательные меры, таким образом, не могли урегулировать рынок производства красок [65, с. 360]. Родителям в таком случае следовало придерживаться принципа разумной предосторожности

и, конечно, в случае малейших сомнений в безопасности для здоровья детей игрушек, не покупать их.

Подчас родители, совершенно не зная, что выбрать, принимали решение заменить игрушку, по крайней мере для детей постарше, более «практическим подарком». Так, школьница Оля Гудкова получила на Рождество 1883/1884 г. от «мамаша» «маленькую на туалет корзиночку, сделанную из проволоки и в ней 7 пяточков», а от «папаши – бонбоньерку с елки и новые лайковые перчатки. Они мне были малы, серого цвета и мы с мамашей пошли и переменяли их на светло желтые, которые были мне в пору» [66, л. 44]. Но, и в этом случае, как видим, без украшения с елки не обошлось ...

Итак, гигиенисты призывали родителей соблюдать осмотрительность и осторожность при выборе игрушек и лакомств с сюрпризом. Резонансные случаи широко освещались в печати. Однако предрождественская суета, желание сделать ребенку оригинальный, запоминающийся подарок, перевешивали все рекомендации врачей. Именно на это и рассчитывали фабриканты игрушек. Наиболее разумно поступали те родители, которые совершали не импульсивные, а продуманные покупки, заранее планируемые, исходя из желаний и увлечений ребенка, в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями.

Рождественский стол

Большое значение уделялось и рождественскому праздничному меню. И в этом вопросе главенствующая роль отводилась образованной женщине-хозяйке. Провозглашался идеал женщины-матери, хранительницы домашнего очага. В этот прогрессивный XIX век, век «электричества, пара и экспериментальной медицины» общественное сознание склонялось к утверждению, что «женщина НЕ хозяйка способна создать лишь ад в семье вместо мирного очага» [67, с. 2].

При таком подходе все предрождественские покупки планировались, а во многих случаях и осуществлялись женщиной-хозяйкой. Помогать ей должны была опытная прислуга (кухарка), которая могла распознать некачественную продукцию, у которой «нос хорош: чуть попахивает», а она «уже учует» [68, с. 13]. Это было крайне важно, поскольку рождественскую провизию закупили пудами. Самыми популярными мясными

блюдами были свинина и дичь, прежде всего, гуси. Продавали продукты питания не только в магазинах, лавках, рынках, но и с возов в специально отведённых для этого местах [69, с. 2].

В рождественские праздники даже самые педантичные в области гигиены детского питания матери разрешали детям присоединяться к взрослому столу (имеется ввиду обед в Сочельник), попробовать разнообразные блюда. Поэтому крайне важно было выбрать доброкачественную продукцию, а сделать это было непросто. В предрождественские дни в столицу привозили около 25 тыс. поросят, до 17 тыс. голов свинины, гусей, кур и индеек до 52 тыс. штук, а битого и мороженого мяса свыше 400 000 пудов [70, с. 3].

Разумеется, при таких поставках, торгово-санитарные службы столицы не могли контролировать качество продукции в надлежащем объеме. С 20 декабря в Петербурге проводились усиленные санитарные обходы, но их возможности были ограничены [71, с. 3]. В таких условиях женщины-хозяйки и (или) их прислуга должны были проявлять всю свою опытность, ведь качество мороженого мяса невозможно было быстро распознать, и «в этом счастье для торговцев и все горе для покупателей» [72, с. 3]. Поэтому хозяйки, не считаясь с расходами, старались приобрести мясо с клеймом («свинцовой пломбой») лаборатории микроскопического исследования мяса, что давало определенную уверенность в его качестве.

В большом количестве приобретались и так любимые детьми сладости и фрукты. Популярными рождественскими угощениями были фрукты: апельсины, виноград и груши. Более всего ценились апельсины-корольки с красной сочной мякотью, они считались самыми вкусными и питательными. И вот при выборе этого фрукта для рождественского стола родителям следовало проявлять особую настороженность. Несмотря на значительное усиление торгово-санитарного контроля в столице Российской империи в предрождественские дни, фальсификаторы, не желая упускать прибыль, не боялись наказания и подделывали даже апельсины. Простые незрелые плоды они превращали в дорогие корольки с помощью запрещенной и вредной для здоровья краски фуксин. Столичное врачебное управление обращало внимание как потребителей, так и торгово-санитарных органов на недопустимость продажи

и употребления в пищу таких подкрашенных фруктов, однако распознать подделку можно было только на вкус [73, с. 2]. Так что ответственные родители должны были тщательно проверять и лично пробовать продукты, прежде чем дать их детям.

Эта мера предосторожности была необходима, так как применение запрещенных красок при производстве продуктов питания в конце XIX в. несмотря на усиленный надзор, было частым явлением, а отравление покупными пирогами и конфетами становилось явлением «хроническим» [74, с. 2] и достигало невероятных размеров. Об этом практически постоянно сообщали газеты столичных городов, а в отчетах санитарных лабораторий содержались сведения о выявленном использовании в кондитерском производстве запрещенных и вредных для здоровья красок для окрашивания лакомств: пряников, конфет, пастилы, мармелада и т. п. [75, с. 259], в том числе с использованием смолянистых пигментов, анилиновых красок, фуксином, салициловой кислоты и даже свинцовых красок.

Некачественную и даже вредную продукцию можно было встретить подчас и в дорогих кондитерских, где вместо натуральных фруктовых соков, добавляли в конфеты для удешевления себестоимости вредные краски и эссенции, используя и металлические краски. В журналах для женщин печатались разнообразные советы о том, как распознать такие красители, например, предлагалось опустить конфету на час в стакан с щавелевой кислотой. Если краска сладости осталась неизменной, значит есть ее нельзя, растительные краски полностью теряли цвет [76, с. 38]. Наученные горьким опытом хозяйки, старались не приобретать слишком выделяющиеся и необычные по окраске кондитерские изделия и это было оправданной заботой об охране здоровья детей.

К работе по усиленному санитарному надзору по распоряжению городской власти привлекались и работники санитарной лаборатории, благодаря которым и выявлялось использование таких красителей, однако специалистов контрольно-надзорных органов было недостаточно для обеспечения безопасности съестных припасов, в том числе и лакомств [77, с. 2–3].

Сами родители подчас сознательно нарушали гигиенические правила при выборе сладостей. Этому способствовала существовавшая в Петербурге традиция украшать елку сладостя-

ми, золочеными орехами, пряниками, крымскими яблочками и т. п. В результате, при тщательном отборе продуктов для рождественского детского стола, родители одновременно для украшения елки покупали эффектные сладости, яркие и замысловатые, которые красиво смотрелись на рождественском дереве. А ведь эти съедобные украшения принято было в конце празднования отдавать детям для еды. Ребята, внимательно рассматривая украшенную елку, заранее выбирали себе конфеты, «мысленно присваивая, что кому нравится» [78, с. 30]. Фигурные пряники с разноцветными объемными рисунками из сахара в виде рыцарей, русалок, цветов, фруктов и др. очень красиво и привлекательно для ребенка смотрелись на ёлке. Считалось, что есть такие пряники нельзя [79, с. 69] вероятнее всего из-за красителей на барельефе. Но во время праздника уследить за детьми было достаточно сложно и подобные изделия съедались детьми вместе с другими. Это же касалось и ярких конфет, которыми также украшали детские елки.

Именно поэтому после праздников увеличивалось число кишечно-желудочных расстройств среди детского населения столицы. Возникали такие случаи и из-за большого количества сладостей, которые становились доступны детям в Рождество, врачи подобное состояние называли «самоотравлением» [80, с. 3]. Дабы избежать этих случаев опытные родители не разрешали детям в первый день праздника съесть много конфет, а каждый день, вплоть до Крещения, выдавали их сами понемногу [68, с. 21].

Перед праздником детям читали поучительные рассказы о том, что надо стараться, быть прилежными и послушными, чтобы заслужить к празднику Рождества Христова украшенную елку [81, с. 113], среди этих историй были и мрачные повествования о детях, которые съели много конфет, забыв о наставлении «никогда не кушать много вдруг, что это нездорово» [58, с. 113] и о последствиях подобного непослушания.

С одной стороны, тщательный отбор предназначенных для рождественского стола продуктов, с другой – воспитательные беседы с ребенком о правилах поведения во время празднества способствовали «охранению» детского здоровья в это время. Однако в ходе рождественской суеты у взрослых и детей эмоции, импульсивное поведение часто преобладало над рассудком

и здравым смыслом. Именно поэтому рекомендовалось начать приготовления к празднеству Рождества заранее, делать это продуманно, по возможности придерживаясь стратегии правильного, для ребенка питания.

«Веселитесь дружно дети, Ваше это торжество ...»: гигиена праздника

Празднование в Петербурге, как правило, устраивали в Сочельник. Однако в некоторых семьях сложилась традиция устраивать ёлку в первый день Рождества, находя этот обычай более русским [83, с. 337]. В любом случае, в каждом более-менее обеспеченном доме обязательно была ёлка. Торговля ёлками осуществлялась в столице с 20 по 24 декабря у Гостиного двора, на тротуаре по Невскому проспекту и в других специально отведенных для этого местах [84; л. 1–2]. У Гостиного двора царил суев и давка, каждый выбирал ёлку в соответствии со своими возможностями и желаниями. Нередко выбирать ее ходили вместе с детьми, что доставляло им большое удовольствие [85; с. 73–78].

Устанавливалась ёлка без участия маленьких членов семьи, также втайне её украшали. Родители хотели удивить и поразить детей сказочно нарядным деревом, также это делали и из-за противопожарной безопасности: следовало подпилить ветки, расположить свечи, игрушки, сладости так, чтобы минимизировать риск возгорания елочных ветвей. Дети знали, что это именно «их» елка и с удовольствием отмечали все ее достоинства. «Ёлку мне сделали и убрали очень хорошо, – написала в дневнике школьница О. Гудкова, – тут были: золоченные орешки грецкие и американские, мармелад и ... много прекрасных вещей» [66, л. 43].

Однако дети не были обычными статистами и тоже готовились к празднику. Задолго до Сочельника они начинали клеить картонажи, разноцветные цепи, мастерили поделки [86; с. 408–409], которые затем размещались на елке. Ближе к празднику дети постарше подписывали поздравительные открытки с Рождеством Христовым, с пожеланием здоровья на многие лета [87, л. 1], младшие учили стихи-поздравления для «папочки любимого» и «мамы золотой».

Традиция ставить маленького ребенка во время чтения стихов на стул или стол была травмоопасной, да и сам ребенок, оказавшись на такой ненадежной опоре пугался и забывал все выученное, но она сохранялась, так как «все выходило очень мило» [88; с. 19, 23]. Распорядок дня в праздник менялся, вместо привычного обеда ели запечённый окорок, ветчину, жареных гусей, разнообразные закуски, то есть был такой обед, который дети «доедали без всяких приказаний» [89, с. 165]. После этого ребята, как правило, шли отдыхать. Дневной сон родители и няни старались сделать длительным из-за того, что сами дети долго не могли уснуть в предвкушении вечера [90, с. 44]. Старшие дети в это время помогали родителям украшать елку, размещали подарки, раскладывали угощения.

В некоторых немецких семьях была традиция оставлять детей перед празднованием в темной комнате, чтобы блеск елки был для них ошеломляющим, делали это и для того, чтобы «душа ребенка была подготовлена» [91; с. 11, 19]. Так и в петербургских семьях в предрождественской суете нередко были случаи, когда попросту забывали об удобстве детей и они дожидались приглашения на елку в темноте и одиночестве [92, с. 85]. И вот, наконец, наступал час, когда нарядно одетые дети замирали в ожидании звука колокольчика или музыкальных аккордов, после которых распахивались двери и перед взором детей предстала красавица-елка, сияющая огнями.

В рождественском празднестве в петербургских гостиных смешались традиции разных народов. Принято было водить русские народные хороводы у елки и здесь родители должны были быть очень внимательны и следить, чтобы дети не оказывались слишком близко от дерева, поскольку бывали случаи, когда на детях от свечей загоралась одежда и даже волосы [93, с. 8]. В этот вечер взрослые вместе с детьми пели немецкие рождественские гимны; особенно популярен в столицах был гимн «O, Tannenbaum!» [94, с. 16]. В некоторых семьях играли и в заокеанские игры, выигрыш, как и проигрыш, в которых награждался поцелуем в щечку. Правда, петербургские родители, несмотря на заверения Американского департамента охраны народного здоровья, относились к этим играм с настороженностью из-за извечного страха перед бактериями. Однако этот американский рождественский обычай нравился

петербургской молодежи, а дети поменьше с удовольствием копиrowали поведение взрослых [95, с. 5].

Праздничный стол для детей состоял из сладостей, фруктов, орехов и сухофруктов, а также различных видов пирогов. Врученные подарки, даже краски тут же открывались. Развлекательные игры, вроде «Портфеля с фокусами», «Игры в терпение» (головоломки, волшебные фонари) привлекали всех детей и становились общим развлечением [96, с. 1685]. После раздачи подарков, как правило, дети могли выбрать для себя понравившиеся съедобные украшения, развешанные на елке.

Во второй половине XIX – начале XX вв. отношение к елке как со стороны детей, так и родителей было чисто утилитарным. Как уже отмечалось, сама елка со всеми игрушками и сладостями на ней была подарком для детей, которые смотрели на нее, в том числе и с чисто гастрономическим интересом. Бонбоньерки, золоченые орехи, особые рождественские пряники, разноцветные конфеты, привязанные за красивые ниточки, крымские яблочки были настоящими лакомствами, в том числе и в Аничковом дворце на благотворительном празднике, когда высокую елку специально валили на пол для того, чтобы дети могли обирать сладости с неё [97, с. 68] и прекрасное, красивое рождественское дерево очень быстро опустошалось [98, с. 31].

Праздничные дни продолжались вплоть до 6 января, было принято посещать детские рождественские балы, как частные, так и общественные. Праздник в зале Благородного собрания организовывался для детей от 5 до 10 лет, и продолжался с 6 до 11 вечера! Разнообразные игры, военный оркестр и танцы с одной стороны позволяли детям весело проводить время [99, с. 4], но с другой, были величайшим испытанием. Пятичасовые развлечения в душных помещениях, «вред от поглощения слишком большого количества углекислоты» в сочетании с возбуждением нервной системы пагубно отражались на здоровье детей [100, с. 12].

Возвращались дети усталыми и опустошенными, переевшими сладкого и вполне возможно, подхватившими инфекцию, что очевидно вело «к нездоровью» [101, с. 311]. Постепенно прогрессивные родители, ознакомленные с современными гигиеническими знаниями, желая сохранить и укрепить здоровье детей в праздничные зимние дни, начинали уделять боль-

шое внимание и физическому развитию: устраивали прогулки с детьми, катались на коньках, посещали уличные развлечения [102, л. 8]. Именно такое завершение рождественских празднований было наиболее здоровьесберегающим для детей.

Обсуждение и выводы

Любой праздник – это нарушение привычного течения обыденной, устоявшейся повседневной жизни. Рождество как детский праздник подразумевало большое вовлечение в торжество детей и именно от родителей зависело их благополучие и здоровье как физическое, так и психологическое. «Правильная организация» праздника требовала от родителей учета массы факторов – необходимость заранее поддержать организм ребенка на фоне сезонных инфекций, соблюдать принцип рациональности при покупке подарков, выбирая, прежде всего, не оригинальные, а безопасные и соответствующие санитарно-гигиеническим требованиям игрушки, быть крайне осторожным как при покупке, так и при угощении детей рождественскими лакомствами и сладостями. Крайне сложно было сочетать столь свойственное для родителей из все более распространенных «детоцентричных семейств», стремление удивить ребенка, создать ему особое настроение, с рациональным, обдуманном поведением при подготовке к празднику. «Ответственные», «гигиенически подкованные» родители в дворянско-интеллигентских семьях Петербурга конца XIX – начала XX в., действовавшие под контролем врачей и педагогов, стремились реализовывать стратегию поведения, направленную на обеспечение безопасности детей, создание здоровьесберегающей среды в рождественские праздники. Но так тяжело было не поддаваться соблазнам!..*

Список литературы

1. Бурменская Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 43–48.
2. Ярославцев Е. М. Что должен знать пионер о Рождестве. Харьков: «Юный ленинец», 1926. 14 с.
3. Комсомольское Рождество в клубах: сборник материалов к празднованию комсомольского Рождества. Л.: Гос. из-во, 1925. 181 с.

* Иллюстрации к статье см. на с. 230–232.

4. Елка: сборник статей и материалов. М.: Учпедгиз, 1934. 94 с.
5. Белов А. В. Рождество Христово. М.: Политиздат, 1965. 80 с.
6. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. – 1992. – № 2. – С. 113–127.
7. Волгина Т. В. Празднование Рождества и Нового года в Царицыне в конце XIX в // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIII Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года. Вып. 13. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. – С. 217–221. – EDN: EYDCSX.
8. Мельникова А. Ю. Светские традиции в праздновании Рождества и Святков в Кронштадте во второй половине XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–16 марта 2013 года / под общ. ред. В. Н. Скворцова. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 111–117. – EDN: SBHGED.
9. Шиленков Г. А. Празднование Рождества и Нового года в Туле в начале XX в. // Тульский краеведческий альманах. – 2015. – № 12. – С. 58–61. – EDN: VCTZLV.
10. Бурдлукца Е. В. «У меня игрушек много...». Предметный мир детской досуговой повседневности на рубеже XIX–XX вв. по материалам периодических изданий // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апр. 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 2. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 222–228. – EDN: FIFYZS.
11. Веремченко В. А., Сугула Ю. В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 496–509. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509. EDN: TZPXYS.
12. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX в.): сборник документов и материалов / сост. В. А. Веремченко, И. В. Синова, С. В. Зайцева, О. А. Семенова, А. Е. Жукова, С. В. Степанов, Т. В. Волгина. ЛГУ им. А. С. Пушкина. СПб.: Пропаганда, 2023. 432 с.
13. Жукова А. Е. Домашняя повседневность семьи служащего МИД на рубеже XIX–XX в. по воспоминаниям И. Э. Еленевской // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 года / отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 2. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. – С. 230–235. – EDN: HKRPBA.
14. Митлина Ю. В. Мир лакомств как предметная сфера детской повседневности глазами ребенка и торгово-санитарных служб столичных городов Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2022. – № 3(43). – С. 155–165. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.12. EDN: VJBXKB.
15. Васильева В. В. Кто дает основы ребенку. Улучшение наших школ // Торговля и жизнь. – Апрель, 1907. – № 4. – С. 1.
16. М. В. Воспоминания земского врача: Рассказ. Варшава: тип. Ф. Чернак, 1896. 162 с.
17. Веремченко В. А., Жукова А. И. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: моногра-

фия. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. 232 с. ISBN: 978-5-8290-1900-6. EDN: FNCDLZ.

18. Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 5 кн. [Т. 1]. Кн. 1, 2, 3. М.: Наука, 1980. 711 с.

19. Врач. Излишняя предосторожность // Петербургский листок. – 2 (14) дек. 1897. – № 331. – С. 1–2.

20. Детские игры // Забавы и рассказы: Журн. для детей первого возраста (от 6–10 лет). – 1864. – № 11. – С. 233–236.

21. Карсавина Т. П. Театральная улица. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2010. 419 с. EDN: QSBUYF

22. Lauscha in Thüringen. Die Herstellung des «Chrisbaumschmucks» // Der Bazar. – 2 Dez. 1895. – No. 46. – S. 560.

23. Нива: Илл. журн. литературы, политики и соврем. жизни. – 1908. – № 49. – С. 866а, 866б.

24. Московский листок. – 16 дек. 1903. – № 349. – С. 4.

25. Русские ведомости. – 15 дек. 1893. – № 344. – С. 1.

26. Друзья детства // Петербургская газета. – 23 дек. 1910. – № 353. – С. 2.

27. Московский листок. – 11 дек. 1899. – № 344. – С. 4.

28. Московский листок. – 12 дек. 1899. – № 345. – С. 8.

29. Тучкова Е. А. Манина ёлка. М.: А. Панафидин, 1901. 31 с.

30. Петербургский листок. – 9 (21) дек. 1896. – № 340. – С. 6.

31. Свечи для елок // Петербургский листок. – 5 (17) дек. 1896. – № 336. – С. 3.

32. Петербургская газета. – 10 дек. 1900. – № 340. – С. 4.

33. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 2. 1867. Т. 42. Ч. 2. № 45347. Ст. 4, 6.

34. Russland Verwendung von Arsenfarben // Das Österreichische Sanitätswesen: Organ für publicationen des K. K. Obersten Sanitätsrathes. – 18 Februar 1892. – № 7. – S. 57.

35. Hussemark T. Dritte Abtheilung. Arzneimittel lehre, öffentliche Medicin. Pharmacologie und Toxicologie bearbeitet // Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesammten Medicin. – Berlin: Verlag von August Hirschwald, 1893. – S. 388–463.

36. Neus Wiener Tagblatt: demokratisches organ. – 23 dez. 1882. – № 353. – S. 10.

37. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 24. Оп. 6. Д. 1392.

38. РГИА. Ф. 24. Оп. 23. Д. 511.

39. РГИА. Ф. 24. Оп. 23. Д. 1251.

40. The Young Folk's Cyclopaedia of Games and Sports. New York: Henry Holt & Co, 1890. 831 p.

41. Страхование жизни. Страхование от несчастных случаев. Страхование от огня. Страхование транспорта. СПб.: тип. А. Бенке, 1895. 4 с.

42. St. Petersburg fire statistics // Insurance in Foreign Countries. – Vol. XXXVIII. – Washington: U. S. Government Printing Office, 1905. – 253 p.

43. Чарская Л. Л. Полное собрание сочинений. Т. 34: Вечерние рассказы: для детей среднего и старшего возраста. М.: изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского [и др.], 2007. 286 с. EDN: QSBVDVZ.

44. Петербургский листок. – 22 дек. 1897 (3 янв. 1898). – № 351. – С. 5.

45. Петербургский листок. – 3 (15) янв. 1893. – С. 4.

46. Елка в Гатчине в высочайшем присутствии // Петербургский листок. – 29 дек. 1897 (10 янв. 1898). – № 357. – С. 2.

47. Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. 440 с. EDN: XJWXZI.
48. Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.
49. Брайем А. О влиянии умственных упражнений на здоровье детей: Кн. для родителей, воспитателей и наставников. СПб.: тип. Р. Голике, 1876. 130 с.
50. Петербургская газета. – 16 дек. 1894. – № 345. – С. 3.
51. [В. К.] Объяснительные записки к шести дарам Фребеля для родителей и воспитателей. М.: тип. А. Клейн, 1878. 16 с.
52. Павлова. Матерям о детях. Детские игры и игрушки // Женщина. – 1914. – № 3. – С. 12–13.
53. Цветаева А. И. Воспоминания. М.: Изограф, 1995. 864 с.
54. К предстоящим праздникам (Прогулка по Невскому) // Петербургская газета. – 21 дек. 1900. – № 351. – С. 3.
55. Иллюстрированный прейскурант рождественских подарков, игрушек и проч.: сезон зимы 1898 года. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1898. 50 с.
56. Игрушка, её история и значение: Сб. ст. под ред. Н. Д. Бартрам. М.: И. Д. Сыгин, 1912. 246 с.
57. Петербургский листок. – 28 дек. 1897 (9 янв. 1898). – № 356. – С. 3.
58. Дараган А. М. Елка: Подарок на Рождество. Ч. 2. СПб.: М. О. Вольф, 1859. 144 с.
59. Осторожно с куклами! // Петербургская газета. – 24 дек. 1900. – № 354. – С. 2.
60. What to buy for baby // Babyhood: The Mother's Nursery Devoted Exclusively to the Care of Infants and Young. – 1895. – Vol. II. – No I. December. – Pp. 18–19.
61. Российско-американская резиновая мануфактура (Петербург) [Каталог]. СПб.: типо-хромолит. «Р. Шварц», 1915.
62. Жданов В. А. Опасная игрушка // Петербургская газета. – 30 авг. 1894. – № 237. – С. 3.
63. Эхо // Петербургский листок. – 16 (28) дек. 1897. – № 345. – С. 2.
64. Детские игрушки // Петербургский листок. – 15 (27) дек. 1897. – № 344. – С. 1.
65. Giftrolizei, Giftverkehr // Encyclopädische. Jahrbücher der gesamten Heilkunde. – Vol. 3. – 1893. – S. 357–363.
66. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.
67. Собеседник. Женская академия // Петербургский листок. – 13 (25) дек. 1896. – № 344. С. 2.
68. Круглов А. В. Далекое Рождество: (Из дет. Воспоминаний). СПб.: М. М. Ледерле, 1896. 32 с.
69. Предпраздничная торговля // Петербургская газета. – 8 дек. 1900. – № 338. – С. 2.
70. Итоги праздника // Вечернее время: [ежедневная газета]. – 27 дек. 1912 (9 янв. 1913). – № 337. – С. 3.
71. Петербургская газета. – 20 дек. 1900. – № 350. – С. 3.
72. Праздничный торг «битой мороженой птицей» // Петербургская газета. – 20 дек. 1900. – № 350. – С. 3.
73. Петербургская газета. – 10 июня 1894. – № 156. – С. 2.
74. Г-н. К массовым «отравлениям» // Петербургская газета. – 27 ноября 1900. – № 327. – С. 2.
75. Свод Законов Российской империи. Т. XIII. Кн. II. Устав Врачебный. Ст. 665. СПб., 1905.

76. 1000 полезных советов. Необходимые указания для хозяек и хозяев (Третье беспл. прил. к журн. «Хозяйка». СПб.: «С.-Петербургская электропечатня», 1902. 335 с.

77. Г-е. Н. Общество борьбы с фальсификацией // Петербургская газета. – 21 дек. 1900. – С. 2–3.

78. Рождественские праздники: [Рассказ]: Подарок для детей. М.: А. А. Благово, 1873. 76 с.

79. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1–3. М.: изд-во «Наука», 1980. 711 с.

80. О самоотравлении детей // Петербургская газета. – 24 февраля 1900. – № 53. – С. 3.

81. Дараган А. М. Елка: Подарок на Рождество. Ч. 1. СПб.: М. О. Вольф, 1859. 114 с.

82. Бедный Ионафан «Елка» // Петербургский листок. – 1 (13) янв. 1893. – № 1. – С. 2.

83. Мирюлюбов Ю. П. Сакральное Руси: Русская мифология; Русский христианский фольклор. Т. 2. М.: изд-во ассоц. духов. единения «Золотой век», 1996. 596 с.

84. Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. 1870–1918. Оп. 48. Д. 374.

85. Шапулин Н. Рассказы для детей. М.: тип. «Моск. печ. пр-во», 1917. 85 с.

86. Рождественские поделки // Светлячок: двухнедельный иллюстрированный журнал для детей младш. возраста. – 1906. – № 23. – С. 408–409.

87. РГИА. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 227.

88. Собрание поздравительных стихотворений на русском, французском и немецком языках: На Новый год, светло христово воскресенье, Рождество христово, день ангела и рождения и на все вообще случаи, в которых дети привыкли поздравлять родителей, родственников, наставников и проч. 4-е изд. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1883. 98 с.

89. Шварц Е. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сказки; Пьесы для кукольного театра; Повести; Воспоминания. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 526 с.

90. Левашова-Стюнкель К. Э. Воспоминания. М.: изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 256 с.

91. Керн С. Рождество: Рассказ для детей. СПб.: тип. Э. Веймера, 1861. 142 с.

92. Куприн А. И. Детские рассказы. М.: Московское кн-во, 1914. 148 с.

93. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регионального развития С.-Петербурга и др., 1995. 767 с.

94. Пуришев Б. И. Воспоминания старого москвича. М.: Флинта: Наука, 1998. 120 с.

95. В защиту поцелуя (заграничные новости) // Вечернее время. – 19 дек. 1911. – № 20. – С. 5.

96. Родина. – 8 дек. 1891. – № 50. – С. 1685.

97. Мищёрский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2: (1865–1881 гг.). – СПб.: тип. В. П. Мищёрского, 1898. – 514 с.

98. Рождественские праздники: [Рассказ]: Подарок для детей. – М.: А. А. Благово, 1873. – 76 с.

99. Детский праздник // Петербургский листок. – 6 (18) янв. 1893 – № 5. – С. 4.

100. Петербургские письма. Рождественские и новогодние праздники // Иллюстрированная неделя. – 5 янв. 1875. – № 1. – С. 11–12.

101. Игрушки Лёли // Забавы и рассказы. – 1864. – Т. IV. – № 12. – С. 308–318.

102. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 131. Д. 197.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

“Responsible parents” and Christmas: Health-saving Technologies in the Festive everyday life of Capital Residents of Russia in the second half of the 19th – early 20th Centuries

Valentina A. Veremenko, Julia V. Sutula

The article, based on a wide range of sources, including ego-documents, journalism, articles in periodicals, office materials and fiction, analyzes theory and practice of health conservation in the conditions of Christmas preparation and celebration in the capital's noble and intelligent families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. “Responsible parents” tried, on the one hand, to provide their children with a “wonderful holiday” filled with amazing gifts, extraordinary delicacies and vivid impressions, and on the other, to preserve their physical and psychological health, which was subjected to serious tests. Trade and sanitary services did not have enough strength or capabilities to control the holiday assortment, some of which turned out to be life-threatening. No less serious consequences for children were caused by overeating, psychological fatigue from numerous entertainments and infections associated with mass celebrations.

Key words: childhood hygiene, “responsible parents”, Christmas, health care, St. Petersburg, trade and sanitary services, holiday, Christmas tree, toys, sweets.

For citation: Veremenko, V. A., Sutula, J. V. (2024). «Otvetsvennye roditeli» i Rozhdestvo: zdorov'esberegayushchie tekhnologii v prazdnichnoj povsednevnosti stolichnykh zhitel'ey Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [“Responsible parents” and Christmas: health-saving technologies in the festive everyday life of capital residents of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 26–56. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_26. EDN: ETWMMG

References

1. Burmenskaya, D. B. (2008) *K voprosu o roli prazdnika v zhizni obshchestva* [On the issue of the role of the holiday in the life of society]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 61. Pp. 43–48. (In Russ.)
2. Yaroslavcev, E. M. (1926) *CHto dolzhen znat' pioner o Rozhdestve* [What a pioneer should know about Christmas]. Kharkov: «YUnyj leninec». (In Russ.)
3. (1925) *Komsomol'skoe Rozhdestvo v klubah: sbornik materialov k prazdnovaniiyu komsomol'skogo Rozhdestva* [Komsomol Christmas in clubs: a collection of materials for the celebration of Komsomol Christmas]. Leningrad: Gos. iz-vo. (In Russ.)
4. (1934) *Elka: sbornik statej i materialov* [Christmas tree: collection of articles and materials]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
5. Belov, A. V. (1965). *Rozhdestvo Hristovo* [The nativity of Christ]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

6. Starygina, N. N. (1992) *Svyatocnyj rasskaz kak zhanr* [The Yuletide story as a genre]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. No. 2. Pp. 113–127. (In Russ.)

7. Volgina, T. V. (2022) *Prazdnovanie Rozhdestva i Novogo goda v Caricyne v konce XIX v.* [The celebration of Christmas and New Year in Tsaritsyn at the end of the XIX century]. *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [The capital and the provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia]. Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 11, 2022. Issue 13. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 217–221. (In Russ.). EDN: EYDCSX

8. Mel'nikova, A. YU. (2013) *Svetskie tradicii v prazdnovanii Rozhdestva i Svyatok v Kronshtadte vo vtoroj polovine XIX v.* [Secular traditions in the celebration of Christmas and Yuletide in Kronstadt in the second half of the XIX century]. *Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoj zhizni Rossijskogo obshchestva (XVIII–XXI vv.)* [Patriotism and citizenship in the daily life of Russian society (XVIII–XXI centuries)]. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, March 14–16, 2013. Ed. V. N. Skvortsov. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 111–117. (In Russ.). EDN: SBHGED

9. SHilenkov, G. A. (2015) *Prazdnovanie Rozhdestva i Novogo goda v Tule v nachale XX v.* [The celebration of Christmas and New Year in Tula at the beginning of the XX century]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah* [Tula regional History Almanac]. No. 12. Pp. 58–61. (In Russ.). EDN: VCTZLV

10. Burluckaya, E. V. (2023) «U menya igrushek mnogo...». Predmetnyj mir detskoj dosugovoj povsednevnosti na rubezhe XIX–XX vv. po materialam periodicheskikh izdanij [“I have a lot of toys ...”. The objective world of children's leisure everyday life at the turn of the XIX–XX centuries. based on the materials of periodicals]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Materials of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, 06–08 April 2023. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 222–228. (In Russ.). EDN: FIFYZS

11. Veremenko, V. A., and Sutula, J. V. (2023) *Gigiena pitaniya doskol'nikov v stolichnykh dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii v konce XIX – nachale XX v.* [Nutritional Hygiene of Preschoolers in Russian Metropolitan Noble Families of the Intelligentsia in the late XIX – early XX Centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 22. No. 3 (August 2023). Pp. 496–509. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509. EDN: TZPXYS

12. *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX v.): sbornik dokumentov i materialov* [Hygiene of childhood in St. Petersburg and St. Petersburg province (mid-XVIII – early XX century): collection of documents and materials]. Comp. V. A. Veremenko, I. V. Sinova, S. V. Zaitseva, O. A. Semenova, A. E. Zhukova, S. V. Stepanov, T. V. Volgina. Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg: Propaganda. (In Russ.)

13. Zhukova, A. E. (2022) *Domashnyaya povsednevnost' sem'i sluzhashchego MID na rubezhe XIX–XX v. po vospominaniyam I. E. Elenevskoj* [The daily life of the family of an employee of the Ministry of Foreign Affairs at the turn of the XIX–XX century. according to the memoirs of I. E. Elenevskaya]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Everyday life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, 07–09 April 2022. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 230–235. (In Russ.). EDN: HKRPBA

14. Mitlina, Yu. V. (2022) *Mir lakomstv kak predmetnaya sfera detskoj povsednevnosti glazami rebenka i trgovogo-sanitarnyh sluzhb stolichnyh gorodov Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka* [The world of delicacies as a subject area of children's everyday life through the eyes of a child and trade and sanitary services of the capital cities of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal]. No. 3 (43). Pp. 155–165. (In Russ.). DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.12. EDN: BJBXKB

15. Vasil'eva, V. V. (1907) *Kto daet osnovy rebenku. Uluchshenie nashih shkol* [Who gives the basics to the child. Improving our schools]. *Torgovlya i zhizn'* [Trade and life]. No. 4. April 1907. P. 1. (In Russ.)

16. M. V. (1896) *Vospominaniya zemskogo vracha: Rasskaz* [Memoirs of a zemstvo doctor: A story]. Warsaw: tip. F. Chernak. (In Russ.)

17. Veremenko, V. A. and Zhukova, A. E. (2020) *Vospitateľ'nye praktiki v dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: Monografiya* [Educational practices in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century: Monograph]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.). EDN: FNCDLZ.
18. Benua, A. N. (1980) *Moi vospominaniya: V 5 kn. [T. 1.] Kn. 1, 2, 3.* [My memories: In 5 books [Vol. 1.]. Books 1, 2, 3.]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
19. (1897) *Vrach. Izlishnyaya predostorozhnost'* [Doctor. An unnecessary precaution]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 2 (14). Dec. No. 331. Pp. 1–2. (In Russ.)
20. (1864) *Detskie igry* [Children's games]. *Zabavy i rasskazy: ZHurn. dlya detej pervogo vozrasta (ot 6–10 let)* [Fun and stories: Journal for children of the first age (from 6–10 years old)]. No. 11. Pp. 233–236. (In Russ.)
21. Karsavina, T. P. (2010) *Teatral'naya ulica. Vospominaniya* [Teatralnaya Street. Memories]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russ.). EDN: QSBUYF.
22. (1895) Lauscha in Thüringen. Die Herstellung des «Chrisbaumschmucks». *Der Bazar*. 2 Dez. No. 46. S. 560.
23. (1908) *Niva: Ill. zhurn. literatury, politiki i sovrem. zhizni* [Niva: Ill. journal. literature, politics and lies. lives]. No. 49. Pp. 866a, 866b. (In Russ.)
24. (1903) *Moskovskij listok* [Moscow leaflet]. 16 dec. No. 349. P. 4. (In Russ.)
25. (1893) *Russkie vedomosti* [Russian Vedomosti]. 15 dec. No. 344. P. 1. (In Russ.)
26. (1910) *Druz'ya detstva* [Childhood Friends]. *Peterburgskaya gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 23 dec. No. 353. P. 2. (In Russ.)
27. (1899) *Moskovskij listok* [Moscow leaflet]. 11 dec. No. 344. P. 4. (In Russ.)
28. (1899) *Moskovskij listok* [Moscow leaflet]. 12 dec. No. 345. P. 8. (In Russ.)
29. Tuchkova, E. A. (1901) *Manina yolka* [Manina Christmas tree]. Moscow: A. Panafidin. (In Russ.)
30. (1896) *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 9 (21) dec. No. 344. P. 4. (In Russ.)
31. (1896) *Svechi dlya elok* [Candles for Christmas trees]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 5 (17) dec. No. 336. P. 3. (In Russ.)
32. (1900) *Peterburgskaya Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 10 dec. No. 340. P. 4. (In Russ.)
33. (1867) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. *Sobranie 2. Vol. 42. CH. 2. № 45347. St. 4, 6.*
34. (1892) *Russland Verwendung von Arsenfarben. Das Österreichische Sanitätswesen: Organ für publicationen des K. K. Obersten Sanitätsrathes.* 18 Februar. No. 7. S. 57.
35. Hussemark, T. (1893) *Dritte Abtheilung. Arzneimittel lehre, öffentliche Medicin. Pharmacologie und Toxicologie bearbeitet.* Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesammten Medicin. Berlin: Verlag von August Hirschwald. S. 388–463.
36. (1882) *Neus Wiener Tagblatt: demokratusches organ.* 23 dez. No. 353. S. 10.
37. *Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv* (RGIA) [The Russian State Historical Archive]. F. 24. Op. 6. D. 1392.
38. *RGIA. F. 24. Op. 23. D. 511.*
39. *RGIA. F. 24. Op. 23. D. 1251.*
40. *The Young Folk's Cyclopaedia of Games and Sports* (1890). New York: Henry Holt&Co.
41. *Strahovanie zhizni. Strahovanie ot neschastnyh sluhaev. Strahovanie ot ognya. Strahovanie transporta* [Life insurance. Accident insurance. Fire insurance. Transport insurance] (1895). St. Petersburg: tip. A. Benke.
42. *St. Petersburg fire statistics* (1905). *Insurance in Foreign Countries. Vol. XXXVIII.* Washington: U. S. Government Printing Office.
43. Charskaya, L. L. (2007) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 34: Vechernie rasskazy: dlya detej srednego i starshego vozrasta* [The Complete works. Vol. 34: Evening stories: for middle-aged and older children]. Moscow: izd-vo Sestrichestva vo imya svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo [i dr.]. (In Russ.). EDN: QSBVDVZ.
44. (1897) *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 22 dec. (3 jan. 1898). No. 351. P. 5. (In Russ.)
45. (1893) *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 3 (15) jan. P. 4. (In Russ.)
46. *Elka v Gatchine v vysochajšem prisutstvii* [The Christmas tree in Gatchina in the highest presence]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 29 dec. 1897 (10 jan. 1898). No. 357. P. 2. (In Russ.)

47. Cherepnin, L. V. (2015) *Moya zhizn'. Vospominaniya. Kommentarii. Prilozheniya* [My life. Memories. Comments. Applications.], Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. EDN: XJWXZI.
48. Dobuzhinskij, M. V. (1987) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
49. Brajem, A. (1876) *O vliyanii umstvennyh uprazhnenij na zdorov'e detej: Kn. dlya roditel'ej, vospitatelej i nastavnikov* [On the impact of mental exercises on children's health: A book for parents, educators and mentors]. St. Petersburg: tip. R. Golike. (In Russ.)
50. (1894) *Peterburgskaya gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 16 dec. No. 345. P. 3. (In Russ.)
51. [V. K.] (1878) *Ob "yasnitel'nye zapiski k shesti darom Frebelya dlya roditel'ej i vospitatelej* [Explanatory notes to Froebel's Six Gifts for parents and caregivers]. Moscow: tip. A. Klejn. (In Russ.)
52. Pavlova (1914). *Materjam o detjah. Detskie igry i igrushki* [To mothers about children. Children's games and toys]. *Zhenshhina* [Woman]. No. 3. Pp. 12–13. (In Russ.)
53. Cvetaeva, A. I. (1995) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Izograf. (In Russ.)
54. (1900) *K predstojashhim prazdnikom (Progulka po Nevskomu)* [For the upcoming holidays (A walk along Nevsky Prospekt)]. *Peterburgskaja Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 21 dec. No. 351. P. 3. (In Russ.)
55. (1898) *Illjustrirovannij prejskurant rozhdstvenskih podarkov, igrushek i proch.: sezon zimy 1898 goda* [Illustrated price list of Christmas gifts, toys, etc.: the winter season of 1898]. Moscow: Tipo-litografija Tovarishhestva I. N. Kushnerev i K°. (In Russ.)
56. (1912) *Igrushka, ejo istorija i znachenie: Sb. st. pod red. N. D. Bartram* [Toy, its history and significance: Collection of articles edited by N. D. Bartram]. Moscow: I. D. Sytin. (In Russ.)
57. (1897) *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 28 dec. (9 jan. 1898). No. 356. P. 3. (In Russ.)
58. Daragan, A. M. (1859) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas Tree: A gift for Christmas]. Vol. 2. St. Petersburg: M. O. Vol'f. (In Russ.)
59. (1900) *Ostorozhno s kuklami!* [Be careful with the dolls!] *Peterburgskaya Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. – 24 dec. No. 354. P. 2. (In Russ.)
60. What to buy for baby. Babyhood: The Mother's Nursery Devoted Exclusively to the Care of Infants and Young. 1895. Vol. II. No I. December. Pp. 18–19.
61. (1915) *Rossijsko-amerikanskaja rezinovaja manufaktura (Peterburg) [Katalog]* [Russian-American Rubber Manufactory (St. Petersburg) [Catalog]]. SPb.: tipo-hromo-lit. «R. Shvarc». (In Russ.)
62. Zhdanov, V. A. (1894) *Opasnaja igrushka* [A dangerous toy]. *Peterburgskaja Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 30 aug. No. 237. P. 3. (In Russ.)
63. (1897) *Jeho* [Echo]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 16 (28) dec. No. 345. P. 2. (In Russ.)
64. (1897) *Detskie igrushki* [Children's toys]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 15 (27) dec. No. 344. P. 1. (In Russ.)
65. (1893) *Giftrolizei, Giftverkehr. Enceclopädische. Jahrbücher der gesamten Heilkunde*. Vol. 3. S. 357–363.
66. *Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) Rossijskoj Akademii nauk* [Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. F. 15 – *Ol'gi Georgievny Bazankur*. D. 1.
67. (1896) *Sobesednik. Zhenskaja akademija* [The interlocutor. Women's Academy]. *Peterburgskij listok* [Petersburg leaflet]. 13 (25) dec. No. 344. P. 2. (In Russ.)
68. Kruglov, A. V. (1896) *Dalekoe Rozhdestvo: (Iz det. Vospominanij)* [Distant Christmas: (From children. Memories)]. St. Petersburg: M. M. Lederle. (In Russ.)
69. (1900) *Predprazdnichnaja trgovlja* [Pre-holiday trading]. *Peterburgskaja gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 8 dec. No. 338. P. 2. (In Russ.)
70. (27 dec. 1912 (9 jan. 1913)) *Itogi prazdnika* [The results of the holiday]. *Vechemee vremja: [ezhednevnaia gazeta]* [Evening time: [daily newspaper]]. P. 3. (In Russ.)
71. (1900) *Peterburgskaja gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 20 dec. No. 350. P. 3. (In Russ.)
72. (1900) *Prazdnichnyj torg «bitoj morozhenoj pticej»* [Festive auction of «broken frozen bird»]. *Peterburgskaja Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 20 dec. No. 350. P. 3. (In Russ.)
73. (1894) *Peterburgskaja gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 10 jun. No. 156. P. 2. (In Russ.)
74. G-n. (1900) *K massovym «travlenijam»* [To mass «poisoning»]. *Peterburgskaja Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 27 nov. No. 327. P. 2. (In Russ.)
75. (1905) *Svod Zakonov Rossijskoj imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. XIII. Book II. Ustav Vrachebnyj. St. 665. (In Russ.)

76. (1902) *1000 poleznykh sovetov. Neobhodimye ukazaniya dlya hozyaek i hozyaev (Tret'e bespl. pril. k zhurn. «Hoz'yajka»* [1000 useful tips. Necessary instructions for housewives and hosts (Third free app. to the journal. «The Hostess»]. St. Petersburg: «S.-Peterburgskaya elektropechatnya». (In Russ.)
77. G-e. N. (1900) *Obshchestvo bor'by s fal'sifikaciej* [Anti-Fraud Societ]. *Peterburgskaya gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 21 dec. Pp. 2–3. (In Russ.)
78. (1873) *Rozhdestvenskie prazdniki*: [Rasskaz]: *Podarok dlya detej* [Christmas holidays: [Story]: A gift for children]. Moscow: A. A. Blagovo. (In Russ.)
79. Benua, A. N. (1980) *Moi vospominaniya. Kn. 1–3*. [My memories. Books 1–3.]. Moscow: publishing house «Nauka». (In Russ.)
80. (1900) *O samootravlennii detej* [About the self-poisoning of children]. *Peterburgskaya Gazeta* [St. Petersburg newspaper]. 24 feb. No. 53. P. 3. (In Russ.)
81. Daragan, A. M. (1859) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas Tree: A gift for Christmas]. Vol. 1. St. Petersburg: M. O. Vol'f. (In Russ.)
82. (1893) *Bednyj Ionafan «Elka»* [Poor Jonathan «The Tree»]. *Peterburgskij listok* [Petersburg Leaflet]. 1 (13) jan.. No. 1. P. 2. (In Russ.)
83. Mirolyubov, YU. P. (1996) *Sakral'noe Rusi: Russkaya mifologiya; Russkij hristianskij fol'klor* [Russian Russian Sacred: Russian mythology; Russian Christian Folklore]. Vol. 2. Moscow: izd-vo assoc. duhov. edineniya «Zolotoj vek». (In Russ.)
84. *Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb)* [The Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 513. 1870–1918. Op. 48. D. 374.
85. SHapulin, N. (1917) *Rasskazy dlya detej* [Stories for children]. Moscow: tip. «Mosk. pech. pr-vo». (In Russ.).
86. (1906) *Rozhdestvenskie podelki* [Christmas crafts]. *Svetlyachok: dvuhnedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal dlya detej mladsh. Vozrasta* [Firefly: A biweekly illustrated magazine for younger children. age]. No. 23. Pp. 408–409. (In Russ.)
87. RGIA. F. 1636. Op. 1. D. 227.
88. (1883) *Sobranie pozdravitel'nykh stihotvorenij na ruskom, francuzskom i nemeckom yazykah: Na Novyj god, svetlo hristovo voskresen'je, Rozhdestvo hristovo, den' angela i rozhdeniya i na vse voobshche sluchai, v kotorykh deti privyikli pozdravlyat' roditelej, rodstvennikov, nastavnikov i proch. 4-e izd.* [A collection of congratulatory poems in Russian, French and German: For the New Year, light of Christ Sunday, Christmas, Angel's Day and birthday, and for all occasions in general in which children are used to congratulating parents, relatives, mentors, etc. 4th ed.] St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f.
89. SHvarc, E. L. (2010) *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 3: Skazki; P'esy dlya kukol'nogo teatra; Povepzuasti; Vospominaniya* [Collected works: in 5 vols. Vol. 3: Fairy tales; Plays for puppet theater; Novellas; Memoirs]. Moscow: Knizhnyj klub Knigovek. (In Russ.)
90. Levashova-Styunkel', K. E. (2021) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: iz-vo Ivana Limbaha. (In Russ.).
91. Kern, S. (1861) *Rozhdestvo: Rasskaz dlya detej* [Christmas: A story for children]. St. Petersburg: tip. E. Vejmera. (In Russ.)
92. Kuprin, A. I. (1914) *Detskie rasskazy* [Children's stories]. Moscow: Moskovskoe kn-vo. (In Russ.)
93. D'yakonov, I. M. (1995) *Kniga vospominanij* [The Book of Memories]. St. Petersburg: Fond regional'nogo razvitiya S.-Peterburga i dr. (In Russ.)
94. Purishev, B. I. (1998) *Vospominaniya starogo moskvicha* [Memories of an old Muscovite]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
95. (1911) *V zashchitu podeluya (zagranichnye novosti)* [In defense of the kiss (foreign news)]. *Večernee vremya* [Evening time]. 19 dec. No. 20. P. 5. (In Russ.)
96. (1891) *Rodina* [Homeland]. 8 dec. No. 50. P. 1685. (In Russ.)
97. Mishchyorskij, V. P. (1898) *Moi vospominaniya* [My memories]. Vol. 2: (1865–1881). SPb.: tip. V. P. Mishchyorskogo. (In Russ.)
98. (1873) *Rozhdestvenskie prazdniki*: [Rasskaz]: *Podarok dlya detej* [Christmas Holidays: [Story]: A gift for children]. Moscow: A. A. Blagovo. (In Russ.)
99. (1893) *Detskij prazdnik* [Children's party]. *Peterburgskij listok* [Petersburg Leaflet]. 6 (18) jan. No. 5. P. 4. (In Russ.)

100. (1875) *Peterburgskie pis'ma. Rozhdestvenskie i novogodnie prazdniki* [St. Petersburg letters. Christmas and New Year holidays]. *Ilyustrirovannaya nedelya* [Illustrated Week]. 5 jan. No. 1. Pp. 11–12. (In Russ.)

101. (1864) *Igrushki Lyoli* [Leli's toys]. *Zabavy i rasskazy* [Fun and stories]. Vol. IV. No. 12. Pp. 308–318. (In Russ.)

102. CGIA SPb. F. 513. Op. 131. D. 197.

Об авторах

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

Сутула Юлия Витальевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: jmitlina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5338-0065

About the authors

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

Sutula Julia V., Postgraduate student of the Department of Russian History of Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: jmitlina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5338-0065

Статья поступила в редакцию 25.01.2024

Одобрена после рецензирования 14.02.2024

Принята к публикации 19.02.2024

Детские пометы и маргиналии в книгах в России XIX – первой половины XX в.

С. В. Перекрестова

Статья посвящена пометам и маргиналиям, оставленным детьми в книгах, вышедших в России в XIX – первой половине XX в. На основе широкого привлечения примеров конкретных экземпляров изданий, в работе выделяются категории наиболее распространенных помет и маргиналий, которые можно отнести к детским, предлагается классификация последних. Особое внимание уделяется их общим и особенным чертам в сравнении с пометами и маргиналиями, оставляемыми в книгах взрослыми людьми, а также мотивам их создателей. Предпринимается попытка определить соотношение между «варварским» отношением детей к книге как к «холсту» независимо ее содержания и проявлением интереса к последнему, в особенности – тому, как с этой точки зрения следует относиться к пометам и маргиналиям, внешне совершенно не связанным с текстом книги (рисункам и пр.). Наблюдения автора основаны на материалах Отечественного фонда Библиотеки Российской академии наук (БАН).

Ключевые слова: пометы, записи, маргиналии, автографы, владельческие записи, вложения, рисунки в книгах, детские рисунки, Библиотека Российской академии наук, БАН.

Для цитирования: Перекрестова С. В. Детские пометы и маргиналии в книгах в России XIX – первой половины XX в. // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 57–74. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_57. EDN: GTEHLC

Введение

Детские пометы и маргиналии в книгах представляют собой явление одновременно рядовое и особенное. Многие их разновидности совпадают с теми, которые оставляют взрослые: следы работы с текстом, развернутые комментарии, владельческие записи и пр. С другой стороны, сами по себе следы внимательного чтения книг детьми могут отличаться от аналогичных взрослых помет, не говоря уже о следах использования детьми книг не по прямому их назначению. Так или иначе, но оставленные детьми в книгах XIX – первой половины XX в. пометы и маргиналии представляют собой важный и, как нам представляется, недооцененный корпус рукописных дополнений, изучение и систематизация которых позволит расширить источниковое и проблемное поле исследований по истории личных библиотек, учебных библиотек и библиотек общественного пользования. Более того, детские рукописные дополнения могут использоваться в качестве источников в работах по истории повседневности, в частности, по истории семьи, детства, в исследованиях по истории школьной повседневности и пр.

Опираясь на достижения предшествующей историографии, автор статьи делает собственные наблюдения на основе работы с конкретными владельческими и изначально библиотечными экземплярами изданий, хранящимися в Отечественном фонде Библиотеки Российской академии наук (БАН). Полученный в ходе их просмотра *de visu* материал анализируется и систематизируется, что позволяет не просто перечислить обнаруженные рисунки, записи и прочее, но и предложить их классификацию, выявить их особенные черты в сравнении с пометами и маргиналиями, оставленными в книгах взрослыми людьми, продемонстрировать потенциал их использования в качестве источников в работах по истории повседневности и по библиотековедению.

Обратимся к историографии детских помет и маргиналий. Особое внимание детским рисункам уделяют исследователи средневековых рукописей. Для них большое значение имеет определение примерного возраста авторов рисунков и времени создания последних. Поскольку все содержание рукописей наносилось на поверхность листов от руки, а иллюстрациям средневекового периода как таковым была присуща некоторая

«детскость», факт наличия рисунков в той или иной рукописи сам по себе не означает того, что к ее «украшению» приложили руку дети, необходимо допускать возможность создания рисунков взрослыми писцами и переписчиками [1]. Эти обстоятельства заставляют исследователей обращаться к специальной литературе, в особенности к работам по проблемам психологии развития [2–4 и др.]. Для печатной продукции Нового времени задача отделения внешне схожих детских и взрослых рисунков друг от друга, как нам представляется, стоит не столь остро. Конечно, каждый из рисунков достоин специального внимания, но уточним, что в своей работе мы намерены предложить общую картину детских помет и маргиналий разных типов, и работая с одним из них, условно преимущественно детским – с рисунками – мы не будем пытаться определить возраст их авторов. Кстати говоря, к осторожности в этом вопросе призывают даже исследователи средневековых памятников: так, Э. Торп фактически настаивает на следовании принципу историзма, в данном случае – на том, что определение точного возраста авторов старинных изображений, тем более на основе современных исследований, не может дать надежных результатов, потому что мы не располагаем сведениями об уровне интеллектуального развития детей, живших во времена создания указанных изображений, в сравнении с уровнем детей современных [1, р. 9]. Специального внимания исследователей удостоиваются детские пометы и маргиналии в учебниках истории XIX – начала XXI в. [5], отношение детей к печатной продукции XIX в. в целом [6], маргиналии, оставленные детьми старшего школьного возраста в библиотечных книгах 1990–2000-х гг. [7]. Перу С. Лерера принадлежит работа о детских маргиналиях в целом, хотя на самом деле его наблюдения основаны главным образом на пометах в экземплярах изданий XVII–XVIII вв. [8].

Изобразительные пометы

Перед исследователями проблем взаимодействия детей с книгой нередко встает вопрос об определении отношения к вмешательству детей в ее бытование. Анализируя такие ранние его проявления, как попытки порвать или исчеркать книгу, одни говорят о бездумном детском вандализме, другие – о том, что дети таким образом познают мир [5, с. 49; 9; 10].

Определить, кто и когда порвал библиотечную книгу, сложно. «Чирканье», «каракули» мы полагаем возможным отнести к изобразительным пометам, наряду с раскрашиванием заголовков и иллюстраций и рисунками.

Результаты раскрашивания иллюстраций не всегда выглядят аккуратными. Среди выявленных нами в Отечественном фонде БАН экземпляров наиболее нарядными иллюстрациями отличаются «Переписка и рассказы русского инвалида» И. Н. Скобелева. Раскрашена лишь пара иллюстраций, и то не полностью, однако при этом использованы несколько цветов, даже розоватый для раскрашивания кожи героев. Особое внимание уделено героям жанровой сцены, в то время как на статичном изображении кладбищенского памятника раскрашена только трава [11; с. 43, 46]. Похожую картину мы видим на страницах экземпляра «Люды Влассовской» Л. А. Чарской, где несколько иллюстраций раскрашены в синий и зеленый цвета [12; с. 9, 13, 17]. Особого внимания ребенка снова удостоились жанровые сцены, а не пейзажи или натюрморты. В обоих случаях речь идет о «добавлении красок» на страницы, для этого не предназначенные. В «собрании» же «флагов, штандартов и вымпелов» с цветом проведена полезная работа. В книге объясняется, в том числе, как тот или иной геральдический цвет передается в печатной продукции штриховкой. Соседствующие рядом с заштрихованными «пустые» образцы флагов раскрашены в соответствующие цвета [13]. В отличие от карандаша или пастели на страницах разобранных выше экземпляров, здесь использовалась акварель, краска выходит за пределы флагов, ее неаккуратные следы можно заметить на соседних страницах.

Во всех перечисленных случаях заметны старания подобрать цвета верно и нанести их аккуратно. Отчасти это может говорить о сравнительно большом возрасте «работавших с цветом» детей. От детей, как мы бы сейчас сказали, дошкольного и младшего школьного возраста логичнее ожидать неаккуратную одноцветную штриховку. Впрочем, продуманное и грамотное нанесение цвета, как и уверенность линий при создании оригинальных рисунков, не может служить безапелляционным свидетельством в пользу определения достаточно большого возраста ребенка. Кроме того, отказ от полноценного раскрашивания иллюстраций может говорить не только

о возрасте, но и о том, что книга привлекала внимание ребенка не только своими иллюстрациями, и он не собирался тратить много времени именно на ее украшение. В детском сборнике «Кузовок» К. В. Лукашевич внимания ребенка удостоилась специальная страница с рисунками для срисовывания и раскрашивания; изображенные там ягоды оказались заштрихованы в соответствии с их реальным цветом – красным карандашом (листья и стебли остались нетронутыми). Груша, впрочем, тоже [14, с. 45]. В «Иллюстрированной энциклопедии реальных знаний» тоже использован красный карандаш, уже не всегда к месту: некоторые иллюстрации раскрашены с разной степенью тщательности, от пары штрихов до аккуратного нанесения красного цвета на лепестки цветов минуя листья [15; с. 233, 564 и др.]. То же самое мы видим в другой познавательной книге, предназначенной, как и предыдущая, для относительно взрослой, уже не дошкольной, аудитории – для интересующихся аквариумистикой [16; с. 5, 57, 61]. Наиболее пристального внимания сторонников штриховки удостоились учебные книги К. Д. Ушинского: «Родное слово» и «Детский мир». Юный художник предпочитал простой карандаш, причем в предназначенном для детей помладше «Родном слове» линии менее уверенные и более «лохматые» (в научной литературе свидетельства неуверенного владения пером считаются доказательством небольшого возраста «художника» [1; р. 10–12]). Есть там и не относящиеся ни к какой конкретной иллюстрации «каракули». В обеих книгах помимо штриховки на некоторых иллюстрациях можно заметить неаккуратные пятна черных чернил на месте глаз, носов и других частей тела изображенных героев [17; с. 4, 29; 18; с. 54, 56–58 и др.]. Здесь можно подумать о проявлении вандализма в отношении книг, который авторы одной из посвященных детским пометам статей, приводя в пример «безглазых принцесс» и «оскаленные лица», приписывают нашим современникам в противовес якобы не склонным к их созданию авторам помет в XIX–XX вв. [5, с. 49]. Так или иначе, но в отношении двух конкретных экземпляров книг К. Д. Ушинского будет справедливее говорить, как мы считаем, о попытке выделить цветом глаза или темные в природе носы изображенных животных, а не об их умышленном уродовании. Штриховку, причем чернилами, мы видим даже в советском учебнике по минералогии для учеников 10 выпускного класса,

впрочем, нанесенную с вниманием к деталям, с подчеркиванием теней и пр. [19; с. 17–18].

Постижение детского творчества требует творческого подхода от самого постигающего, особенно при знакомстве с оригинальными произведениями, в данном случае – с рисунками в книгах. Далеко не всегда они связаны с содержанием книги, собственно, случаи иллюстрирования своими руками печатного текста нам пока не встречались. С другой стороны, рисунки могут быть связаны не с текстом, а с оформлением книги, особенно когда речь идет о копировании, проще говоря, о срисовывании. Проявив известную долю фантазии и внимательности, можно разглядеть за набором неловких линий вполне узнаваемую форму. В качестве примеров можно привести похожих животных со страниц двух совершенно разных книг, одинаково заинтересовавших очевидно разных детей: речь идет о рисунках в экземпляре «Родного слова» К. Д. Ушинского 1866 г. и в «Земле Санникова» В. А. Обручева 1935 г. В уголках страницы книги К. Д. Ушинского, между прочем содержащей изображение слона и двух погонщиков, видны части головы слона: в одном случае нижняя губа, в другом – та же губа, бивень и хобот, изображенные одной линией без отрыва карандаша от страницы; можно предположить, что мы имеем дело с двумя незавершенными попытками срисовать слона начиная с его головы [17, с. 77]. На форзаце «Земли Санникова» линия идет вверх и вправо, потом описывает не очень уверенный и не особенно ровный круг, который пересекает круг поменьше; сам по себе этот рисунок мало что напоминает до тех пор, пока мы не обратим внимание на издательское оформление книги: фигуры, учитывая их сочетание и пропорции, складываются в набросок мамонта, изображенного на верхней крышке переплета [20]. Еще один пример срисовывания: в «башенке» из прямоугольника и венчающего его треугольника, перетекающей в изломанную линию, уходящую вправо и вниз, отдаленно угадывается элемент виньетки с марки издательства «Задруга», рядом с которой помещается рисунок на обложке сборника «Русский быт по воспоминаниям современников...» [21].

Что до оригинальных рисунков в книгах, то их самым распространенным жанром мы можем назвать портреты: фигуры в полный рост, бюсты, просто «головки». На форзаце и нахзаце

«Детского мира» К. Д. Ушинского мы видим даже не лицо, а женские ноги, точнее, нижнюю часть женского портрета, включая подол юбки [18; 22]. На обороте свободного листа нахзаца «Гайаваты» Г. Лонгфелло, вышедшей в детской серии товарищества М. О. Вольф «Золотая библиотека», обнаруживается уже целая барышня. Ее прическа и одежда придают ей европейский вид, едва ли связанный с описываемой в книге повседневностью индейских племен. Отсутствие фона, лаконичность и вертикальная ориентированность рисунка позволяют нам сделать предположение о связи рисунка не с темой книги, а с оформлением помещенных в нее материалов: рисунок напоминает заставки с изображением мальчика и девочки с помещенной на последней странице книжного блока – на том же развороте, что и оборот свободного листа нахзаца – рекламы журнала «Задушевное слово» [23]. Портреты встречаем даже в весьма серьезных изданиях: в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, первоначально изданной в качестве учебного пособия для студентов [24; с. 245, 274; 25, с. 376], в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского [26, нахзац], в работе А. С. Ионина о Южной Америке [27, с. 1 4 паг.] и т. д. Экземпляр книги А. С. Ионина, судя по штампам, когда-то входил в состав фондов библиотеки А. А. Черкесова. Рисунок помещается на одной из страниц, а значит, мог быть создан и до, и после того, как книга перестала входить в состав упомянутой библиотеки. С другой стороны, целая группа изящных женских и мужских портретов была создана прямо на нахзаце библиотечного переплета когда-то входившей в состав ее же фондов «Философии религии» Г. Геффдинга [28]. Больше, чем совершенно не связанным с содержанием книги рисунком может оказаться мужской портрет (только голова) на обороте титульного листа в 7 томе собрания сочинений Г. П. Данилевского [29]: на титульном листе каждого тома, в общей части описания собрания сочинений, анонсируется наличие портрета автора, но на самом деле этот портрет был помещен только в 1 томе. Можно предположить, что, изобразив в профиль усатого господина, владелец книги восполнил «пробел» в ее оформлении. Самой неожиданной нашей находкой мы считаем рисованный «флипбук» на полях владельческого экземпляра русско-киргизского словаря [30]. Если череда забавных рожиц из-за слишком резкой смены

их выражений может походить и просто на очередную «портретную галерею», то множество изображений настенных часов, на которых меняется только положение стрелок и угол наклона маятника, не оставляет сомнений в том, что перед нами рисованный «мультфильм». Учитывая, что рожицы, как и часы, находятся на одном и том же месте на каждом из разворотов, мы считаем, что озорные упражнения в мимике – тоже «мультфильм», хотя и с более резкими переходами, чем на картинках с часами. Ни один из них, конечно, не связан с темой книги, очевидно состоящей, как любой словарь, из множества не связанных друг с другом статей.

Автограф

Пометы и записи, традиционно воспринимаемые как взрослые или универсальные – автографы, знаки чтения и пр. – в случае создания их детьми и молодыми людьми также обладают любопытной спецификой. Особенно это касается владельческих записей. На нахзаце вообще-то библиотечного переплета «Детского мира» К. Д. Ушинского мы видим достаточно скромную для автора многочисленных помет и маргиналий запись «Анастасія», «спрятанную», прижатую к краю листа; возможно, Настя здесь училась писать свое имя, возможно – оставила указание на авторство рисунков и пр. [18; 22]. Лаконичная владельческая запись ученика 7 класса В. Петрова в углу титульного листа «Слова о полку Игореве» воспроизводится снова в нижней части той же страницы и на форзаце [31]. Автограф есть в советском учебнике по минералогии для старшеклассников, о котором мы уже говорили. И на форзаце, и на верхней крышке переплета он зачеркнут, чего не скажешь о целом ряде тех же записей на одной из страниц, между абзацами [19, с. 11]; подпись сделана и печатными, хотя и нестандартными, и письменными буквами, в том числе с переходом в декоративный росчерк, «съедающий» окончание слова. На нахзаце записей, фиксирующих все ту же фамилию – Геншафт – мы видим уже целых 7. Можно привести примеры многократного воспроизведения не всей фамилии, а ее отдельного элемента – открывающей автограф первой буквы [32, л. черт. 2]. В большинстве разобранных случаев мы видим неоднократное повторение владельческих записей, необязательно расположенных на при-

вычных для таких записей местах (форзац, титульный лист). Их создателями используются разные способы начертания одного и того же текста, часто – с использованием большого количества декоративных элементов. В совокупности эти особенности детских владельческих записей наводят нас на мысль о том, что мы имеем дело не с проявлением бессмысленного вандализма и не навязчивым желанием подчеркнуть право на книгу, а с тренировкой, отработкой написания фамилии, то есть с разработкой своей подписи – автографа. Отдельно в этом ряду стоит соседство разных фамилий на учебных книгах, иногда – с вычеркиванием всех фамилий кроме последней: очевидно, здесь речь действительно идет о смене владельца книги, фактически нужной ребенку или молодому человеку только один год [33, тит. л.; 34, тит. л.].

Записи, не связанные напрямую с содержанием книги

Отдельно стоит сказать о прочих не связанных с текстом книги записях. В некоторых из них читается намерение ребенка переписать отдельные фразы или слова своим почерком или приближенным к использовавшемуся в книге типографскому шрифту, возможно, не всегда понимая смысл копируемых слов. Такие маргиналии, как мы считаем, сродни скорее попыткам скопировать – срисовать – иллюстрации, чем записям в прямом смысле этого слова. Хороший пример – уже упоминавшийся экземпляр книги Н. И. Скобелева: отдельные фразы скопированы прямо под соответствующими строками на титульном листе: «Скобелева» под печатным «И. Н. Скобелева», «изданы Фариковым» под «изданныя А. Ф. Фариковымъ», «А. Антоно» выше и левее «С. А. Антоновымъ» [11, тит. л.]. Другой вариант – творческое дополнение печатного текста на самом деле не особенно полезной информацией: владелец «Собрания штандартов...» не только раскрасил флаги, но и пронумеровал страницы. Здесь можно увидеть сочетание копирования и дополнения текста: там, где страницы или иллюстрации и так были пронумерованы, ребенок очевидно перерисовывал цифры, отсюда два разных начертания цифры «7» вслед за разницей в ее типографском наборе на разных листах. Это не значит, что ребенок совершенно не разбирался в цифрах и просто их копировал: он пронумеровал каждый разворот начиная с са-

мого первого и увлекся до того, что удостоил номера страницу немой обложки книги [13]. Встречаются записи, не имеющие связи с текстом или оформлением книги, но отражающие дух эпохи, как емкое «Ильич» в школьном учебнике 1930-х гг. [19, с. 15]. Некоторые маргиналии все же отражают процесс использования книги, но для обучения совсем не тем вещам, о которых в ней говорится: упоминавшаяся выше Настя изучала с «Детским миром» К. Д. Ушинского в руках не только родную речь, но и французский язык, причем втиснутые между фрагментами печатного текста слова на французском языке не являются переводом расположенных по соседству печатных слов на русском языке [18; с. 5, 8; 22, с. 6, нахзац]. Иные маргиналии могут иметь связь если не непосредственно с текстом книги, то с процессом обучения по ней, и в этом, как и в свидетельствах использования книг для изучения не связанных с ними предметов, мы видим одну из характерных особенностей записей в книгах, использовавшихся детьми в учебном процессе. Среди таких записей можно назвать списки рекомендованной литературы [25, с. 347; 35, тит. л.; 31, форзац; 36, нахзац; и др.], определения ключевых для изучаемого предмета терминов [31, авантит.; 35, с. 1 и др.; 37, тит. л.] и т. д. Упомянем здесь и такую передающую нам чувство гордости собой запись, как указание на дату прошедшего экзамена и полученную отметку (конечно, «отлично») на форзаце учебника по юриспруденции [38], испещренного пометами, свидетельствующими о его активном использовании для подготовки к этому самому экзамену.

Следы использования для учебы

Следы изучения материала книг, будь то пометы или развернутые замечания на полях, едва ли могут составить собой уникальную группу детских, подростковых или юношеских помет и маргиналий. Напротив, их можно назвать универсальным видом рукописных дополнений, и мы не будем сейчас на них специально останавливаться. Отметим только свидетельства подготовки по книгам к экзаменам, поскольку сдача таковых по большей части является этапом жизни именно юной аудитории. Об использовании изданий в этих целях говорят разбивка текста книг, особенно непосредственно учебных, на фрагменты, вычеркивание других фрагментов, рукописная рубрикация

выделенных таким образом отрывков и особенно указание на полях номеров экзаменационных билетов, ответы на которые содержатся в выделенных фрагментах [36; 39, с. 21]. Еще один интересный пример: на обеих сторонах свободного листа форзаца пособия по древним языкам можно увидеть рукописный текст, посвященный произнесению и написанию цифр [40]; очевидно, владелец собирал в книге всю нужную ему информацию, связанную с ее предметом, дополняя ее теми грамматическими и прочими правилами, которые в ней не были разобраны. Здесь же позволим себе упомянуть не маргиналии, а вложения «на школьную тему», такие как, к примеру, листок с домашней работой по латыни в учебной хрестоматии, составленной на основе «Метаморфоз» Овидия [41].

Перед заключением: комплекс помет и маргиналий

Пытаясь привести детские пометы и маргиналии в систему, нельзя ограничиваться их строгим разграничением, тем более, навешиванием ярлыков свидетельств детского вандализма, исключительно вдумчивого отношения к книге и т. д. Ни один из типов помет или маргиналий в перечисленных в статье экземплярах не является единственным. Мы говорим о соседстве не только не имеющих связи с изучением текста книги его рукописных дополнений, как переписывание фраз и раскрашивание иллюстраций в «Рассказах русского инвалида», но и, условно, аналогичных дополнений и таких помет и записей, которые свидетельствуют о внимательном отношении к книге. В «Иллюстрированной детской энциклопедии» не только раскрашены иллюстрации, но и помечены универсальными обозначениями (знак «+», подчеркивание и пр.) отдельные фрагменты текста; к краям страниц прикреплены закладки-регистры разных цветов [15]. В книге по аквариумистике можно обнаружить не только раскрашенные иллюстрации, но и вложения: гербарий и рисунок (изображение сада). Ничего из перечисленного не связано с темой книги, но в самом ее конце можно увидеть приклеенную к странице вырезку с рецептом клея для аквариумного стекла [16, с. 151]. Таким образом владелец книги дополнил ее сведениями по ее теме, которой он очевидно интересовался, подобно тому, как другой юный читатель дописал необходимую информацию на форзаце пособия по древним языкам

[41]. В «Родном слове» и «Детском мире» мы видим не только разорванные страницы, кляксы (возможно, такое свидетельство неуверенного владения пером тоже можно отнести к следам использования книги ребенком), исчищенные суперэкслибрисы на крышках библиотечных переплетов, рисунки и пр., но и пометы (отчеркивание, знаки «+» и пр.), выделение заголовков (в основном все-таки «декоративное» – их вымарывание разными способами, но встречается и разбор слова в заголовке на графемы с переписыванием рядом своих наблюдений от руки), разбивка предложений или абзацев, вложения-закладки (как впрочем и гербарий) [17; 18; 22]. Даже рисунки, не имеющие связи с печатным текстом, уже поэтому могущие восприниматься как проявление бездумного вандализма, практически никогда не встречаются на книжных страницах в одиночестве, кроме того, они наносятся на эти страницы руками детей и молодых людей самых разных возрастов. Не повторяя описаний слонов, барышень и пр., отметим, что в «Методологии истории» сочетаются портреты, копирование отдельных слов из печатного текста и вполне академичные пометы и записи [24; 25], в курсе высшей математики – владельческая запись на ряде страниц, условные рисунки и формулы, уравнения [32], в учебнике по минералогии – отработка написания автографа, раскрашивание иллюстраций, записи не по теме, подсчеты, схемы и пр. [19].

В качестве самого удачного по многообразию рукописных дополнений примера, из известных нам, приведем конволют из учебников О. И. Викторовой по бухгалтерии. На форзаце и страницах мы видим пометы и маргиналии практически всех разновидностей. Многократное повторение автографа (Бекаревич), «декоративное» выделение заголовков и номеров страниц, переписывание одного и того же слова, причем с разным начертанием некоторых элементов, рисунки (простые геометрические фигуры, более сложные и нарядные «построения» вокруг нескольких соединенных точек, цветы, кошки). Они сочетаются с подчеркиваниями, стрелками на полях, записями с рабочими терминами осваиваемого курса, данными о рекомендованной литературе, подсчетами и пр. Более того, кошки, цветы и прочие не связанные с освоением курса бухгалтерии маргиналии нанесены теми же карандашом и чернилами и тем же почерком, в случае записей, что и следы внимательного чтения [42;

43]. Иными словами, Бекаревич не просто использовала случайную книгу в качестве «холста» для своих автографов и рисунков, но прилежно осваивала изложенный в учебнике курс, оставляя декоративные и учебные пометы и маргиналии параллельно. Первые, таким образом, являются органичной частью следов бытования книги в ее руках, их можно рассматривать как свидетельства проявления скуки, тяги к прекрасному, размышлений над прочитанным и т. д., но точно не как проявление исключительно потребительского отношения к печатному изданию. То же самое мы можем сказать не только об автографах и рисунках на полях не менее «взрослых» книг, таких как литографии университетских лекций, но и о большинстве куда менее аккуратных и более броских попытках раскрасить иллюстрации и чертежи, о рисунках, не связанных с текстом книги, записях и прочих пометах и маргиналиях в книгах для детей младшего возраста и подростков.

Обсуждение и выводы

Среди помет и маргиналий, оставленных детьми в книгах XIX – первой половины XX вв., можно выделить изобразительные пометы (раскрашивание иллюстраций, создание рисунков, декорирование заголовков), отработку написания автографов, не связанные с текстом записи (копирование и дополнение текста, не относящиеся к делу записи), следы внимательного чтения и использования для учебы. При работе с ними особый интерес представляют мотивы их создания, а также соотношение интереса ребенка к материалу книги и непосредственно к ней самой как к «холсту» или «тетради» для упражнений в рисовании и т. п. независимо от ее содержания. Как показывает практика, рисунки и прочие живописные и каллиграфические «украшения» страниц, не связанные с содержанием книги, далеко не всегда являются выражением приписываемого детям варварского отношения к книге и уж тем более – сигналом «о психологических потребностях и проблемах ученика» [5, с. 48–49]. Напротив, во многих случаях они являются элементом целого комплекса помет, представляющих собой знаки чтения совершенно разных книг детьми разных возрастов.*

* Иллюстрации к статье см. на с. 233–235.

Список литературы

1. Thorpe D. E. Young hands, old books: Drawings by children in a fourteenth-century manuscript, LJS MS. 361 // *Cogent Arts & Humanities*. – 2016. – No. 3. – Pp. 1–18.
2. Cox M. V. *Children's drawings*. London: Penguin Books, 1992. 253 p.
3. Cox M. V. *Children's drawings of the human figure*. Hove: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. 164 p.
4. Дилео Дж. Детский рисунок: диагностика и интерпретация. [4-е изд.]. М.: Астрель Пресс, 2012. 256 с.
5. Казакова О. Ю., Королев А. М. Междисциплинарное исследование маргиналий школьных учебников истории XIX – начала XXI в. // *Гуманитарные исследования Центральной России*. – 2023. – № 1 (26). – С. 45–51.
6. Sánchez-Eppler K. Marks of Possession: Methods for an Impossible Subject // *PMLA*. – 2011. – Vol. 126. – No. 1. – Pp. 151–159.
7. Ситникова М. В. Маргиналии в библиотечной книге: прочтение русской классической литературы старшекласниками. URL: <https://lib.1sept.ru/article.php?ID=200500105> (дата обращения: 4.11.2023).
8. Lerer S. Devotion and Defacement: Reading Children's Marginalia // *Representations*. – 2012. – Vol. 118. – No. 1. – Pp. 126–153.
9. Зачем ребенок портит книги. URL: <https://vseodetyah.com/psihologiya/vospitanie-rebenka/zachem-rebenok-portit-knigi> (дата обращения: 4.11.2023).
10. Зачем дети рисуют в учебниках. URL: <https://letidor.ru/obrazovanie/zachem-deti-risuyut-v-uchebnikah.htm> (дата обращения: 4.11.2023).
11. Скобелев И. Н. Переписка и рассказы русского инвалида. 4-е изд. Ч. 1. СПб.: А. Ф. Фариков, 1844. 166 с.
12. Чарская Л. А. Люда Влассовская. СПб.: т-во М. О. Вольф, 1904. 453 с.
13. *Собрание штандартов, флагов и вымпелов, употребляемых в Российской империи*. СПб.: б. и., 1833. 93 с.
14. Лукашевич К. В. Кузовок. 5-е изд. М.: И. Д. Сытин, 1915. 150 с.
15. *Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний / сост. А. Е. Яновский*. М.: И. Д. Сытин, 1907. 648 с.
16. Вагнер Ю. Н. Мой аквариум. СПб.: журнал «Игрушечка», 1895. 155 с.
17. Ушинский К. Д. Родное слово. Год первый. 3-е изд. СПб.: Ф. С. Сушинский, 1866. 108 с.
18. Ушинский К. Д. *Детский мир и хрестоматия*. Ч. 1. 10-е изд. СПб.: И. И. Глазунов, 1870. 272 с.
19. Потемкин М. П., Малинко В. В. *Минералогия и геология*. 3-е изд. М.: УЧПЕДГИЗ, 1936. 176 с.
20. Обручев В. А. *Земля Санникова*. Л.; М.: ОНТИ. Главная ред. научно-популярной и юношеской литературы, 1935. 316 с.
21. *Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век / сост. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковым, Н. П. Сидоровым*. Ч. 2: от Петра до Павла I. Вып. 2. М.: Задруга, 1918. 314 с.
22. Ушинский К. Д. *Детский мир и хрестоматия*. Ч. 2. 10-е изд. СПб.: И. И. Глазунов, 1870. 383 с. [приллет. к п. 18]
23. Лонгфелло Г. У. *Гайавата*. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1913. 179 с.
24. Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. Ч. 1. СПб.: В. Безобразов и Ко, 1910. 292 с.

25. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 2. СПб.: В. Безобразов и Ко, 1913. 513 с.
26. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. 2-е изд. М.: [Московская Синодальная тип.], 1906. 465 с.
27. Ионин А. С. По Южной Америке. СПб.: т-во «Общественная польза», 1892. 764 с.
28. Геффдинг Г. Философия религии. СПб.: т-во «Общественная польза», 1903. 407 с.
29. Данилевский Г. П. Сочинения Г. П. Данилевского. Т. 7. 8-е изд. СПб.: А. Ф. Маркс, 1901. 202 с.
30. Словарь русско-киргизский. Оренбург: Б. Бреслин, 1894. 614 с.
31. Игорь князь Северский: Слово о полку Игореве. 6-е изд. СПб.: Б. и., 1881. 144 с.
32. Ледебур А. Механическая технология металлов. СПб.: Г. В. Гольстен, 1900. 405 с.
33. Фан-дер-Флит А. П. Волнообразное движение. СПб.: Куприн, 1893. 256 с.
34. Фан-дер-Флит А. П. Звук. СПб.: Фомин, 1893. [приплет. к п. 33]
35. Кареев Н. И. Учебная книга Новой истории. 7-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1906. 358 с.
36. Фридман М. И. Конспект лекций по науке о финансах. Вып. 1. СПб.: б. и., б. г., 194 с.
37. Стасюлевич М. М. История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Ч. 1. 2-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1885. 653 с.
38. Чебышев-Дмитриев А. П. Уголовное судопроизводство. СПб.: б. м., б. г. 689 с.
39. Соколов Ф. Ф. Древняя история Греции и Рима. СПб.: Богданов, 1907. 457 с.
40. Грамматический разбор затруднительных греческих слов из Четвероевангелия, составленный в пользу юных любителей греческого языка. М.: Университетская тип., 1837. 93 с.
41. Овидий. Метаморфозы Овидия. 2-е изд. М.: братья Салаевы, 1872. 170 с.
42. Викторова О. И. Учебник двойной бухгалтерии (старший курс). 3-е изд. Пг.: А. И. Белокопытов, 1917. 279 с.
43. Викторова О. И. Учебник двойной бухгалтерии (элементарный курс). 5-е изд. Пг.: А. И. Белокопытов, 1918. 220 с. [приплет. к п. 42].

Children's Marks and Marginalia in Books in Russia in the 19th – first half of the 20th Centuries

Sofia V. Perekrestova

The article is devoted to the marks and marginalia left by children in the books published in Russia in the 19th – first half of the 20th centuries. On the basis of wide use of examples of specific editions, the paper identifies the categories of the most common marks and marginalia that can be attributed to children, and proposes classification of the latter. Special attention is paid to their common and special features in comparison with the marks and mar-

ginalia left in books by adults, as well as to the motives of their creators. An attempt is made to determine the correlation between children's "barbaric" attitude to a book as a "canvas" independent of its content and their interest in the latter, especially the way in which marks and marginalia, which are outwardly completely unrelated to the text of the book (drawings, etc.), should be treated from this point of view. The author's observations are based on the materials of the Russian Fund of the Russian Academy of Sciences Library (RASL).

Key words: marks, notes, marginalia, autographs, ownership notes, book attachments, drawings in the books, children's drawings, Russian Academy of Sciences Library, RASL.

For citation: Perekrestova, S. V. (2024) Detskie pomety i marginalii v knigah v Rossii 19 – pervoj poloviny 20 vv. [Children's Marks and Marginalia in Books in Russia in the 19th – first half of the 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 57–74. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_57. EDN: GTEHLC

References

1. Thorpe, D. E. (2016) Young hands, old books: Drawings by children in a fourteenth-century manuscript, *LJS MS*. 361. *Cogent Arts & Humanities*. No. 3. Pp. 1–18.
2. Cox, M. V. (1992) *Children's drawings*. London: Penguin Books.
3. Cox, M. V. (1993) *Children's drawings of the human figure*. Hove: Lawrence Erlbaum Associates.
4. Dileo, J. (2012) *Detskij risunok: diagnostika i interpretaciya* [Interpreting Children's Drawings]. 4th ed. Moscow: Astrel' Press. (In Russ.)
5. Kazakova, O. Yu., Korolev, A. M. (2023) *Mezhdisciplinarnoe issledovanie marginalij shkol'nyh uchebnikov istorii XIX – nachala XXI v.* [Interdisciplinary research of marginalia in the school history study books in the 19 – early 21st centuries]. *Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii* [Humanities research of the Central Russia]. No. 1 (26). Pp. 45–51. (In Russ.)
6. Sánchez-Eppler, K. (2011) Marks of Possession: Methods for an Impossible Subject. *PMLA*. Vol. 126. No. 1. Pp. 151–159.
7. Sitnikova, M. V. *Marginalii v bibliotечноj knige: prochtenie russkoj klassicheskoj literatury starshklassnikami* [Marginalia in a library book: reading Russian classical literature by high school students]. Available at: <https://lib.1sept.ru/article.php?ID=200500105> (accessed: 4.11.2023). (In Russ.)
8. Lerer, S. (2012) Devotion and Defacement: Reading Children's Marginalia. *Representations*. Vol. 118. No. 1. Pp. 126–153.
9. *Zachem rebenok portit knigi* [Why child spoils books]. Available at: <https://vseodetyah.com/psihologiya/vospitanie-rebenka/zachem-rebenok-portit-knigi> (accessed: 4.11.2023). (In Russ.)
10. *Zachem deti risuyut v uchebnikah* [Why children draw in textbooks]. Available at: <https://le-tidor.ru/obrazovanie/zachem-deti-risuyut-v-uchebnikah.htm> (accessed: 4.11.2023). (In Russ.)
11. Skobelev, I. N. (1844) *Perepiska i rasskazy russkogo invalida* [Correspondence and stories of the Russian invalid]. 4 ed. P. 1. Saint Petersburg: A. F. Farikov. (In Russ.)
12. Charskaya, L. A. (1904) *Lyuda Vlassovskaya* [Lyuda Vlassovskaya]. Saint Petersburg: t-vo M. O. Volf. (In Russ.)
13. *Sobranie shtandartov, flagov i vympelov, upotrebyaemyh v Rossijskoj imperii*. (1833) [Collection of standards, flags and pennants used in the Russian Empire]. Saint Petersburg: (In Russ.)
14. Lukashevich, K. V. (1915) *Kuzovok* [The Bucket]. 5 ed. Moscow: I. D. Sytin. (In Russ.)
15. Yanovskij, A. E. (1907) (ed.) *Ilyustrirovannaya enciklopediya real'nyh znaniy* [The Illustrated Encyclopedia of Real Knowledge]. Moscow: I. D. Sytin. (In Russ.)
16. Vagner, Yu. N. (1895) *Moj akvarium* [My aquarium]. Saint Petersburg: zhurnal "Igrushechka". (In Russ.)
17. Ushinskij, K. D. (1866) *Rodnoe slovo* [The native language]. 1 Year. 3 ed. Saint Petersburg: F. S. Sushchinskij. (In Russ.)
18. Ushinskij, K. D. (1870) *Detskij mir i hrestomatiya* [The children's world and the chrestomathy]. P. 1. 10 ed. Saint Petersburg: I. I. Glazunov. (In Russ.)

19. Potemkin, M. P., Malinko, V. V. (1936) *Mineralogiya i geologiya* [Mineralogy and geology]. 3 ed. Moscow: UCHPEDGIZ. (In Russ.)
20. Obruchev, V. A. (1035) *Zemlya Sannikova* [Sannikov's land]. Leningrad; Moscow: ONTI. Glavnaya red. nauchno-populyarnoj i yunosheskoj literatury. (In Russ.)
21. Mel'gunova, P. E., Sivkov, K. V. (1918) (ed.) *Russkij byt po vospominaniyam sovremennikov: XVII vek* [Russian life according to the memoirs of contemporaries: 18th century]. P. 2: of Petra do Pavla I. No. 2. Moscow: Zadruga. (In Russ.)
22. Ushinskij, K. D. (1870) *Detskij mir i hrestomatiya* [The children's world and the chrestomathy]. P. 2. 10 ed. Saint Petersburg: I. I. Glazunov. (In Russ.) [added to point 18]
23. Longfellow, H. W. (1913) *Gajavata* [Hiawatha]. Saint Petersburg; Moscow: t-vo M. O. Vol'f. (In Russ.)
24. Lappo-Danilevskij, A. S. (1910) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. P. 1. Saint Petersburg: V. Bezobrazov i Ko. (In Russ.)
25. Lappo-Danilevskij, A. S. (1913) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Iss. 2. Saint Petersburg: V. Bezobrazov i Ko. (In Russ.)
26. Klyuchevskij, V. O. (1906) *Kurs russkoj istorii* [Russian history course]. P. 1. 2 ed. Moscow: Moskovskaya Sinodal'naya tip. (In Russ.)
27. Ionin, A. S. (1892) *Po Yuzhnoj Amerike* [Through the South America]. Saint Petersburg: t-vo «Obshchestvennaya pol'za». (In Russ.)
28. Høffding, H. (1903) *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. Saint Petersburg: t-vo «Obshchestvennaya pol'za». (In Russ.)
29. Danilevskij, G. P. (1901) *Sochineniya G. P. Danilevskogo* [G. P. Danilevskij's writings]. Vol. 7. 8 ed. Saint Petersburg: A. F. Marks. (In Russ.)
30. *Slovar' russko-kirgizskij* (1894) [Russian-Kirkiz dictionary]. Orenburg: B. Breslin. (In Russ.)
31. *Igor' knyaz' Severskij: Slovo o polku Igoreve* (1881) [Igor prince of Seversk: The tale of Igor's campaign]. 6 ed. Saint Petersburg. (In Russ.)
32. Ledebur, A. (1900) *Mekhanicheskaya tekhnologiya metallov* [Mechanical technology of metals]. Saint Petersburg: G. V. Gol'sten, 1900. (In Russ.)
33. Fan-der-Flit, A. P. (1893) *Volnoobraznoe dvizhenie* [Wave motion]. Saint Petersburg: Kuprin. (In Russ.)
34. Fan-der-Flit, A. P. (1893) *Zvuk* [Sound]. Saint Petersburg: Fomin. (In Russ.) [added to point 33]
35. Kareev, N. I. (1906) *Uchebnaya kniga Novoj istorii* [Modern history study book]. 7 ed: Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich. (In Russ.)
36. Fridman, M. I. *Konspekt lekcij po nauke o finansah* [Lecture notes on the science of finance]. No. 1. Saint Petersburg. (In Russ.)
37. Stasyulevich, M. M. (1885) *Istoriya Srednih vekov v ee pisatelyah i issledovaniyah novejsih uchenyh* [A history of the Middle Ages in its writers and studies by the latest scholars]. P. 1. 2 ed. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich. (In Russ.)
38. Chebyshev-Dmitriev, A. P. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. Saint Petersburg. (In Russ.)
39. Sokolov, F. F. (1907) *Drevnyaya istoriya Grecii i Rima* [Ancient History of Greece and Rome]. Saint Petersburg: Bogdanov. (In Russ.)
40. *Grammaticheskij razbor zatrudnitel'nyh grecheskih slov iz Chetveroevangeliya, sostavlenyj v pol'zu yunyh lyubitelej grecheskogo yazyka* (1837) [A grammatical analysis of difficult Greek words from the Fourth Gospel, compiled for the benefit of young amateurs of the Greek language]. Moscow. (In Russ.)
41. Ovidius. (1872) *Metamorfozy Ovidiya* [Ovidius' Metamorphoses]. 2 ed. Moscow: brat'ya Salaevy. (In Russ.)
42. Viktorova, O. I. (1917) *Uchebnik dvojnoj buhgalterii (starshij kurs)* [Study book of double-entry bookkeeping (senior year)]. 3 ed. Petrograd: A. I. Belokopytov. (In Russ.)
43. Viktorova, O. I. (1918) *Uchebnik dvojnoj buhgalterii (elementarnyj kurs)* [Study book of double-entry bookkeeping (elementary year)]. 5 ed. Petrograd: A. I. Belokopytov. (In Russ.) [added to point 42]

Об авторе

Перекрестова Софья Владимировна, ведущий библиотекарь, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9622-9990

About the author

Perekrestova Sofia V., Leading Librarian, Funds and Service Department, Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9622-9990

Статья поступила в редакцию 15.11.2023

Одобрена после рецензирования 13.12.2023

Принята к публикации 25.12.2023

Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

Т. В. Волгина

В статье рассматривается уникальная форма социального призрения детей в Петрограде во время Первой мировой войны – ясли и дневные приюты. На основании широкого круга источников исследуется их роль в обеспечении заботы о детях в тяжелый период войны и анализируется их значение. Ясли и дневные приюты в Петрограде на протяжении 1914–1916 гг. облегчали жизнь родителей, которые были вынуждены работать и(или) находились на фронте. Учреждения для детей дошкольного возраста, управляемые различными организациями и благотворительными обществами, предоставляли детям не только пристанище, но и питание, медицинскую помощь, заботу о здоровье и возможность минимальной социализации. Подчеркивается, что приюты и ясли обеспечивали уход за детьми разных категорий населения, включая беженцев, рабочих и бездомных. Статья предоставляет важную информацию о том, как Первая мировая война в целом повлияла на систему призрения и социализации детей.

Ключевые слова: призрение, дети, ясли, дневные приюты, дневные убежища, воина, уход, забота о здоровье.

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421>

Для цитирования: Волгина Т. В. Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 75–95. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO

Введение

Первая мировая война – один из крупнейших конфликтов XX века, который повлиял на все сферы жизни российского общества, в том числе и повседневную жизнь. Изменениям подверглась жизнь не только мужской части населения, оказавшейся на линии фронта, но и их семей, оставшихся без помощи кормильца и часто брошенных на произвол судьбы. Женщины, оставшиеся с детьми, не имевшие работы, денег на проживание, пропитание и одежду, стали одной из проблем Петрограда с началом войны, которую необходимо было незамедлительно решать.

В годы Первой мировой войны дети страдали от многих негативных последствий конфликта, что привело к увеличению детской смертности – в Петрограде с 1913 по 1916 гг. она увеличилась с 23,1 % до 28,4 % [1, с. 61]. Одной из главных причин стал тот факт, что в связи с уходом мужчин на фронт, женщины были вынуждены выходить на работу, даже имея на руках грудных детей и не имея возможности обеспечить им должный присмотр и уход [2, с. 95]. Очень многие дети потеряли своих родителей и близких родственников, что привело к большому количеству сирот, которые оказались брошенными и бездомными.

Государственные учреждения и общественные организации осознали необходимость предпринять меры для помощи детям в трудной ситуации, включая предоставление продуктов питания, одежды и медицинской помощи. Создавалась целая сеть приютов, яслей и других организаций по признанию детей, чтобы помочь сиротам и детям из семей, потерявших доходы в результате войны.

Вопросы детского признания в годы Первой мировой войны находят свое отражение во многих трудах исследователей [1; 3–5]. Особое внимание при анализе детского признания уделяется благотворительности [6–8], а также деятельности тех или иных организаций [9–11]. Раскрывается тема детского здоровьесбережения в Первой мировой войне [12; 13] а также повседневной жизни [14]. Региональные аспекты изучения яслей и приютов как форм детского признания охватывают обширную географию [15–17]. Однако работ, посвященных деятельности учреждений дневного признания детей в годы Первой мировой войны в Петрограде, нет.

Целью данной статьи является анализ деятельности яслей, дневных убежищ и дневных приютов в Петрограде в годы Первой мировой войны.

Говоря о яслях, следует понимать это выражение не только в узком смысле, как учреждение для дневного призревания детей раннего возраста, но и в более широком, как учреждение для детей дошкольного возраста, начиная с грудных.

Результаты

К началу Первой мировой войны в Петрограде уже существовала потребность в организации работы яслей. Отмечалось, что прежде всего ясли должны устраиваться при фабриках и заводах (или по соседству с ними), чтобы у матерей была возможность не отнимать ребенка от груди, а продолжать его кормление [18, с. 62]. Межведомственной комиссией по пересмотру врачебно-санитарного законодательства были выработаны положения относительно назначения яслей: 1 – ясли предназначаются для ухода, присмотра и кормления грудных и малолетних детей, оставляемых в них идущими на работу матерями; 2 – ясли подразделяются на временные и постоянные; 3 – устройство яслей лежит на земских и городских общественных учреждениях, на владельцах фабрик, заводов и т. п. [19, с. 315].

Особо отмечалась необходимость организации яслей в деревнях, где летом во время полевых работ наблюдалась высокая смертность младенцев. Попечительство об охране материнства и младенчества планировало организовать сеть деревенских приютов-яслей, которые в летнее время располагались бы в пустующих школьных зданиях [18, с. 62]. Предполагалось, что устройство летних приютов-яслей приведет к тому, что дети будут окружены должным уходом: накормлены, одеты; будут находиться под надлежащим надзором, «дабы материнские сердца работающих на поле не терзались о них заботою» [20, л. 1]. К началу Первой мировой войны на территории Санкт-Петербургской губернии в летний период действовало 16 сельских яслей, призревавших 646 детей [21; л. 36–37].

В первые дни Первой мировой войны в некоторых созданных на территории Петрограда попечительствах уже существовали собственные ясли, учрежденные до объявления мобилизации, и теперь помимо существовавшего контингента начавшие при-

ем детей призванных из запаса родителей [22, с. 1009]. Это было вполне возможно, так как почти во всех из этих яслях и приютах к началу войны призревало меньшее количество детей, чем то, на которое они были рассчитаны. Так, из 15 попечительств в семи были ясли, где в общей сложности находилось 210 детей, т. е. в среднем по 30 детей на одно учреждение [22, с. 1009]. Одной из основных причин непопулярности яслей среди матерей в тот период был страх отдавать детей в учреждения, где они не могут осуществлять какой-либо контроль над малышами.

В условиях войны понадобилось срочное открытие новых яслей, для создания которых были выработаны «Основные начала правильной постановки дневных приютов-яслей» [22; с. 1125–1145].

В соответствии с документом детей в ясли предполагалось принимать после изучения опросного листа, куда должны были вноситься максимально полные сведения, на основании которых детям предоставлялось место. В специальной таблице должна была отмечаться информация об ушедшем на войну, составе семьи, информация о наличии какого-либо имущества и дохода, качестве жизни (месте проживания, внешнем виде, питании и здоровье детей), а также вопрос работоспособности матери [23, л. 15].

Рассмотрим истории двух семей, обратившихся за получением места в яслях. В первой, заявительница – Ефросинья Александровна Никитина, сообщила, что ее муж состоял на действительной службе и потому пайка и других пособий она не получала. До замужества служила прислугой, выйдя замуж за коробочного мастера, который достаточно зарабатывал, чтобы содержать семью, работать перестала. К моменту проведения опроса положение Никитиной оценивалось как очень трудное. Работать она могла и хотела, но трое маленьких детей, из которых один грудной, а другой больной (бельма на глазах) не давали ей возможности оставлять детей дома одних. Жили очень бедно: мать мужа 48 лет держала квартиру из трёх комнат, сдавала все углы, невестке дала угол в кухне, где она и ютилась с детьми. Жила она подачками, питались дети чем придется, одежды теплой не было. В результате было решено предоставить место в яслях как минимум одному ребенку [23, л. 52].

Вторая женщина принадлежала к совершенно другой социальной группе. Женщина-врач Зинаида Дмитриевна Еропкина,

вдова действительного статского советника, осталась после гибели мужа с шестью сыновьями 13, 9, 8, 6, 4 лет, а младшему было – 3 месяца. Не получая пенсии за мужа (в связи с его гибелью не от пули, а от кровоизлияния в мозг, полученного в результате затаптывания лошадью), женщина просила предоставить ей рабочее место, денежную помощь, а также место для детей в яслях. Причем в указанное время она состояла кандидаткой в школьные врачи, получая 75 руб. в месяц. Результатом прошения стала выдача пособия в размере 200 рублей [24; л. 135–136]. Таким образом, наглядно можно увидеть разный уровень семей, нуждающихся в дневном призрании детей.

При организации яслей создавалось несколько комиссий. В обязанности медицинской комиссии должно было входить распределение посещений приюта с таким расчетом, чтобы кто-нибудь из врачей бывал в яслях ежедневно. При поступлении в назначенный день, каждый ребенок должен был быть осмотрен врачом. Дети с заразными болезнями не допускались в ясли [25, л. 19]. Однако, не принимать вообще больных детей, например, страдающих хроническими болезнями и незаразными формами не представлялось возможным. Поощрялось, если один из врачей брал на себя обязанность посещать на дому отдельных больных. Все свои наблюдения за детьми врачи должны были заносить в особый журнал. Подобная система имела положительный результат, поскольку они давали возможность оценивать динамику уровня здоровья детей. Рекомендовалось при открытии яслей взвешивать всех детей, а также измерять рост и объем груди и даже производить эти измерения еженедельно, чтобы лучше изучить, как влияет данное учреждение на здоровье детей.

Хозяйственная комиссия должна была следить за общим порядком и чистотой, контролировать еду, доброкачественность продуктов и общее ведение хозяйства надзирательницей.

По мнению Междуведомственной комиссии, для ведения различных необходимых записей, в яслях должен был вестись ряд документов: 1) приемный журнал (имя, отчество, фамилия, возраст, профессия и адрес родителей); 2) книга помещений и отсутствий; 3) книга для медицинских наблюдений; 4) книга для посетителей, куда заносятся наблюдения членов и посторонних лиц о порядке в яслях, 5) приходо-расходная книга;

б) инвентарная с описью всего инвентаря и стоимости каждой вещи, 7) отчет по яслям [22, с. 1131].

Во главе яслей должна была стоять надзирательница. Рекомендовалось подбирать человека с практической подготовкой, опытом, любящего дело и детей, спокойного и уравновешенного, добросовестного, с хорошим характером и тактом. Среднее жалование надзирательнице определялось в 20–35 р. в месяц, а лица с образованием в зависимости от местных условий могли получать и 50 р., [22, с. 1133]. Если не удавалось найти бесплатных работниц, которые посвящали бы яслям свой труд и время, то в помощь надзирательнице должна была быть приглашена «педагогичка», чтобы дети не скучали и не сбегали из яслей.

Отбор прислуги производился тоже очень строгий. Для ухода за грудными, предполагалось нанимать пожилую, опытную, сознательную и опрятную няню, за 10–12 р. в месяц, и в помощь ей подняню, девочку-подростка 14–15 лет, с жалованием в 5–6 руб. Для больших детей одна няня должна была приходиться на 20–25 человек, для грудных и малышей до трёх лет – на 5 человек. Няни в яслях должны были быть грамотные, чтобы они были способны занять детей. Для детей постарше рекомендовали брать молодых нянь от 20 до 30 лет, более веселых, выносливых, умеющих занять детей.

Обстановка должна была быть простая, дешевая, но крепкая, легко дезинфицируемая. Классные комнаты считались не обязательными, так как систематических и серьезных занятий с детьми в яслях вестись не предполагалось.

Предполагалось, что режим работы яслей будет максимально непрерывным. Открываться они должны были к тому времени, когда матери шли на работу (с 6 1/2 до 8 ч. утра, что зависело от местных условий). Однако на ночь дети должны были уводиться домой для недопущения распада семьи, но, конечно, в особых случаях, как, например, роды, или болезнь матери, вьюга, когда ребенка нести надо далеко и т. п., дети могли быть оставлены на ночь.

Каждый ребенок, первый раз, принесенный в ясли, должен был быть обмыт в ванне, подстрижен и переодет во все чистое. Никакие предметы домашнего костюма не должны были быть оставлены на ребенке, если в яслях имелось белье для переоде-

вания. Дети, которые постоянно посещали ясли, принимали ванну раз в неделю утром, грудные – ежедневно.

В соответствии с «Основными началами...» детей в среднем должны были кормить четыре раза в день. В 8 часов утра – чай с молоком и ситным или ячменный кофе и какао. После чая дети должны были заниматься согласно своим вкусам и порядку, заведенному в яслях. Если имелись педагоги, то лучшим для занятий с детьми считалось время между чаем и обедом. Детей делили на две группы: старшая уходила в классную, младшая играла под руководством педагога или надзирательницы в общей, большой комнате, малыши уносились в детскую [22; с. 1125–1145].

В 12 ч. дня дети должны были обедать, получая полную миску супа или щей с черным хлебом, кашу с маслом, мясо должно было даваться к супу мелко покрошенными кусочками, иногда каши можно было заменить картофелем или макаронами с маслом, подавался кисель или компот. Пищу дети должны были получать ту, к которой привыкли дома. Раз в неделю полагался постный обед без мяса, вместо супа – горох.

Дети от 1 года до 3 лет должны были получать более легкую пищу – жидкую кашу с молоком, белый хлеб, суп с рисом или перловой крупой. При приеме грудных детей необходимо было ставить матерям условие, чтобы они не менее двух раз в день заходили в ясли кормить своих детей. Таким образом, на яслях лежала обязанность лишь прикармливать грудных детей, причем сроки кормления и степень разбавления молока зависели от возраста детей [25; л. 21–22]. На практике число младенцев в яслях по сравнению с детьми более старших возрастов, посещающих убежища, было весьма невелико: в немногих случаях оно достигало 13–15 в день [26, с. 429].

После обеда детям полагалась прогулка с надзирательницей и няней или с одним из членов педагогической комиссии. В 4 часа – чай с молоком и ситным, в 6 часов ужинали. За ужином дети получали то же, что за обедом. В общем за день каждый ребенок должен был получать половину бутылки молока, ¼ фунта мяса, ½ ф. хлеба, 2 миски супа или щей и второе согласно меню.

Отдельное внимание в яслях должно было отводиться воспитанию детей. По решению Междудементальной комиссии при каждом попечительстве должна была быть организована Педагогическая комиссия, которая следила за духовным разви-

тием призреваемых. Желательными назывались фребелевские игры под руководством педагогов. Отмечалось, что дети очень любят игру в мячи, лошадки, гуси, пятнашки, бабки, горелки и т. д., необходимо было сопровождать игры пением, звукоподражанием. Короткие и простые рассказы, иллюстрируемые картинками, моделями, также рекомендовались правилами.

С детьми старшего возраста (7–9 лет), можно было уже вести занятия – обучение грамоте и счету. Кроме того, отмечалась польза для детей прогулок за город в зоологические сады и музеи и после того, разбор материала и беседы об увиденном. Летом, если имеется садик или двор, рекомендовалось выделить каждому маленький кусочек земли, где он мог бы развести огород, посадить растения, посеять что-нибудь [22; с. 1125–1145].

Помощь врачей, учащихся в высших учебных заведениях, педагогов и других, приветствовалась иногда даже более чем денежная помощь. Добровольцы из молодежи в качестве дежурных, облегчали труд платного персонала и вносили в жизнь детей и тепло, и разнообразие. Так, существовали ясли, в которых сотрудники-добровольцы дежурили с раннего утра, например, в яслях 19 попечительства дежурства начинались уже с 6 часов утра [27, с. 63].

Главная задача в организации яслей состояла в том, чтобы дети чувствовали себя в яслях комфортно. Как заявила одна мать, «Маню, разве ее удержишь, не успеешь с утра отвести в ясли, так сама убежит» [22, с. 1145].

29 июля 1914 г. Совет Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества постановил сосредоточить свою деятельность на оказании помощи женам и малолетним детям лиц, призванных на войну, и образовать повсеместно, и в том числе в Санкт-Петербурге, временные комитеты [24, л. 2]. Небольшие приюты и убежища существовали уже до войны (приюты – в 3, 7, 15, 16, 19, 20, дневные убежища в 8 (совместно с 9), в зачаточном виде – в 19), но общее число призреваемых в них детей доходило всего до 100 с небольшим [27, с. 61].

Одной из главных проблем при устройстве яслей и дневных убежищ стали помещения, в которых бы они могли располагаться. Необходимо было арендовать помещение в таком месте, куда было бы недалеко и по пути матерям заносить детей. Между тем домов с проведенной водой было очень немного, а без

проведенной воды было нельзя обеспечить одно из главных условий гигиены – ванны для детей [24, л. 11].

Первыми «военными» яслями в Петрограде стали ясли, открытые при 19 попечительстве. Для организации системы по устройству яслей и приютов при нем была создана комиссия из 60 человек. Первый месяц существования этой комиссии ушел на подготовительную работу: они знакомились с различными яслями и приютами, открытыми раньше, разбирали различные методы воспитания в них, стараясь найти наиболее целесообразные, подыскивали квартиры для этих учреждений, преподавательский персонал и служащих. Результатом работы комиссии стали ясли, открытые в 19 попечительстве 15 августа 1914 г. К 28 сентября число детей, посещавших ясли, достигло 51. До 1 января 1915 г. через ясли прошло 85 детей, однако деятельности яслей мешали эпидемические заболевания, из-за которых приходилось 3 раза закрывать ясли. В общем ясли были открыты 90 дней, в течение которых зафиксировано 2533 посещения [28, с. 71]. Возраст детей сильно колебался, но преобладали дети маленькие, в том числе принимались и грудные дети с 6-недельного возраста. Служащий персонал состоял из заведующей, двух нянь и кухарки [22, с. 1044].

Далее тенденцию подхватили и другие попечительства. Первый комитет, получив бесплатно в свое распоряжение три квартиры на Каменном острове, в продолжении Каменноостровского проспекта, устроил в двух квартирах дневной приют-ясли для 40 детей, от грудного возраста до 7 лет. Приют обслуживал Старую и Новую деревню и часть Петроградской стороны [29, с. 192]. Хотя целью приюта и являлось предоставление только дневного убежища детям, матери которых заняты подённой работой, тем не менее, в скором времени в нем оказались дети на постоянном призрении. Среди них были некоторые брошенные матерями, были сироты, доставленные из районов военных действий [22, с. 1145].

В течение 1915–1916 гг. в Комитет постоянно поступали обращения с просьбами принять детей действующих военнослужащих и запасных. Так, в 1915 г. поступило 11 таких обращений с просьбой принять 19 детей (из них 5 мальчиков, 10 девочек и 4 ребенка без указания пола в возрасте от 1 года до 7 лет) как на постоянное призрение, так и на время родов ма-

тери [24; л. 57–86]. В 1916 г. поступило 20 обращений с просьбой принять 30 детей (из них 18 мальчиков, 12 девочек в возрасте от 6 месяцев до 6 лет) [24; л. 87–129]. Таким образом, мы можем наблюдать рост потребности в призрании детей в 1916 г. по сравнению с 1915 г.

В дальнейшем Комитет обратил внимание на прием детей грудного возраста. Прием их в ясли представлялся крайне нежелательным, так как в этом случае ребенок лишался материнского вскармливания. Отказать же в приеме представлялось также нежелательным, так как мать откровенно говорила, что она должна идти на работу и все равно оставит ребенка дома без всякого призора на целый день. В виду такого положения и в целях дать матери заработок и не отнимать от нее возможность самой продолжать кормить грудью своего ребенка, первый комитет постановил организовать при приюте трудовую помощь для матерей. Таким образом, представилось возможным открыть прием грудных детей от вскармливающих матерей при условии, что мать остается при приюте, где она не только получала пропитание, но и оплачиваемую работу. Детей приводили в 7–7 ½ часов утра и забирали в 7 часов вечера [22, с. 1146].

В январе-июне 1916 г. кроме детей, приводимых в ясли, приют до 1 июля кормил и матерей, работавших в трудовой помощи Комитета, вычитая из их заработной платы за полное дневное продовольствие – 20 копеек с каждой женщины [24, л. 131].

Второй Комитет начал свою деятельность 11 сентября 1914 г., причем ее районом выбрал Московскую часть, как центральную, но в то же время и наиболее населенную бедным людом. Открытый на 30 детей приют-ясли (Коломенская 13, кв. 15), оказался быстро заполненным; дети призревались от 1 года до 7 лет. Гигиенические условия соблюдались самым строгим образом: детей ежедневно осматривал врач; приходя в приют, они переодевались во все приютское, гуляли группами в 10–12 человек [22, с. 1147].

Третий комитет попечительства, учрежденный 12 августа 1914 г., избрал районом своей деятельности Шлиссельбургский проспект со смежными улицами (от Александро-Невской лавры до Семянниковского завода). Дневной приют был открыт на 40 детей в возрасте от 1 года до 9 лет 20 сентября. Помещение было выбрано в наиболее центральном и удобном

месте для семей, изъявивших желание носить своих детей в ясли. Располагая минимальными средствами, дневной приют был открыт исключительно для детей запасных. Предварительно производилось подробное обследование семей запасных, проживавших в этом районе и внесение необходимой информации в опросные листы. В районе действия дневного приюта было обнаружено 130 семей запасных [23, л. 11]. Приют посещали одни и те же 36 детей: 16 мальчиков и 20 девочек. Матери приносили детей в 6 ½ часов утра и забирали их в 7 часов вечера [23, л. 12]. В течение этого времени их 4 раза кормили. Кроме самых маленьких, все ежедневно гуляли с надзирательницей. Детей моложе 6 лет занимали развивающими играми, вырезанием, лепкой, научным волшебным фонарем, пением под аккомпанемент нанятого педагогическим кружком студентов пианино [23, л. 12].

Особо интересным в организации данного дневного приюта являлся педагогический кружок студентов Психоневрологического Института, который занимался постановкой игр, лепкой и рисованием [23, л. 21]. Так, например, в июле 1915 г. была устроена экскурсия за город на ст. Поповка, Николаевской ж/д для 17 детей старшего возраста на два дня. Ребятам была организована встреча с бойскаутами, игры, прогулки в лесу и другие развлечения. Отмечалось, что большинство детей ни разу не выезжали из города и поэтому экскурсия доставила им большое удовольствие [23, л. 39].

По данным медицинской комиссии из 40 поступивших детей было отмечено 12, т. е. 30 % не имевших каких-либо заболеваний. Остальные же дети были с проявлениями рахита, анемии, исхудалости и пр. При осмотре детей зубным врачом оказалось, что у всех, за исключением одного ребенка, имелись кариозные зубы. Родителям было предложено водить детей для бесплатного пломбирования и лечения зубов к предложившему свои услуги зубному врачу, работавшему в яслях.

Обувь, галоши, шубы, перчатки и теплые чулки, выданные в яслях, оставались при отправке домой на тех детях, у кого была неудовлетворительна собственная обувь и одежда, чтобы предотвратить заболевания и простуду.

Предполагалось открытие в данном районе «Дома ребенка», включавшего консультацию для матерей грудных детей и «Ка-

плю молока» на 150 детей; ясли для 10 грудных детей; музей муляжей; приют-ясли для детей дошкольного возраста на 80–100 детей [23, л. 21]. Также при приюте-яслях предполагалось создание «показательной кухни». В качестве причины создания подобного помещения указывалось то, что многие матери совершенно не умели приготовить «даже самые элементарные кушанья для детей в период прикармливания», что очень вредно сказывалось на здоровье малышей и сводило на нет результаты правильно поставленного питания до времени прикармливания. На показательной кухне матери практически могли бы получить необходимые им сведения по приготовлению пищи для детей [23, л. 28]. Однако, созданию подобной обширной организации помешали события февраля 1917 г.

Таким образом, начиная с 29 июля 1914 г., детские убежища начали возникать во всех попечительствах. В течение одного первого месяца войны их было организовано 16. К концу первого года войны не было уже ни одного попечительства, которое не имело бы такого рода учреждений. К 1 августа 1915 г. во всех 20 попечительствах их насчитывалось 42: из них 2 приюта для постоянно живущих (в 16 попечительстве), 10 дневных убежищ с отделением для грудных детей и 10 дневных убежищ или «ясли», для детей от 1,5 лет и старше, включая даже школьный возраст. Число детей, живших в попечительских приютах, достигало к 1 августа 739 чел., а количество детей, призываемых к этому сроку в дневных убежищах и яслях составило 872 чел. (к середине ноября 1915 г. это число увеличилось до 954) [27, с. 61–62]. Общее число детей, прошедших через попечительские приюты, дневные убежища и ясли за первый год войны, составляло 4425 ребенка [27, с. 65].

Помимо яслей, организованных в попечительствах, существовали подобные формы призрения детей при других заведениях. Так, Особым Петроградским Комитетом были открыты в Трудовом Доме убежище и ясли для детей, работающих в мастерских женщин. Ясли и убежище были рассчитаны на 200 воспитанников. Сюда принимались дети в возрасте от 1 месяца до 10 лет, причем со старшими детьми занятия велись по фребелевской системе. Всего в убежище-яслях Работного Дома помещалось в 2 смены до 150 детей [30, с. 190]. Однако, ввиду небольшого числа работающих в мастерских женщин, число детей,

призреваемых в убежище достигло к 18 февраля 1915 г. всего 55 человек. Также Комитетом были открыты убежище-ясли для 50 детей воинов по Зверинской улице д. 26. 30 декабря 1914 г. начался прием детей в возрасте от 2 месяцев до 8 лет. Со времени открытия убежища-яслей по 31 января 1915 года пребывало в нем всего 852 ребенка, в среднем 23 человека ежедневно [28, с. 18].

Активно призреванием детей занимались и Городские попечительства о бедных. На 1 мая 1915 г. существовало 18 яслей и дневных убежищ, принимавших детей: 15 были учреждены с 1914 г., 1 – с 1915 г. и 2 – существовали с довоенного периода (с 1911 г.). Число призреваемых колебалось от 15 до 120 детей. Общее же количество приходящих и постоянно живших в яслях составляло 933 ребенка. Призывались в яслях и дневных приютах дети самого разного возраста: от 6 недель до 13 лет. Больше всего детей посещало ясли, находившиеся по адресу Английский проспект, д. 34 [31]. В целом, ясли были расположены во многих частях города, что значительно облегчало деятельность учреждений по призерению, созданных специально для призерения детей служащих.

Императорское Человеколюбивое Общество также открыло два дневных приюта-убежища для детей, в возрасте от 4 до 9 лет, имевшие возможность принимать до 200 детей. В этих убежищах дети могли находиться от 7 часов утра до 7 часов вечера, получая полное содержание, в том числе одежду и обувь, в случае нужды. Занятия с детьми велись по программе детских садов (учреждений, ориентированных более на социализацию ребенка, чем на его призерение) [32, с. 7]. Открытием яслей занимались и частные лица. Так, владельцы Аквариума в Петрограде устроили ясли в помещении «Ледяного Дворца» [33, с. 233].

Важнейшим вопросом в деле призерения детей, начиная с 1915 г. стала необходимость призерения детей беженцев. В 1915–1916 гг. было открыто три учреждения детской помощи, не считая летних, одним из которых были ясли-приют при 15 попечительстве [34, с. 252].

С течением войны принимались решения о недостаточности открытия яслей исключительно с дневной формой пребывания. 20-го января 1916 г. 15 городским попечительством был открыт приют-ясли для детей от 6 месяцев до 3 лет. В этих яслях все дети находились постоянно. Такой вариант был принят по не-

скольким причинам: 1) если ясли ставили своей целью брать детей для того, чтобы дать возможность матерям работать, то необходимо было брать их на полный пансион, иначе матери все-таки были связаны: заболеет ребенок, мать должна оставаться дома и, конечно, теряет работу; 2) принося детей в ясли, родители могли заносить вместе с ними и заразные болезни, так как родители никогда не заявляли о болезни в их доме; 3) часто ясли открывались позже, чем родители уходили на работу и потому для них становилось «очень большим затруднением вовремя отправить детей в ясли»; 4) имело значение и «успокоительное действие яслей»: дети привыкали к окружающим их лицам, и к порядкам, заведенным в приюте. Режим дня в подобных приютах-яслях выглядел следующим образом: дети вставали в 7 часов утра, в 8 пили молоко с ситным хлебом, в половину 12-го завтракали (каша с молоком, макароны, яйца), с 12 до 2 спали; с половины 3 до 4 гуляли в саду; в 4 часа – обедали (суп и каша); в половину 7 вечера ели кашу с молоком (киселем или компотом), и ложились спать [35, с. 57].

Однако, несмотря на всю пользу и облегчение, которые приносили ясли для матерей, число посещений сильно колебалось изо дня в день и из месяца в месяц. Это было связано с рядом обстоятельств: у некоторых детей не было теплой одежды и в сильные холода их приходилось оставлять дома; грудных вообще обычно не приносили в большие морозы. Дальность расстояния также играла большую роль в количестве посещений. Некоторые матери из-за отдаленности яслей от дома совсем переставали водить туда детей. Отъезды, переезды, вообще разные перемены в домашней жизни давали довольно большой процент детей, пробывших в убежище лишь недолгое время и затем покинувших его. Ввиду всего этого число детей, прошедших через то или иное убежище за год, повсюду несравненно выше числа детей, посещающих убежище в любой данный день. Так, в яслях для грудных 4 попечительства на 1 августа 1915 г. значилось 10 детей, а годовая цифра посещений составляла 68 детей [27, с. 64].

Обсуждение и выводы

Таким образом, названия учреждений для дневного призрения детей были весьма разнообразны: ясли, дневное убежище,

детский очаг; но все они, как и приюты, были весьма сходны по своему внутреннему распорядку. Различие между ними состояло в том, что в ясли брали и грудных младенцев, хотя наряду с этим призревались и дети до 13 лет, тогда как в убежищах и очагах были дети не младше 2 лет, т. е. уже имеющие долю самостоятельности. Приюты же предназначались для постоянного пребывания. Однако и в яслях и убежищах подчас оказывались постоянно живущие дети, но в небольшом числе и притом в исключительных случаях – когда они оказывались круглыми сиротами, или если мать находилась в больнице или пока шло разбирательство об устройстве их в постоянный приют.

Главным назначением организованных в годы Первой мировой войны в Петрограде яслей было дать ребенку на время отсутствия матери, ушедшей на работу, надлежащий присмотр, уход, питание и воспитание, а в случае надобности оставить его на ночь. Открытие яслей стало одной из попыток обеспечить заботу и поддержку детям в трудные времена войны. Однако, необходимо отметить, что доступ к яслям был ограничен и не достигал всех нуждающихся семей, особенно находившихся в крайней бедности или живших в отдаленных районах.

Список литературы

1. Микиртчян Г. Л. Организация помощи детям в годы первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. – 2014. – Т. 17. № 4. – С. 61–64. EDN: SKDDIH
2. Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. – Петроград: Тип. В. Безобразов и Ко, 1917. 110 с.
3. Букалова С. В. Развитие системы детского призрения в годы I мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. – 2023. – № 1(55). – С. 27–37. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-27-37. EDN: SPBUAS
4. Чубаров А. И., Щербинин П. П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. № 188. – С. 195–202. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202. EDN: VIDSKF
5. Чубаров А. И. Столица и провинции: призрение детей нижних чинов в эпоху Первой мировой войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 275–285. DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-6-275-285. EDN: ZPKXZQ
6. Баева Е. П., Иванова Н. М. Благотворительные комитеты и Первая Мировая война // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного

университета информационных технологий, механики и оптики. – 2006. – № 24. – С. 48–52. EDN: JUFJTR

7. Бобровников В. Г. Благотворительная деятельность комитета Елисаветы Федоровны и Романовского комитета в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3–3(9). – С. 20–22. EDN: OIGTHF

8. Фомичев И. В. Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2015. – № 25. – С. 196–199. EDN: UUYHUN

9. Бобровников В. Г. Вклад Императорского Человеколюбивого общества в развитие общественного призрения (1816–1917 гг.) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: материалы XVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2005 года / под ред. С. Н. Полторака. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. – Т. 1. – С. 81–84. EDN: WMTVGT

10. Микиртичан Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2014. – № 1. – С. 260–274. EDN: SBTUQP

11. Мицюк Н. А. Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 1. – С. 86–100. EDN: VYVQUB

12. Микиртичан Г. Л. К 100-летию начала первой мировой войны. Влияние войны на показатели здоровья детей // Проблемы городского здравоохранения: сборник научных трудов / под ред. Н. И. Вишнякова. – СПб.: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг», 2014. – Вып. 19. – С. 366–372. EDN: XVVDPN

13. Микиртичан Г. Л. Показатели здоровья и помощь детям в годы Первой Мировой войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2014. – № S1. – С. 143–145. EDN: UDWMNJ

14. Щербинин П. П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: монография. Тамбов: б. и., 2015. 256 с. EDN: TCRXKU

15. Васильева М. А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы Первой мировой войны в Оренбургской губернии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 2. – С. 472–487. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-6. EDN: TTMMYX

16. Кайдышева Н. Н. Организация помощи детям в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 4. – С. 43–55. EDN: ULGJTT

17. Шикунова И. А., Щербинин П. П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25, № 184. – С. 136–145. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-184-136-145. EDN: MVZRDJ

18. Попечительство об охране материнства и младенчества и его задачи // Призрение и благотворительность в России. – 1914. – № 1–2. – С. 55–67.

19. Вопрос об охране материнства и борьбе с детской смертностью в Высочайше учрежденной междудеPARTMENTальной комиссии по пересмотру врачебно-

санитарного законодательства // Призрение и благотворительность в России. – 1914. – № 3–4. – С. 311–318.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 767. Оп. 1. Д. 95.

21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 1. Д. 683.

22. Щеглова Л. В. О деятельности Петроградских городских попечительств // Призрение и благотворительность в России. – 1914. – № 8–9–10. – С. 997–1047.

23. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 44.

24. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 42.

25. РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 416.

26. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 6–7. – С. 427–448.

27. Гуревич Л. Я. Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. Петроград: тип. О-ва распр религ. нравственности, 1915. 107 с.

28. Из отчета 19-го городского попечительства // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 1–2. – С. 68–72.

29. Хроника. Благотворительность в России // Трудовая помощь. – 1914. – № 7. – С. 189–198.

30. Хроника. Благотворительность в России // Трудовая помощь. – 1915. – № 2. – С. 185–198.

31. Список учреждений Городских Попечительств о бедных, оказывающих помощь детям по 1 мая 1915 года // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 5. – С. 332.

32. Отчет о действиях и суммах Человеколюбивого общества ... СПб.: б. и., 1842–1915. 96 с.

33. Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. – 1914. – № 8. – С. 221–245.

34. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. – 1916. – № 7. – С. 241–332.

35. Падучев В. П. Помощь жертвам войны со стороны Татьянинского Комитета // Призрение и благотворительность в России. – 1916. – № 1–2. – С. 83–99.

Nurseries and Day Shelters in Petrograd During the First World War (1914–1916)

Tamara V. Volgina

The article examines a unique form of social care for children in Petrograd during the First World War – nurseries and day shelters. Based on a wide range of sources, the paper analyzes their role and significance in providing care for children during the difficult war period. Attention is drawn to the fact that nurseries and day shelters in Petrograd during 1914–1916 made life easier for those parents, who had to work and/or serve at the front. It is revealed that these institutions, run by various organizations and charitable soci-

eties, provided children not only with shelter, but also with food, medical care, health care and the possibility of minimal socialization. It is emphasized that these institutions met the needs of different categories of children, including children of refugees, workers and the homeless. The article provides important information about how the First World War affected the child care system as a whole.

Key words: teacher, financial situation, love for children, education, Russian Empire.

For citation: Volgina, T. V. (2024). Yasli i dnevnye priyuty v Petrograde v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1916 gg.) [Nurseries and Day Shelters in Petrograd During the First World War (1914–1916)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life], No. 1. Pp. 75–95. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO

References

1. Mikirtichan, G. L. (2014) *Organizaciya pomoshchi detyam v gody pervoj mirovoj vojny* [The organization of health care for children in the years of the First World War]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal* [The Russian Pediatric Journal], Vol. 17. No. 4. Pp. 61–64. (In Russ.). EDN: SKDDIH
2. (1917) *Kratkij otchet o deyatelnosti Vserossijskogo popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva za 1916 god* [A brief report on the activities of the All-Russian Guardianship for the Protection of Motherhood and Infancy in 1916]. Petrograd: Tip. V. Bezobrazov i Ko. (In Russ.)
3. Bukalova, S.V. (2023) *Razvitie sistemy detskogo prizreniya v gody I mirovoj vojny* [Development of the children's charity system during the World War I]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], No. 1 (55). Pp. 27–37. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-27-37. EDN: SPBUAS
4. Chubarov, A. I., Scherbinin, P. P. (2020) *Social'noe prizrenie detej vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [Social charity of children during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. Vol. 25. No. 188. Pp. 195–202. (In Russ.). DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202. EDN: VIDSKF
5. Chubarov, A. I. (2021) *Stolica i provincii: prizrenie detej nizhnih chinov v epohu Pervoj mirovoj vojny* [Capital and Provinces: the Vision of Children of the Lower Ranks in the Era of the First World War]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law]. Vol. 11. No. 6. Pp. 275–285. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-6-275-285. EDN: ZPKXZQ
6. Baeva, E. P. Ivanova, N. M. (2006) *Blagotvoritel'nye komitety i Pervaya Mirovaya vojna* [Charity Committees and the First World War]. *Nauchno-tehnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics]. No. 24. Pp. 48–52. (In Russ.). EDN: JUFJTR
7. Bobrovnikov, V. G. (2011) *Blagotvoritel'naya deyatelnost' komiteta Elisavety Fedorovny i Romanovskogo komiteta v gody Pervoj mirovoj vojny* [Elizaveta Fedorovna and the Romanovs' committees charity during First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 3–3 (9). Pp. 20–22. (In Russ.). EDN: OIGTHF

8. Fomichev, I. V. (2015) *Blagotvoritel'naya pomoshch' detyam-bezhencam i detyam-sirotam v gody Pervoj mirovoj vojny* [Charitable assistance to refugee and orphaned children during the First World War]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities]. No. 25. Pp. 196–199. (In Russ.). EDN: UUYHUN

9. Bobrovnikov, V. G. (2005) *Vklad Imperatorskogo CHelovekolyubivogo obshchestva v razvitie obshchestvennogo prizreniya (1816–1917 gg.)* [The contribution of the Imperial Humane Society to the development of public charity (1816–1917)]. *Istoricheskaya pamyat' i social'naya stratifikaciya. Sociokul'turnyj aspekt* [Historical memory and social stratification. Sociocultural aspect]. Proceedings of the XVII International Scientific Conference, St. Petersburg, May 16–17, 2005. Ed. S. N. Poltorak. St. Petersburg: Nestor. Vol. 1. Pp. 81–84. (In Russ.). EDN: WMTVGT

10. Mikirtichan, G. L. (2014). *K 100-letiyu so dnya osnovaniya Vserossijskogo popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva* [On the occasion of centenary of foundation the all-Russian motherhood and infancy charity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Medicina* [Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine]. No. 1. Pp. 260–274. (In Russ.). EDN: SBTUQP

11. Mitsyuk, N. A. (2016) *Ohrana materinstva i mladenchestva v Rossii v usloviyah Pervoj mirovoj vojny* [The protection of motherhood and infancy in Russia in the World War I]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Herald of Tver State University. Series: History]. No. 1. Pp. 86–100. (In Russ.). EDN: VYWQUB

12. Mikirtichan, G. L. (2014) *K 100-letiyu nachala pervoj mirovoj vojny. Vliyanie vojny na pokazateli zdorov'ya detej* [On the 100th anniversary of the outbreak of the First World War. The impact of war on children's health indicators]. *Problemy gorodskogo zdravoohraneniya: sbornik nauchnyh trudov* [Problems of urban health care: a collection of scientific papers]. Ed. N. I. Vishniakov. St. Petersburg: OOO «Pervyj izdatel'sko-poli-graficheskij holding». No. 19. Pp. 366–372. (In Russ.). EDN: XVVDPN

13. Mikirtichan, G. L. (2014) *Pokazateli zdorov'ya i pomoshch' detyam v gody Pervoj mirovoj vojny* [Health indicators and assistance to children during the First World War]. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko* [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health]. No. S1. Pp. 143–145. (In Russ.). EDN: UDWMNJ

14. Scherbinin, P. P. (2015) *Detskaya povsednevnost' v period pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg.: monografiya* [Children's daily life during the First World War 1914–1918: monograph]. Tambov: b.i. (In Russ.). EDN: TCRXKU

15. Vasilieva, M. A. (2015) *Social'naya pomoshch' sirotam i detyam, ostavshimsya bez popecheniya roditel'ev, v gody Pervoj mirovoj vojny v Orenburgskoj gubernii* [Social assistance to orphans and children left without parental care, during the First World War in the Orenburg province]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern Studies of Social Issues]. No. 2. Pp. 472–487. (In Russ.). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-6. EDN: TTMMYX

16. Kaidysheva, N. N. (2021) *Organizaciya pomoshchi detyam v Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Organization of child support in perm province during the First World War]. *Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya* [Scientific Notes of the NTSSPI. Series: History and Philology]. No. 4. Pp. 43–55. (In Russ.). EDN: ULGJTT

17. Shikunova, I. A., Shcherbinin, P. P. (2020) *Yasli-priyuty kak osobaya forma sot-sial'nogo popecheniya v Tambovskoj gubernii v nachale XX veka* [Nurseries as a special

form of social care in the Tambov Governorate in the early 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. Vol. 25. No. 184. Pp. 136–145. (In Russ.). DOI 10.20310/1810–0201–2020–25–184–136–14

18. (1914) *Popechitel'stvo ob ohrane materinstva i mladenchestva i ego zadachi* [Guardianship for the protection of motherhood and infancy and its tasks]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 1–2. Pp. 55–67. (In Russ.).

19. *Vopros ob ohrane materinstva i bor'be s detskoj smertnost'yu v Vysochajshe uchrezhdennoj mezhdudevomstvennoj komissii po peresmotru vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva* [The issue of maternity protection and the fight against child mortality in the Highly established interdepartmental commission for the revision of medical and sanitary legislation]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. 1914. No. 3–4. Pp. 311–318. (In Russ.).

20. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive (hereinafter – RGIA)]. F. 767. Op. 1. D. 95.

21. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg (hereinafter – TsGIA SPb)]. F. 8. Op. 1. D. 683.

22. Shcheglova, L. V. (1914). *O deyatelnosti Petrogradskih gorodskih popechitel'stv* [On the activities of the Petrograd City Trustees]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 8–9–10. Pp. 997–1047. (In Russ.).

23. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 44.

24. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 42.

25. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 416.

26. *Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv* [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. 1915. No. 6–7. Pp. 427–448. (In Russ.).

27. Gurevich, L. YA. (1915) *Obzor deyatelnosti gorodskih popechitel'stv o bednyh za pervyj god vojny 1914–1915* [An overview of the activities of the city's poor wards in the first year of the war 1914–1915]. Petrograd: tip. O-va raspr relig. npravstvennosti. (In Russ.).

28. (1915) *Iz otcheta 19-go gorodskogo popechitel'stva* [From the report of the 19th City Trusteeship]. No. 1–2. Pp. 68–72. (In Russ.).

29. (1914) *Hronika. Blagotvoritel'nost' v Rossii* [The chronicle. Charity in Russia]. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. No. 7. Pp. 189–198. (In Russ.).

30. (1915) *Hronika. Blagotvoritel'nost' v Rossii* [The chronicle. Charity in Russia]. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. No. 2. Pp. 185–198. (In Russ.).

31. (1915) *Spisok uchrezhdenij Gorodskih Popechitel'stv o bednyh, okazyvayushchih pomoshch' detyam po 1 maya 1915 goda* [List of City Poor Care Institutions providing assistance to children by May 1, 1915]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 5. P. 332. (In Russ.).

32. (1842–1915) *Otchet o dejstviyah i summah CHelovekolyubivogo obshchestva ...* [A report on the actions and amounts of a Humane Society ...]. St. Petersburg: b.i. (In Russ.).

33. (1914) *Pomoshch' sem'yam zapasnyh i ratnikov* [Assistance to families of spare and warriors]. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. No. 8. Pp. 221–245. (In Russ.).

34. (1916) *Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv* [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 7. Pp. 241–332. (In Russ.).

35. Paduchev, V. P. (1916) *Pomoshch' zhertvam vojny so storony Tat'yaninskogo Komite-ta* [Assistance to war victims by the Tatiana Committee]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 1–2. Pp. 83–99. (In Russ.).

Об авторе

Волгина Тамара Владиславовна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: leron97@mail.ru; ORCID ID: 0009–0009–3627–4007

About the author

Volgina Tamara V., Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: leron97@mail.ru; ORCID ID: 0009–0009–3627–4007

*Статья поступила в редакцию 26.12.2023
Одобрена после рецензирования 14.02.2024
Принята к публикации 19.02.2024*

Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны

С. А. Власов

В статье на основе материалов Государственного архива Хабаровского края, вводимых в научный оборот впервые, исследована повседневная жизнь учащихся и выпускников школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ в годы Великой Отечественной войны. Изучен процесс комплектования состава учащихся, который проводился в виде мобилизации. Установлено, что в условиях острого дефицита рабочих кадров, мобилизация была вынужденной мерой пополнения училищ и школ фабрично-заводского обучения, и проводилась несколько раз в течение года. Проведен анализ жилищно-бытовых условий учащихся и выпускников системы трудовых резервов, обеспечение их питанием, одеждой и обувью, организация досуга. Выявлены негативные факты недоработок, халатного отношения и открытого пренебрежения со стороны некоторых должностных лиц, ответственных за быт, обучение, производственную деятельность и досуг юношей и девушек. В заключении сделан вывод, что несмотря на тяжелую повседневную жизнь, молодежь Хабаровского края, прошедшая подготовку в школах фабрично-заводского обучения и училищах, внесла достойный трудовой вклад в победу нашей страны в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: трудовые резервы, мобилизация, производственная дисциплина, бараки-общезития, общественное питание, обеспечение одеждой и обувью, досуг.

Для цитирования: Власов С. А. Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 96–112. DOI 10.35231/25422375_2024_1_96. EDN: PGFLTG

Введение

Тема Великой Отечественной войны на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание историков, за прошедшие годы опубликовано множество книг и статей. Историография войны обширна: такие сюжеты, как подготовка и проведение боевых операций, трудовой подвиг советских людей в тылу, деятельность партийно-государственных органов и общественных организаций по укреплению обороноспособности и экономики, движение по оказанию помощи фронту и ряд других получили достаточно глубокое освещение. Однако ряд проблем, связанных с войной, исследован недостаточно, к их числу относится тема повседневной жизни учащихся и выпускников школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖУ). В отечественной историографии нет ни одной статьи, специально посвященной указанной проблеме. Советские историки, исследующие развитие системы трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны, сосредоточились на таких аспектах как расширение сети училищ, совершенствование учебного процесса, роли партийного и комсомольского руководства в подготовке молодых рабочих кадров. Из проблематики повседневности была затронута лишь трудовая, производственная повседневность и все авторы отмечали трудовой героизм и патриотизм воспитанников училищ и школ ФЗО [1–4]. Проблемы быта и досуга ими не изучались. В постсоветской историографии также нет работ, специально исследующих повседневность военного времени. Публикаций по подготовке рабочих кадров выходило достаточно много, нет необходимости отмечать все, укажем лишь наиболее интересные, но даже в них повседневность учащихся и выпускников системы трудовых резервов рассмотрена косвенно, фрагментарно, как сопутствующая изучению других [5–11]. По этой причине автор поставил цель – исследовать повседневную жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот. Исходя из поставленной цели, в статье решались следующие задачи:

- исследована мобилизационная практика по проведению комплектования кадрового состава учащихся школ ФЗО, РУ и ЖУ;

- изучен процесс адаптации и интеграции выпускников системы трудовых резервов в производственные коллективы;
- дана характеристика бытовой повседневности учащихся – обеспечение их жильём, питанием, одеждой и обувью, организация досуга.

В ходе работы над статьей использовались традиционные для исторической науки методы. В частности, системный метод обусловил соответствующее построение исследования, дал возможность рассмотреть различные аспекты повседневности, провести последовательный анализ её основных составляющих – учебную и трудовую деятельность, быт, досуг. Синхронистический метод применялся для установления связей между одновременными явлениями, его назначение в выявлении существенных и несущественных факторов повседневности. Статистический метод дал возможность путём сопоставления, обобщения цифрового материала выявить количественные характеристики набора учащихся, динамику нарушений трудовой дисциплины и другие аспекты повседневности.

Статья написана на документальных материалах, выявленных в Государственном архиве Хабаровского края в ходе работы с фондами: П-35 – Хабаровского краевого комитета Коммунистической партии РСФСР и Р-137 – Исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов. Частично использовались документы Государственного архива Приморского края.

Результаты

Система по созданию трудовых резервов стала формироваться еще в довоенное время на основе Указа Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. С этого времени профессиональное обучение для молодежи перестало быть добровольным, вводилась ежегодная мобилизация лиц мужского пола 14–16 лет для обучения в ФЗО, РУ и ЖУ. Создание училищ трудовых ресурсов проходило в то время, когда уже шла Вторая мировая война и было очевидно, что СССР рано или поздно будет вынужден вступить в неё, поэтому задача подготовки кадров для наращивания военного потенциала страны стала для государства одно из первостепенных.

С началом Великой Отечественной войны произошли изменения в продолжительности обучения и учебных программах.

Сроки обучения сократились в училищах с двух лет до одного года, а в школах ФЗО – с шести до четырех месяцев. В учебных программах основной упор был сделан на овладение практическими навыками, основную часть учебного времени учащиеся проводили в мастерских и на производстве, в цехах предприятий.

Изменилось также комплектование. В довоенное время мобилизация проходила летом, после окончания учебного года, с началом войны она стало проводиться чаще: два-три, иногда и четыре раза в год. Внесенные коррективы соответствовали условиям военного времени и позволили в короткие сроки перевести систему трудовых резервов на военный режим [5, с. 44].

Первый военный призыв в Хабаровском крае проходил в июле 1941 г. Согласно разнарядке, необходимо было мобилизовать 4 750 чел. [12, л. 9]. Практически все призванные писали заявления «о добровольном» поступлении в училища. Однако, наряду с добровольной подачей заявлений имелись случаи, когда отдельные родители не хотели отпускать своих детей в школы ФЗО, РУ и ЖУ [13, л. 3].

Но в целом на протяжении 1941 г. и начала 1942 г. мобилизация, комплектование и формирование контингента учащихся проходили бесппроблемно в нормальном режиме. К весне 1942 г. в системе трудовых резервов Хабаровского края было подготовлено и направлено на производство 7 114 чел., окончивших школы ФЗО, РУ и ЖУ [14, л. 1]. В дальнейшем в организации и проведении мобилизаций стали появляться сложности, связанные с нехваткой контингента призывников. Основной резерв трудоспособной городской молодежи, за счет которой в основном пополнялись учащиеся, постепенно истощался, поэтому призывать стали сельскую молодежь, возросла численность девушек. Кроме того, привлекали стали мелких правонарушителей, беспризорников, что ухудшило качественный состав учащихся и только добавило аргументов некоторым родителям, не желавшим отпускать своих детей на учебу в систему трудовых резервов, где по, их мнению, дети оказывались под влиянием двоечников и хулиганов.

Отметим, что практика пополнения училищ за счет беспризорников, подростков из детских домов и колоний имела место и в других регионах [7, с. 128], в частности, в соседнем Приморском крае [15, л. 20].

Нередко во время призывной кампании в районы выезжали работники краевого Управления трудовых резервов, директора и преподаватели училищ, работники крайкома ВЛКСМ, которые проводили на местах агитационно-пропагандистскую работу, убеждая подростков и их родителей поступать на учебу в школы ФЗО, РУ и ЖУ [16, л. 43–44].

В конце 1943 г. в Хабаровском крае в 36 школах ФЗО, РУ и ЖУ обучалось более 12 тыс. чел. С момента издания указа о создании системы трудовых резервов (октябрь 1940 г.) в крае было обучено и направлено на производство 35 523 чел. в возрасте от 14 до 17 лет [17, л. 46].

В 1944 г. и начале 1945 г., несмотря на проблемы и трудности с пополнением состава учащихся, мобилизация осуществлялась в прежнем режиме, и система по подготовке кадров для промышленности, транспорта и строительных организаций края продолжала работать.

Большинство училищ формировались непосредственно при заводах, где готовились нужные для них кадры и куда после их окончания направлялись выпускники (они обязаны были отработать четыре года), но некоторые создавались автономно, отдельно и готовили рабочих для разных предприятий и организаций. Практически у всех выпускников процесс адаптации и интеграции в производственные коллективы проходил сложно – сказывался возраст, нехватка жизненного опыта, низкая квалификация и т. д.

Адаптация проходила успешно там, где администрация проявляла терпение, заботу и внимание к молодым рабочим. Примером рационального отношения к молодым кадрам – воспитанникам системы трудовых резервов может служить администрация авиационного завода в Комсомольске-на-Амуре. К 1 октября 1941 г. на завод приняли из школы ФЗО и РУ 573 чел. [18, л. 42], а к 1 июля 1942 г. численность выпускников из системы трудовых резервов достигла 1 351 чел. [14, л. 10]. Столь существенное пополнение молодыми кадрами не способствовало выполнению плановых заданий, поскольку они имели слабую теоретическую и практическую подготовку. В четвертом квартале 1941 г. и первом квартале 1942 г. среди молодых рабочих был довольно высокий процент невыполнения норм выработки. Для того, чтобы разобраться в причинах подобного явления

и помочь ребятам в адаптации на производстве, дирекцией завода в октябре-ноябре 1941 г. были проведены совещания производственных мастеров с представителями РУ и ФЗО, создана комиссия по обследованию использования молодых рабочих, после чего был принят ряд мер, способствовавших росту квалификации и повышению производительности труда среди молодых рабочих. В частности, к наиболее недисциплинированным и малоквалифицированным подросткам были прикреплены для индивидуальной работы 150 квалифицированных рабочих. Помимо этого, коммунальным отделом завода были предприняты меры по улучшению бытовых условий молодых рабочих – сделан ремонт в общежитиях, их обеспечили обувью и нательным бельём [14, л. 10].

Все эти меры дали результат – к 1 июля 1942 г. основная масса молодых рабочих завода работала самостоятельно, выполняла производственные нормы, только 72 чел. не справлялись с ними и 34 чел. считались учениками, т. е. не освоившими еще своей профессии и работали на ученической сетке [14, л. 10–12]. Среди бывших учащихся школ ФЗО и РУ были стахановцы, которые давали от 200 до 300 % норм выработки и зарабатывали в месяц до 1200 руб. Это клепальщики А. И. Бочериков и В. С. Глазунов, жестянщик А. М. Соловьев, слесари И. И. Жигулин и М. И. Подлинов, электромонтер П. И. Сизов [14, л. 17].

На тех предприятиях, где к выпускникам системы трудовых резервов относились не столь внимательно, как на авиационном заводе, ситуация была иной. В тресте «Бурейшахтстрой» в июне 1942 г. ни один из молодых рабочих не дал более 70 % нормы [19, л. 140]. В Хабаровске на заводе им. Горького в среднем ежемесячно 100 чел. не выполняли норм, их производительность составляла около 81 %. Таким образом, за 10 месяцев 1942 г. завод потерял 42500 человеко-часов, что привело к сокращению выпуска готовой продукции. По данным на октябрь 1942 г. только по восьми крупнейшим промышленным предприятиям Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре почти 1 тыс. чел. молодых рабочих не выполнили производственных норм. Основной причиной являлась слабая профессионально-техническая подготовка [20, л. 81].

Для целого ряда руководителей предприятий учащиеся и выпускники системы трудовых резервов являлись бесправной,

низкоквалифицированной рабочей силой, которой можно было распоряжаться, как угодно. Их использовали в качестве грузчиков, на сельскохозяйственных работах в подсобных хозяйствах, заготовках рыбы и дикоросов на зиму и т. д., как это практиковалось на судостроительном заводе в Комсомольске-на-Амуре [21, л. 20] и ряде других предприятий.

Еще одним примером может служить ситуация с молодыми рабочими в тресте «Райчихуголь». Там по итогам проверки, проведенной в августе 1942 г., были вскрыты многочисленные факты, использования выпускников школ ФЗО и РУ не по специальности. Прежде всего, было выявлено, что из 829 молодых рабочих 352 использовались не на основном производстве – шахтах и угольных разрезах, а на различных вспомогательных работах: строительстве овощехранилищ, в коммунальном хозяйстве, сельскохозяйственных работах и т. д. [14, л. 32]. Для тех, кто работал по специальности, нормы выработки были непосильны. В силу физической слабости, низкокалорийного питания, они были не способны за смену ручным способом вырубить, нагрузить в вагонетки и откатить требуемый объем угля [14, л. 38]. Как результат – низкие заработки, незаинтересованность в работе, многочисленные прогулы и дезертирство с производства.

В этом тресте из общего числа прогулов в количестве 953, молодые рабочих совершили 839, но в суд были переданы дела только 271 чел., поскольку предпосылки для правонарушений вытекали из действий самой администрации, не создавшей для бывших учащихся школ ФЗО и РУ нормальных производственных и бытовых условий [14, л. 41].

Нарушения трудовой дисциплины: прогулы, самовольный уход с работы, отказы выполнять распоряжения администрации – все эти факты имели место в повседневной жизни учащихся и выпускников системы трудовых резервов на протяжении всех военных лет. Во многом эти негативные явления были следствием тех трудностей, с которыми столкнулись подростки – непосильными производственными нормами; плохими бытовыми условиями; некачественным, низкокалорийным питанием; отсутствием одежды и обуви. Все эти факторы вели к тому, что некоторые учащиеся не выдерживали тяжелых условий и убегали из учебных заведений и производства, становились дезертирами согласно существующему законодательству

военного времени. Еще до войны, 26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, согласно которому за прогул без уважительной причины, самовольный уход с предприятия, из учреждения предусматривалась уголовная ответственность. 26 декабря 1941 г. был принят новый указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по которому самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность, рассматривался как преступление – дезертирство, влекущее более высокую ответственность по сравнению с ответственностью, предусмотренной указом от 26 июня 1940 г. Лица, виновные в самовольном уходе (дезертирстве), карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет¹. Все эти законодательные меры распространялись и на выпускников системы трудовых резервов, хотя в отдельных случаях администрация предприятий «прощала» молодых нарушителей и не передавала дела в суд, боролась с правонарушителями не только репрессивными методами, но и вела силами партийно-комсомольских организаций разъяснительную, агитационно-пропагандистскую работу. Тем не менее, число правонарушений, совершенных молодыми рабочими, было значительным.

По итогам 1942 г. за нарушения трудовой дисциплины были осуждены: на авиационном заводе в Комсомольске-на-Амуре 154 молодых рабочих, на хабаровских заводах им. Молотова и им. Кирова – соответственно 129 и 252 чел. бывших выпускников системы трудовых резервов. В Сахалинской области из 373 чел. учащихся двух выпусков Мгачинской школы ФЗО 53 чел. были осуждены за нарушение трудовой дисциплины [20, л. 81]. За 1943 г. число побегов по Хабаровскому краю из РУ составило 315 чел., школ ФЗО – 276 чел., ЖУ – 49 чел. [22, л. 7].

Статистика побегов не сократилась и в последующие годы. Так, за 1944 г. и часть 1943 г. в Райчихинск на разные предприятия города поступило 1 640 чел. окончивших школы ФЗО и РУ, на 1 января 1945 г. из этого количества осталось всего 460 чел.,

¹ Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятия. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/24361> (дата обращения: 23.01.2024).

остальные молодые рабочие из-за плохих производственных и жилищно-бытовых условий разбежались [23, л. 54]. По краю за 1944 г. и четыре месяца 1945 г. из РУ и ФЗО (без учета железнодорожных училищ) самовольно ушло 592 чел. По оценке краевого руководства, такое неблагоприятное положение с сохранением контингента учащихся было вызвано неудовлетворительным состоянием производственного, теоретического обучения, жилищно-бытовых условий и политико-воспитательной работы в ряде РУ и ФЗО [24, л. 24].

Случаев дезертирства из-за производственных конфликтов (использование не по специальности, частых переводов с одного цеха или участка на другой, необеспеченности инструментами и оборудованием, отсутствием помощи со стороны квалифицированных рабочих) было немного, основной причиной побегов являлись крайне неблагоприятные жилищно-бытовые условия, в том числе плохое питание.

Во время учебы учащиеся находились на государственном обеспечении, их должны были обеспечивать форменным обмундированием, общежитием и трехразовым питанием. По всем этим аспектам имели место недоработки. Не все учащиеся обеспечивались полным комплектом обмундирования (верхняя одежда, нательное бельё, обувь). Имели место проблемы с питанием, что было вызвано хищением продуктов работниками столовых, следствием чего было скудное, однообразное питание учащихся, фактически их полуголодное существование.

В мае 1942 г. Хабаровский горисполком на своем заседании рассмотрел вопрос о питании учащихся школ ФЗО и РУ. Было установлено, что в некоторых столовых учащиеся недополучали нужное количество продуктов, часть продуктов расхищалась, расходовалась на питание работников столовых и администрацию училищ. В практике работы столовых имели место случаи обмера и обсчета.

Так, в столовой № 4 завода им. Молотова для учащихся РУ было получено жиров 1 730 кг, на питание учащихся израсходовано 946 кг, крупы получено 3 320 кг, израсходовано 1 762 кг. Такое же положение было и в столовой № 2 завода им. Кагановича. В 1-м квартале 1942 г. для школы ФЗО получили 2 056 кг мяса, израсходовали 1 301 кг, жиров получили 2 031 кг, израсходовали 695 кг. Примерно также было и с другими продуктами.

Тем самым не соблюдалась установленная правительством дневная норма по стоимости питания на одного учащегося РУ – 6 руб. и ФЗО – 7 руб. 50 коп. В марте 1942 г. в столовой № 4 она составили 3 руб. 60 коп., в столовой № 2–5 руб. 58 коп. Факты снижения норм питания имели место и в других столовых. Горисполкомом было принято решение о привлечении к судебной ответственности директоров столовых, допустивших нарушения в питании учащихся [25, л. 128].

Отдельные директора училищ были вынуждены обращаться за помощью к краевым властям, т. к. своими силами не могли обеспечить учащихся полноценным питанием. Например, весной 1944 г. директор школы ФЗО № 22 пос. Суражевка Мусиенко обратился с письмом к секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) Гаврилову, где просил оказать помощь в поставках продуктов, поскольку учащихся всю зиму кормили рассольником из помидоров и крупами, не было даже картофеля и капусты [22, л. 17].

Объективности ради отметим, что постоянное недоедание в силу малого количества и низкой калорийности потребляемой пищи являлось приметой повседневности для всех групп населения (за редким исключением). Исследования, проведенные на архивных материалах других регионов, свидетельствуют, что плохое, низкокалорийное, однообразное питание учащихся системы трудовых резервов было повсеместным [8, с. 187; 9, с. 120]. Некачественное питание отрицательно влияло на производительность труда и здоровье учащихся.

Одним из аспектов повседневности являются жилищно-бытовые условия. На протяжении всех военных лет они у выпускников и учащихся системы трудовых резервов, за редкими исключениями, были исключительно тяжелыми.

В числе предприятий, где для молодых рабочих не создали элементарных жилищно-бытовых условий, был трест «Райчихуголь». В общежитиях треста было грязно, холодно, не хватало постельных принадлежностей. Вот фрагмент из докладной записки после проверки, проведенной там в августе 1942 г. «Мы застали молодых рабочих, лежащих в разобранных постелях грязными, не мывшимися в бане после работы. На стенах лежала слои пыли, вода для питья в бачках не кипяченая, кружек нет. Грязная, никогда не стираная спецодежда висела тут же в комнатах. В одной комнате имелось много клопов. <...>

Общежитие молодых рабочих – это барак на 50–70 чел., часть окон выбита, двери не запираются, и молодые рабочие уходят на работу, бросая свои вещи на произвол судьбы. Пол грязный, матрацев почти ни у кого нет, одеяла, простыни и подушки так же отсутствуют, и молодые рабочие спят в одежде на голых досках, вид у этих людей грязный» [14, л. 41–42].

Весной 1942 г. корреспондент Хабаровского отделения ТАСС К. М. Кацнельсон побывал в школе ФЗО треста «Бурейшахтстрой». По итогам поездки он составил докладную записку на имя секретаря Хабаровского крайкома по угольной промышленности, где описывал повседневный быт учащихся. «Бытовые условия учащихся ФЗО очень плохие. Вода находится за несколько километров, но для её доставки у ФЗО нет транспорта, такое же положение с дровами. По заявлениям директора ФЗО, шахтоуправление давало транспорт для того, чтобы привозить 15–20 ведер воды в сутки, тогда как на 400 чел. нужно не менее 400 ведер, чтобы дать возможность учащимся вернувшимся из шахт хорошо умыться. Баня ФЗО не построена и ребята имеют возможность мыться только раз в 10 дней в бане БурЛАГа. Ребята не моются по целым неделям и ходят черные в угольной пыли, отчего грязнятся постель и вся одежда. Почти все ребята простужены и кашляют, т. к. многие работают в воде, не имея резиновых сапог, а по возвращению в общежитие им не всегда удается высушить мокрую обувь. ФЗО срочно нужно выделить три-четыре лошади для перевозки воды и топлива» [19; л. 148–149].

В некоторых училищах мест в общежитиях не хватало, одна койка предоставлялась двум, в то трем подросткам, как это было в РУ Благовещенска, где дети спали по двое-трое [26, л. 58]. Обыденным явлением был педикулез у большинства учащихся, грязь и низкая температура в жилых комнатах, отсутствие сушилок для одежды, бачков с кипяченной водой, кое-где не было умывальников. Но даже такими отвратительными условиями не все были обеспечены. В 1942 г. несколько десятков молодых рабочих судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре из-за необеспечения жильём одно время вынуждены были спать в цехах, у заборов завода и в канавах [19, л. 56].

В Николаевске-на-Амуре в ремесленном училище завода Наркомфлота из 294 учащихся общежитием обеспечили

только 25 чел., остальных разметили по квартирам в городе, им приходилось ходить в училище за несколько километров. Такая же ситуация была во вновь организованной в сентябре 1943 г. школе ФЗО рудника Афанасьевский. Общежития не было и учащихся разместили в подсобном хозяйстве рудника, за 4 км от производственной базы. В результате из 150 учащихся, 64 чел. сбежали и работа школы, по существу, была сорвана [27, с. 205].

В конце зимы 1944/45 г. была проведена проверка работы железнодорожного училища № 4 г. Хабаровска, в ходе которой установили факты крайне неблагоприятного положения с обучением и бытом учащихся. В течение всей зимы производственные мастерские, учебные классы и общежитие плохо отапливались, из-за отсутствия топлива занятия часто срывались, по причине низкой температуры в общежитии учащиеся были вынуждены ночевать в цехах и мастерских железнодорожного депо. По решению бюро Железнодорожного райкома ВКП(б) Хабаровска директор ЖУ № 4 Семенов и зам начальника училища по политической части Свиридов получили выговор с занесением в учетную карточку и были сняты с работы [24; л. 30–31].

Реакцией на плохие жилищно-бытовые условия были не только бегство, но и жалобы, с которыми обращались как учащиеся, так и их родители. Летом 1942 г. в краевое управление трудовых резервов поступила коллективная жалоба от родителей учащихся школы ФЗО № 9 (пос. Средний Ургал) на плохие бытовые условия. Для устранения недостатков и оказания практической помощи в исправлении ситуации туда был направлен один из работников краевого управления [28, л. 555].

В 1944 г. на ряде крупных предприятий края для улучшения жилищно-бытовых условий выпускников системы трудовых резервов стали создавать интернаты, где учащимся были созданы комфортные условия проживания (с учетом военного времени) – они обеспечивались питанием, постельными принадлежностями, жилые помещения обогревались, для личных вещей были открыты камеры хранения, за порядком и чистотой следила администрация. Особо нуждающимся выделялась одежда и обувь. Сеть интернатов была созданы в Комсомольске-на-Амуре на заводах «Амурсталь», авиационном, судостроительном. Всех молодых рабочих расселить

в интернатах было невозможно, в первую очередь там старались разместить самых молодых по возрасту. Проживанием там обеспечивались порядка 10–20 % выпускников школ ФЗО и РУ. Тем не менее, эта мера способствовала укреплению трудовой дисциплины среди молодых рабочих, сокращению прогулов и дезертирства.

В исследовании повседневной жизни невозможно игнорировать такой аспект, как досуг. Структура досуга в годы Великой Отечественной войны условно делилась на две основные группы занятий. Первая охватывала те формы деятельности, которые носили социально позитивный характер и поощрялись властями: чтение литературы, посещение культурных мероприятий (кинофильмов, спектаклей, концертов), участие в художественной самодеятельности, занятия спортом. В другую группу занятий в структуре досуга входили те, которые не одобрялись властями, подлежали пресечению либо порицанию: праздное времяпрепровождение, азартные игры, вечеринки с употреблением алкогольных напитков и т. п. [29; с. 61–62].

Применительно к учащимся и выпускникам системы трудовых резервов говорить о социально позитивном досуге невозможно. Свободного времени у них было крайне мало, почти всё оно уходило на пассивный отдых (сон) и восстановление сил для нового трудового дня. Непродолжительное свободное время, когда можно было заняться чем-то полезным, в основном сводилось к общению с товарищами, играм в карты. Никаких культурно-познавательных мероприятий среди учащихся практически не проводилось, те, у кого были свободные деньги иногда ходили в кино, в отдельных училищах работала художественная самодеятельность, куда привлекались единицы. В ходе проверок, которые иногда проводились работниками краевого Управления трудовых резервов, крайкома ВКП(б) и ВЛКСМ, во время бесед с учащимися и молодыми рабочими о том, как они проводят свободное время, почти все жаловались на скуку. Из-за нехватки помещений во многих училищах отсутствовали даже красные уголки – необходимый атрибут советской действительности, где помимо агитационно-пропагандистских мероприятий, ради которых их создавали, в свободное время можно было почитать газеты, художественную литературу, послушать радио.

Обсуждение и выводы

История повседневной жизни учащихся и выпускников системы трудовых резервов Хабаровского края свидетельствует, что в условиях острого дефицита рабочих кадров их работа на заводах, шахтах и стройплощадках была вынужденной мерой и являлась фактически безальтернативной. На мотивации трудовой деятельности юношей и девушек сказывались несколько факторов. Прежде всего, законодательные меры, принимаемые государством, в виде мобилизации для комплектования учебных заведений системы трудовых резервов, после окончания которых они шли на производство, трудились наравне со взрослыми, выпускали продукцию необходимую стране. Важную роль играли пропагандистские мероприятия партии и комсомола, убеждающие молодых людей поступать на учебу в школы фабрично-заводского обучения и училища, получать рабочие профессии. Несмотря на тяжелые бытовые условия, высокие, подчас непосильные для многих производственные нормы, молодежь Хабаровского края самоотверженно трудилась и внесла достойный вклад в победу нашей страны в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Котляр Э. С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М: Высшая школа, 1975. 238 с.
2. Митрофанова А. В. Рабочий класс в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 575 с.
3. Морехина Г. Г. Рабочий класс – фронту: подвиг рабочего класса СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Соцэкгиз, 1962. 480 с.
4. Якунцов И. А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны: партийное руководство решением проблемы кадров. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 196 с.
5. Зандалова О. В., Зандалов И. В. Организация и правовое регулирование профессионального обучения рабочих кадров в СССР в годы Великой Отечественной войны // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция. Материалы национальной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 13–17 апреля 2020. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления, 2020. – С. 39–45. EDN: GOXDYS
6. Корнишина Г. А. Система подготовки рабочих кадров в Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 2 (14). – С. 40–44. EDN: OZBLKD
7. Павленко Г. К. Трудовые резервы – резервы тыла в годы Великой Отечественной войны // Инновационное развитие профессионального образования. – 2019. – № 2 (22). – С. 125–131. EDN: ZKUWYW

8. Палецких Н. П. Бытовые аспекты повседневной жизни населения Челябинска в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной агроинженерной академии. – 2012. – Т. 62. – С. 179–190. EDN: PETZGZ

9. Пашина Н. В., Катцина Т. А., Мариненко Л. Е., Лисина С. А. Государственные трудовые резервы Красноярья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–2 (60). – С. 119–121. EDN: UIOZWZ

10. Поляков А. И. Роль системы Государственных трудовых резервов в решении кадровых проблем в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) // КЛИО. – 2016. – № 9 (117). – С. 135–138. EDN: WNIADN

11. Чернышева Н. В. Мобилизация молодежи Кировской области в систему трудовых резервов // История: факты и символы. – 2018. – № 3 (16). – С. 151–159. EDN: UZQANP

12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 995.

13. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 929.

14. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1155.

15. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 220.

16. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1652.

17. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457.

18. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 982.

19. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1337.

20. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1097.

21. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1447.

22. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1655.

23. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 926.

24. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1833.

25. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 772.

26. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 853.

27. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1363.

28. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1349.

29. Палецких Н. П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 59–63. EDN: TJGYLF

Daily Life of Students and Graduates of the Labor Reserve System in the Khabarovsk Territory During the Great Patriotic War

Sergey A. Vlasov

Based on the materials of the Khabarovsk Territory State Archive, introduced into scientific circulation for the first time, the article examines daily life of students and graduates of factory training schools, craft and railway schools during the Great Patriotic War. The process of organizing the students' recruitment, carried out in the form of mobilization, was studied. It was found that in conditions of acute shortage of workers, mobilization was a forced

measure to replenish schools and factory training schools, and was carried out several times during a year. The analysis of the living conditions of students and graduates of the labor reserve system, providing them with food, clothing and shoes, their leisure activities was carried out. Some facts of flaws, negligence and open neglect on the part of some officials responsible for the life, education, industrial activities and leisure of boys and girls were revealed. It is concluded that despite the difficult daily life of the youth of the Khabarovsk Territory, who were trained in factory training schools and colleges, made a worthy labor contribution to the victory in the Great Patriotic War.

Key words: labor reserves, mobilization, industrial discipline, barracks-dormitories, catering, provision of clothing and shoes, leisure.

For citation: Vlasov, S. A. (2024) Povsednevnyaya zhyzn uchashchihsya i vypusknivov sistemy trudovykh rezervov v Habarovskom kraje v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Daily Life of Students and Graduates of the Labor Reserve System in the Khabarovsk Territory During the Great Patriotic War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 1. Pp. 96–112. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_96. EDN: PGFLTG

References

1. Kotliar, E. S. (1975) *Gosudastvenniye trudoviye rezervy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [State labor reserves of the Soviet Union during the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
2. Mitrofanova, A. V. (1971) *Rabochiy klass v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The working class during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Morehina, G. G. (1962) *Rabochiy klass – frontu: podvig rabochego klassa SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [The Working Class to the front: the feat of the working class of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow: Sostekgiz. (In Russ.)
4. Yakunzhov, I. A. (1987) *Rabochiy klass Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: partiynoye rukovodstvo resheniyem problemy kadrov* [The working class of the Urals during the Great Patriotic War: party leadership in solving the personnel problem]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta. (In Russ.)
5. Zandalova, O. V., Zandalov, I. B. (2020) *Organizatsiya i pravovoye regulirovaniye professionalnogo obucheniya rabochih kadrov v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Organization and legal regulation of vocational training of workers in the USSR during the Great Patriotic War]. *Sotsialniye i gumanitarniye nauki. Yurisprudenetsiya* [Social sciences and humanities. Jurisprudence]. Materials of the national scientific and practical conference. Ulan-Ude. Pp. 39–45. (In Russ.)
6. Kornishina, G. A. (2011) *Sistema podgotovki rabochih kadrov v Mordovii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The system of training workers in Mordovia during the Great Patriotic War]. *Gumanitariy: aktualniye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: current problems of humanities and education]. No. 2 (14). Pp. 40–44. (In Russ.)
7. Pavlenko, G. K. (2019) *Trudovye rezervy – rezervy tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Labor reserves – reserves of the rear during the Great Patriotic War]. *Innovatsionnoye razvitiye professionalnogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education]. No. 2 (22). Pp. 125–131. (In Russ.)
8. Palestkih, N. P. (2012) *Bytovye aspekty povsednevnoy zhizni naseleniya Cheliabinskaya v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Everyday aspects of everyday life in Chelyabinsk in the conditions of the Great Patriotic War]. *Vestnik Cheliabinskoy gosudarstvennoy agroinzhenernoy akademii* [Bulletin of the Chelyabinsk State Agroengineering Academy]. Vol. 62. Pp. 179–190. (In Russ.)
9. Pashina, N. V., Katstina, T. A., Marinenko, I. E., Lisistina, S. A. (2015) *Gosudarstvenniye trudovye rezervy Krasnoyariya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [State labor reserves of Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 10–2 (60). Pp. 119–121. (In Russ.)
10. Poliyakov, A. I. (2016) *Rol sistemy Gosudarstvennykh trudovykh rezervov v reshenii kadrovyy problem v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (po materialam Gorkovskoy oblasti)* [The role of the sys-

tem of State labor reserves in solving personnel problems during the Great Patriotic War (based on materials from the Gorky region)]. *KLIO* [KLIO]. No. 9 (117). Pp. 135–138. (In Russ.)

11. Chernishova, N. V. (2018) *Mobilizatsiya molodiozhi Kirovskoy oblasti v sistemu trudovykh rezervov* [Mobilization of the youth of the Kirov region into the labor reserve system]. *Istoriya: fakty i simvolyy* [History: facts and symbols]. No. 3 (16). Pp. 151–159. (In Russ.)

12. *Gosudarstvenniy arhiv Habarovskogo kraya (hereinafter – GAHK)* [The State Archive of the Khabarovsk Territory]. F. P-35. Op. 1. D. 995.

13. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 929.

14. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1155.

15. *Gosudarstvenniy arhiv Primorskogo kraya (hereinafter – GAPK)* [State Archive of Primorsky Krai]. F. 26. Op. 1. D. 220.

16. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1652.

17. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1457.

18. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 982.

19. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1337.

20. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1097.

21. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1447.

22. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1655.

23. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 926.

24. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1833.

25. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 772.

26. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 853.

27. GAHK. F. P-35. Op. 1. D. 1363.

28. GAHK F. P-35. Op. 1. D. 1349.

29. Palestkih, N. P. (2015) *Dosugovaya sfera tylovoy povsednevnosti na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The leisure sphere of everyday life in the Urals during the Great Patriotic War]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 1. Pp. 59–63. (In Russ.)

Об авторе

Власов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории Дальнего Востока России, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: vlasov54@bk.ru; ORCID ID: 009-005-4085-8954

About the author

Vlasov Sergey A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of the History of the Russian Far East, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: vlasov54@bk.ru; ORCID ID: 009-005-4085-8954

Статья поступила в редакцию 18.01.2024

Одобрена после рецензирования 25.01.2024

Принята к публикации 30.01.2024

Кровь в обряде масонской инициации

Ю. Е. Кондаков

Масонство является посвянительной, ритуальной традицией. Масонские организации, чаще всего, получали и получают официальное разрешение на свою деятельность от властей. Тайным в масонстве является ритуал. Важнейшая его часть – обряд инициации. Современное масонство очень разнообразно. В Америке и Европе опубликовано множество исторических ритуалов масонства. Россия в этом отношении является исключением. В полном объеме ритуал масонского посвящения практиковавшийся в XVIII–XIX вв. в России пока не публиковался. Инструкции масонских лож, хранящиеся в российских архивах, позволяют восполнить этот пробел. Во время обряда на кандидата воздействовали веревкой, кинжалом, направленными на него шпагами, раскаленным металлом и чашей с кровью. Кульминация ритуала происходила у жертвенника, когда кандидат произносил присягу. После этого мастер производил три ритуальных удара молотком по циркулю, приставленному к груди кандидата. По смыслу обряда выступившая кровь в подставленной чаше смешивается с кровью «братьев» (вином). При этом ритуал не предусматривал действительное употребление крови. Этот обряд был призван усилить впечатление кандидата от инициации.

Ключевые слова: масонство, масон, обряд, ритуал, инициация, Россия, кандидат, кровь.

Для цитирования: Кондаков Ю. Е. Кровь в обряде масонской инициации // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 113–126. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_113. EDN: PZELEV

Введение

Первые публикации масонских документов в России появились в начале XX в. До этого различные авторы давали описание некоторых церемоний. В приложении к труду Т. О. Соколовской были опубликованы «Законы Русской Великой Национальной ложи», «Патент князю П. Г. Гагарину», «Акт узаконивания 14 русских лож герцогом Карлом Зюдерманландским», «Призыв Рыцаря Востока к высшему посвящению» и т. д. [1; с. 102–117]. Значительный корпус российских масонских документов XVIII–XIX вв. в нынешнем XXI в. сделал достоянием общественности Ю. Е. Кондаков. Им были изданы: «Теоретический градус соломонских наук» [2; с. 563–615], «Праздничный ритуал Великой Провинциальной ложи» [3; с. 483–485], «Сильное увещание», «Обрядники розенкрейцеров» [4; с. 342–492]. Ритуалы первых трех степеней масонства на русском языке пока не опубликованы, однако именно там содержится важнейший обряд инициации.

Обряд масонской инициации, практиковавшийся в России XVIII–XIX вв. пока еще не становился предметом научного исследования. Описание современной масонской инициации давалось в трудах исследователей С. П. Карпачева и Е. Л. Кузьмишина. В описании «Древнего и принятого шотландского обряда», в разделе «Инициация», Карпачев рассматривал «опрос под повязкой», «комнату размышлений», «введение ищущего во храм». В «храме» (ложе) проходило основное действие обряда инициации. В этом варианте до и после принесения клятвы, посвящаемый пил из чаши. До клятвы это чистая вода, после – вода с добавлением алое, что делало ее горькой. После трех «путешествий» посвящаемый приносил еще одну клятву. В финале инициации руководитель ложи утверждал посвящаемого «учеником вольным каменщиком в первом градусе» [5; с. 174–180].

Е. Л. Кузьмишин давал несколько вариантов масонской инициации, различных традиций: континентальной и англосаксонской. В описании инициации континентальной системы присутствует «испытание чашей». Испытуемому дают выпить неизвестную жидкость, которая или должна превратиться в яд, в случае принесения ложной клятвы или заставить кандидата забыть свою жизнь до посвящения. Упоминаются угрозы нанесения телесных повреждений или даже огнестрельной раны [6; с. 153–156].

В разное время Кузьмишиным были опубликованы сборники документов, включавшие в себя исторические акты масонства и его предшественников – цеховых организаций. Первые документы, где описывался обряд инициации, относятся к 1725–1727 гг. В «Разоблачение Вильмота» (1725 г.), небольшом сборнике вопросов и ответов о масонстве, впервые упоминается обряд инициации: «В какой позе воспринял ты Тайные Слова? – Стоя на коленях с Наугольником и Циркулем у груди» [7, с. 227]. В документе 1727 г. «Манускрипт Данди» обряд посвящения описывается более подробно: «Потом он должен встать на правое голое колено, потом вокруг его тела трижды обносят наугольник и затем прикладывают ему к груди, точно так же и раскрытый циркуль приставляют ему тоже к груди. Потом он ставит голый локоть на Библию и, держа руку вверх, приносит клятву: “Как стану я отвечать пред Богом в Великий День, пред сим Собранием [обязуюсь] скрывать и прятать, не раскрывать и никаким способом никого не извещать о тайнах Слова Каменщика”... (тут он клянется не записывать его на бумаге, пергаменте, дереве, камне, песке, снеге и т. д.) под угрозой той кары, чтобы язык мой был вырван и извлечен из челюсти, а сердце – из левой подмышки, а тело мое было погребено за линией отлива, где прилив и отлив дважды сменяют друг друга за одни сутки» [7; с. 230–231]. В брошюре «Масонство в разрезе» (1730): «Я преклонил колени, телу моему была придана форма Наугольника, Циркуль был приставлен к моей обнаженной левой стороне груди, обнаженную правую руку я положил на Святую Библию, и так я принес Обязательство Каменщика» [7, с. 247]. Тот же обряд посвящения, с той же клятвой повторяется в листовке «Прием во Фрей-масоны» (1737 г.) и произведении «Сломанная печать» (1745 г.) [8; с. 180, 242]. Опубликованные Е. Л. Кузьмишиным документы дают право предположить, что обряд масонской инициации оформился уже в начале XVIII в. Вскоре его краткое описание было опубликовано. В дальнейшем основа обряда оставалась неизменной.

Результаты

Впервые на русском языке масонская инициация была описана в книге Уилсона Томаса «Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями

точно и беспристрастно». Это был перевод антимасонского произведения, изданный в 1784 г. По ходу повествования масон описывал свое вступление в ложу. Обряд проходил в помещении трактира. Кандидат оплачивал свое посвящение, затем его оставляли в «камере размышлений». Он оставлял металлы, снимал сапог, обнажал грудь и колено, ему завязывали глаза. После введения в Храм (ложу) и совершения нескольких «путешествий» (проход по ложе) с кандидата снимали повязку, и он видел наставленные на него шпаги. В завершении церемонии кандидат становился на одно колено перед жертвенником. Правую руку он клал на две шпаги, лежащие на «Евангелие от Иоанна». Левой рукой он приставлял к обнаженной груди циркуль. Затем кандидат приносил присягу, после которой он становился масоном [9; с. 18–26].

В 1867 г. в журнале «Вестник Европы» впервые увидела свет статья А. Н. Пыпина «Русское масонство в XVIII-м веке». Автор давал обзор масонской инициации на основании английских масонских изданий XVIII в. «Подлинный ключ» и «Три сильных удара». В его описании в финале посвящаемый приносил клятву, держа острый циркуль у обнаженной груди [10, с. 53].

В 1868–1869 гг. был издан роман Л. Н. Толстого «Война и мир». В нем была описана церемония посвящения Пьера Безухова в масоны. Источники масонской информации Толстого подробно разбирала итальянская исследовательница Раффаэлла Фаджонато. По её сведениям, Толстой работал в фондах Императорской библиотеки (ныне – РГБ) под руководством М. Н. Лонгинова или С. В. Ешевского. Он знакомился с целым рядом масонских документов и в том числе с обрядниками первых степеней [11; с. 111–123]. В «Войне и мире» ритуал инициации не был описан полностью. Рассказ прерывался на принесении присяги и снятии повязки с глаз посвящаемого [12, с. 329]. О причинах, заставивших Толстого сократить описание ритуала можно только догадываться. Финальная часть инициации была опущена и в произведении А. Ф. Писемского «Масоны» (см. журнал «Огонек», 1880).

Впервые полное описание обряда инициации, практикуемого в России в XVIII в., дал П. П. Пекарский в 1869 г. Он заимствовал материалы из архива великого мастера Великой провинциальной ложи России И. П. Елагина (документы 1777 г.)

и обрядников ложи «Аполлон» (работала в Санкт-Петербурге с 1771 г.). Надо полагать, что по такому ритуалу проходило принятие в Великой провинциальной ложе и других союзах, возглавляемых Елагиным. Эти ложи работали по «Циннендорфской» («Рейхелевой») и «Шведской» системам. По этой версии кандидат, после принесения присяги, подвергался последнему испытанию. Великий мастер говорил: «Подвигнутый собственной волею и мужественным намерением, запечатлей клятву свою смешением крови твоя с кровью братьев ваших» [13, с. 40]. Кандидата ставили на колени у жертвенника, к обнаженной груди подносили циркуль, «брат ужасный» готовил чашу. Над этой чашей мастер наносил три «рыцарских удара» (молотком по циркулю, приставленному к груди). При каждом ударе он произносил: «I. Силой власти моя и сана мною управляемого. II. Силою благоволения и согласия здесь присутствующих и по всей земле рассеянных братьев. III. Приемлю тебя в свободные каменщики, рыцари, ученики и сочлены сего почетного ордена!» [13, с. 40]. После этого кандидат считался масоном, ему передавали облачение и сообщали тайные слова и прикосновения. Описание Пекарского соответствует актам Елагина, хранящимся в РГАДА [14, л. 15].

Такой же обряд инициации дается и в обряднике Земельной ложи Германии («Шведская» система) 1989 года. Обряд разбит на разделы: «Открытие ученической ложи», «Введение ищущего в ложу», «Размещение испытуемого», «Принятие обета, дарование света и посвящение в ученики», «Предоставление ритуальных вещей», «Обучение знанию степени», «Закрытие ученической ложи»¹. В этом обряде, когда кандидату предлагают смешать свою кровь с кровью братьев, указывается, что чаша должна быть сделана из серебра или хрусталя и иметь крышку и быть наполненной жидкостью похожей на кровь.

Необходимо обратить внимание на то, что в обряде ложи И. П. Елагина и публикации П. П. Пекарского была выпущена сама масонская клятва. У Пекарского упоминается, что новичка приводят к присяге у жертвенника. У Елагина в «Главе IV» «Прием яко требующего» указывается, что посвящаемому, стоящему на колене у жертвенника, с циркулем, приставленным

¹ Ритуал ученика Святого Иоанна Великой национальной ложи масонов в Германии [Электронный ресурс] // Stichting Argus. https://www.stichtingargus.nl/vrijmetelarij/gllfvd_r1.html (дата обращения: 21.11.2023).

к груди, великий мастер велит повторить за ним клятву. Сам текст клятвы заменен многоточием.

В ритуале Земельной ложи Германии посвящение описано полностью. Это раздел «Принятие обета, дарование света и посвящение в ученики Иоанна». Кандидат клянется не раскрывать тайны масонства и подчиняться законам Ордена: «Клянусь перед Богом, Всевышним Тройным Великим Архитектором всего мира, перед Преподобным Председательствующим Мастером сего почтенного Св. Иоанна Ложи и перед всеми присутствующими здесь братьями масонами никому не сообщать моих знаний о масонстве в том, что касается практики их искусства, пусть они будут доверены мне сегодня или в будущем, не раскрыть их посторонним лицам. Я также клянусь подчиняться законам Ордена. Я клянусь в этом, так помоги мне Бог!». Этот пробел в обряднике Елагина свидетельствует о том, что в масонских обрядниках XVIII в. могли пропускаться наиболее важные сюжеты. Их высоко посвящённые масоны доводили до «братьев» устно.

Есть мнение о том, что обряд инициации – это основной обряд масонства. Именно через него передается то, что позволяет масону успешно пройти процесс огранки камня своей души. В обряде участвуют все члены ложи, вне зависимости от их степеней. Обряд инициации является длительным процессом, включающим в себя несколько уровней подготовки. При этом всегда существовал и сокращенный обряд, который мог провести управляющий мастер ложи, один на один с кандидатом. Так посвящали высших чиновников и коронованных особ. Надо полагать, что в этом случае совершалась только финальная часть обряда. По этой причине очень важно рассмотреть все особенности ритуала, проводившегося у жертовника.

Обряд инициации в «Шведской» системе предписывает «смешение крови братьев». Но, как конкретно происходило это «смешение» в ритуале не описывается. Кубок с жидкостью похожей на кровь подставляемый к груди, которую ранят циркулем, предполагает, что в ней и происходит «смешение». Что делают с содержимым чаши ритуал не описывает. То, что в целом ряде описаний обряда масонской инициации эта часть ритуала выпущена, заставляет предположить, что она содержит нечто запретное. Например, это может быть ритуальное

употребление этой «крови» всеми братьями. С точки зрения Христианской церкви, подобный обряд пародирует христианское причастие. По этой причине было бы неудивительно, если бы такое описание сознательно пропускали в обрядниках. Для того, чтобы разобраться с этой ситуацией необходимо обратиться к историческим регламентам первой степени масонства, хранящимся в архивах России.

Масонский устав (система) предполагает последовательное посвящение в ряд степеней, объединенных общей идеей. В первых уставах, созданных в континентальной Европе, в высших степенях сообщалось, что масонство является прикрытием Ордена тамплиеров, сохранившимся в Шотландии. Затем появилась «Розенкрейцерская» система, где сообщалось, что масонство является лишь введением в тайную организацию алхимиков, основанную в глубокой древности. В «Исправленном Шотландском уставе» в высших степенях сообщались тайны теургии мартинистов. В XIX в. появились аналоги «Древнего и принятого шотландского устава», где были собраны все наиболее популярные степени масонского посвящения.

Первые уставы, появившиеся в Европе, состояли из трех отделений. Первым отделением были три степени масонского посвящения. В высшей третьей – мастерской степени, сообщалось о том, что тайной масонства является история гибели при строительстве храма Соломона великого мастера Адонирама. В следующей шотландской степени сообщалось, что часть каменщиков стала личной гвардией Соломона и защищала Храм. В высших степенях открывалась тайна Ордена тамплиеров. Во всех масонских системах XVIII в. утверждалось, что первые три степени масонства необходимы для очищения кандидата, перед принятием тайного знания. По этой причине ритуалы первых трех степеней были одинаковы во всех системах. Считалось, что только правильное посвящение гарантирует дальнейшие успехи в высших степенях.

Масонские обрядники первой степени, хранящиеся в Российской национальной библиотеке, принадлежат к «Шведской» и «Циннендорфской» системам. Они незначительно отличаются друг от друга. В дальнейшем эти обрядники использовались в наиболее распространенной в России «Розенкрейцерской» системе. В XIX в. те же обрядники применялись

в Великих ложах «Владимира к порядку», «Провинциальной» и «Астрей». «Шведская» система появилась в середине XVIII в., как одна из систем масонства с «рыцарским» наполнением. В её обрядниках фигурировало наименование «каменщик-рыцарь». В ритуалах в равной мере присутствовали рыцарские и строительные мотивы.

Первая Великая ложа в России открылась в 1772 г. Ложи работали по «Английской» системе, её обрядников в России не сохранилось. Великим мастером был И. П. Елагин. Одновременно в Россию пришел и один из вариантов «Шведской» системы – устав «Циннендорфа» (К. В. Циннендорф использовал доработанные им акты «Шведской» системы). Его представитель И. Г. Рейхель в 1771 г. открыл ложу «Аполлон» в Санкт-Петербурге. Дело в том, что «Английская» система не предоставила Елагину своих обрядников. Работы в его ложах проводились по устным инструкциям. Желая получить обрядников в 1776 г. Елагин заключил союз с Рейхелем и большая часть его лож перешла на систему «Циннендорфа». В это время в среде «рыцарских» систем Европы происходила ожесточенная борьба. Писались новые уставы и появлялись молодые лидеры. Окончательно оформилась «Шведская» система, когда её руководителем стал младший брат шведского короля герцог Зюдерманландский Карл (1748–1818). В 1778 г. герцог Карл заключил соглашение с системой «Строгого послушания» (основная «рыцарская» система Европы). В 1780 г. Швеция объявила о создании «IX Провинции» системы «Строгого послушания», куда была включена Россия. В 1779 г. в С.-Петербурге была открыта Великая национальная ложа, работавшая по «Шведской» системе. 5 января 1780 г. из Швеции были присланы «Законы» для Великой национальной ложи. Впервые российские масоны получили полный пакет масонских обрядников и инструкций. В дальнейшем эти инструкции использовались в работе лож различных уставов. При этом работа в России «Шведской» системы, практически сразу, была пресечена Екатериной II. Императрица опасалась того, что масоны делали ставку на её сына Павла Петровича.

Первый из рассматриваемых регламентов находится в коллекции А. М. Михайловского (1815–1877). Это был сотрудник Императорской библиотеки и коллекционер руко-

писей. В этом варианте обряд посвящения совпадает с тем, что практиковался в ложах И. П. Елагина. «Степень 1я. Чин рецепции ученический»: во время обряда посвящения Мастер приказывал: «Подайте же кровавую чашу». Приставив к груди посвящаемого циркуль, ударял три раза молотком произнося: «Во имя Всевышнего Архитектора Вселенной. Во имя почтенной ложи NN. Властью моей и согласиём всех братьев объявляю тебя масоном». Затем мастер вопрошал: «Раскалили железо?». Посвящаемому прикладывали печать Соломона – символ скромности и целомудрия, дотрагивались холодным мастерком до языка [15, л. 19].

Следующей обрядник принадлежал ложе «Нептун», работавшей под руководством П. И. Голенищева-Кутузова (1767–1829). После смерти адмирала С. К. Грейга Голенищеву-Кутузову досталось собрание документов «Шведской» системы, по которым и работала его ложа. В дальнейшем он присоединился к «Розенкрейцерской» системе. Именно для неё характерно упоминание «начальников» в процессе инициации. В «Обряде до ученической ложи касающегося» инициации была посвящена «Статья VI» «Обряд приема как требующий сопрягается с Орденом». В этом случае, когда удары наносились по циркулю и была подставлена «чаша с кровью», мастер говорил: «Силой и властью данной мне от наших мастеров и начальников. В силу степени моей и по сану, носимому мною. Согласиём и благословением присутствующих здесь братьев рыцарей свободных каменщиков» [16]. Тот же текст был и в «Актах первой степени Свободных каменщиков шведской системы для ложи Восходящего солнца» [17; л. 19–20]. Эта ложа работала в Казани с 1776 по 1786 гг. по «Циннендорфской» и, возможно, «Шведской» системам [18, с. 948]. В «Статье VI» «Акт по 1 ст. Свободных каменщиков учеников» к тому же ритуалу было прибавлено составление из братьев «обыкновенной связывающей нас цепи» [19, л. 39]. Этот документ находился в коллекции Ф. И. Прянишникова (1793–1867). Он был секретарем ложи «Умирающего сфинкса», работавшей по «Розенкрейцерскому» уставу и по актам «Шведской» системы в первых трех степенях.

То же описание можно найти и в регламентах начала XIX в. Один из них принадлежит ложе «Елизаветы к добродетели» [20], другой – «Полные акты трех иоанновских степеней», он со-

хранился в коллекции Ф. И. Прянишникова. Последний обряд отличается только тем, что на Евангелие был положен меч великого мастера [21, л. 28].

Незначительные отличия в тексте регламента посвящения могут быть связаны с тем, что в начале XIX в. в некоторых ложах обрядники восстанавливались по памяти. Оригиналы были утрачены во время гонений на «Шведскую» и «Розенкрейцерскую» системы при Екатерине II. Более важным представляется изменения, внесенные в слова, сопровождающие три посвячительных удара. Формула «Силой и властью данной мне от наших мастеров и начальников» похоже носит розенкрейцерский характер и применялась в ложах данной системы. Самой безобидной по содержанию была формула елагинской ложи. Там упоминалась только власть мастера и братьев. Современные акты «Шведской» системы во многом совпадают с актами И. П. Елагина и содержат ту же формулу посвящения.

В других вариантах посвячительной церемонии кандидата вели на веревке, в спину ему упирали кинжал. То и другое символизировало угрозу смерти в случае изменения намерения. Тому же служили и направленные в грудь шпаги братьев. Устрашить кандидата должно было упоминание раскаленного железа и приложение к языку Соломоновой печати. Когда с глаз снимали повязку, посвящаемый видел человека в окровавленной рубашке. Это был последний прошедший посвящение – он символизировал судьбу предателей масонства.

Последним испытанием кандидата было «смешение крови твоей с кровью братьев наших» [13, с. 40]. Для этого управляющий мастер наносил удары молотком по циркулю, приставленному к обнаженной груди. Выступавшая кровь нового масона смешивалась в чаше с кровью братьев. В «Объяснении обряда ученического принятия» указывалось: «Поставление циркуля на обнаженную грудь» напоминает, что никакая изменническая грудь не нарушит данного братьям обязательства. «Три удара молотком по циркулю» означают: силу, премудрость и простоту – три основных столпа свободного каменщичество. «Кровью наполненная чаша» символизирует последнее испытание твердости духа, готовность принести кровь и отдать жизнь на защиту Ордена [22, л. 5].

Обсуждения и выводы

За четыре века своего существования масонство обросло множеством мифов и легенд. Со стороны своих противников это движение подвергалось самым различным, часто очень страшным обвинениям. Одно из них заключалось в том, что в масонских обрядах используется человеческая кровь. Только в XXI в. появилась возможность исследовать это утверждение на материале масонских документов из архивов России XVIII–XIX вв.

Специалистами по истории масонства высказывалось предположение о том, что в «Шведской» системе могла существовать традиция, по которой из кубка, в котором «смешалась кровь», пили все братья. В рассмотренных обрядниках нет даже намек на такой ритуал. Можно допустить, что в отдельных ложах такое практиковалось в частном порядке. Но даже если это было так, то питье крови было чисто символическим, её заменяло вино. Дело в том, что регламенты не предписывали, чтобы после удара молотком по циркулю из груди посвящаемого шла кровь. Сложно представить укол циркулем, в результате которого кровь потечет в кубок. Таким образом регламенты XVIII–XIX вв. не дают информации о том, что в масонском обряде посвящения применялась кровь. «Кровавый кубок», наряду с «Печатью Соломона» и остриями шпага, использовался для того, чтобы усилить образное восприятие глубины и таинственности обряда и запечатлеть воспоминания инициации на всю жизнь.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что основные компоненты обряда масонской инициации сложились в начале XVIII в. Регламент Земельной ложи Германии показывает, что подобная инициация продолжает практиковаться. Переход к «Рыцарским» системам масонства в Континентальной Европе мог дополнить обряд некоторыми компонентами, не свойственными строительному цеху. Обращает на себя внимание то, что различные описания обряда масонской инициации начали публиковаться с 1725 г. В отличие от Западной Европы Россия не знала ренегатов в среде масонства. В полном объеме в нашей стране обряд инициации никогда не издавался и продолжает оставаться тайной. В этой статье на русском языке впервые дается описание главных этапов обряда масонской инициации и различные варианты присяги.

Список литературы

1. Соколовская Т., Лотарева Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. 480 с.
2. Кондаков Ю. Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломонových наук. СПб.: Астерион, 2012. 616 с.
3. Кондаков Ю. Е. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772–1822. М.: Ганга, 2017. 600 с.
4. Кондаков Ю. Е. Тайные инструкции российских розенкрейцеров XVIII–XIX вв. М.: Ганга, 2018. 570 с.
5. Карпачев С. П. Тайны масонских орденов. М.: Эксмо, 2007. 352.
6. Кузьмишин Е. Л. Масонство. М.: Ганга, 2016. 496 с.
7. Кузьмишин Е. Л. История масонства в документах. М.: Ганга, 2010. 420 с.
8. Кузьмишин Е. Л. Масонские древности. М.: Ганга, 2023. 414 с.
9. Масон без маски. СПб.: Тип. Христофора Геннинга, 1784. 114 с.
10. Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Петроград: Огни, 1916. 584 с.
11. Фаджонато Р. Еще о масонских источниках «Войны и мира» (Записные книжки Сергея Ланского) // Русская литература. – 2012. – № 1. – С. 111–123.
12. Толстой Л. Н. Война и мир. СПб.: СЗКЭО, 2021. 1120 с.
13. Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XIX столетия // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – СПб.: Тип. Им.АН, 1869. – Т. 7. – № 4. – С. 1–224.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 234.
15. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ. ОР). Ф. 487. Д. Q 214.
16. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. Q 201.
17. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. F III 111.
18. Серков А. И. Энциклопедический словарь. Русское масонство. М.: РОС-СПЭН, 2000. 1224 с.
19. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. О III 40/1.
20. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. Q III 102.
21. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. О III 69.
22. РНБ. ОР. Ф. 550. Д. О III 199.

Blood in the Masonic Initiation Rite

Yury E. Kondakov

Freemasonry is an initiatory, ritual tradition. Masonic organizations, most often, have received and are receiving official permission for their activities. The ritual is a secret in Freemasonry. Its most important part is the initiation rite. Modern Freemasonry is very diverse, with many historical Freemasonry rituals published in America and Europe. Russia is an exception in this regard. The full extent of the Masonic initiation ritual, practiced in the 18th – 19th centuries, has not yet been published in Russia. The instructions

of Masonic lodges, stored in Russian archives, make it possible to fill this gap. During the ritual, the candidate was frightened with a rope, a dagger, swords pointed at him, hot metal and a cup of blood. The culmination of the ritual took place at the altar, when the candidate took the oath. After this, the master made three ritual blows with a hammer on a compass placed on the candidate's chest. According to the meaning of the ritual, the blood that appears in the cup placed is mixed with the blood of the "brothers" (wine). However, the ritual did not involve the actual consumption of blood. This ritual was intended to enhance the candidate's impression of initiation.

Key words: Freemasonry, freemason, rite, ritual, initiation, Russia, candidate, blood.

For citation: Kondakov, Y. E. (2024) Krov' v obryade masonskoj iniciacii [Blood in the Masonic Initiation Rite]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 113–126. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_113. EDN: PZELEV

References

1. Sokolovskaya, T. Lotareva, D. (2007) *Tajnye arhivy russkikh masonov* [Secret archives of Russian masons]. Moscow: Veche. (In Russ.)
2. Kondakov, YU. E. (2012) *Orden zolotogo i rozovogo kresta v Rossii. Teoreticheskij gradus solomonovykh nauk* [Order of the Golden and Rose Cross in Russia. Theoretical degree of Solomonic sciences]. St. Petersburg: Asterion. (In Russ.)
3. Kondakov, YU. E. (2017) «Rycarskie» sistemy masonstva v Rossii: 1772–1822 ["Knightly" systems of Freemasonry in Russia: 1772–1822]. Moscow: Ganga. (In Russ.)
4. Kondakov, YU. E. (2018) *Tajnye instrukcii rossijskikh rozenkrejcerov XVIII–XIX vv.* [Secret instructions of Russian Rosicrucians of the 18th – 19th centuries]. Moscow: Ganga. (In Russ.)
5. Karpachev, S. P. (2007) *Tajny masonskih ordenov* [Secrets of the Masonic orders]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
6. Kuz'mishin, E. L. (2016) *Masonstvo* [Freemasonry]. Moscow: Ganga. (In Russ.)
7. Kuz'mishin, E. L. (2010) *Istoriya masonstva v dokumentah* [History of Freemasonry in documents]. Moscow: Ganga. (In Russ.)
8. Kuz'mishin, E. L. (2023) *Masonskie drevnosti* [Masonic antiquities]. Moscow: Ganga. (In Russ.)
9. (1784) *Mason bez maski* [Mason without a mask]. St. Petersburg: Tip. Hristofora Genninga. (In Russ.)
10. Pypin, A. N. (1916) *Russkoe masonstvo XVIII i pervaya chetvert' XIX v.* [Russian Freemasonry of the 18th and first quarter of the 19th century]. Petrograd: Ognii. (In Russ.)
11. Fadzhonat R. (2012) *Eshche o masonskih istochnikah «Vojny i mira» (Zapisnye knizhki Sergeya Lanskogo)* [More about the Masonic sources of "War and Peace" (Notebooks of Sergei Lansky)]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. No. 1. Pp. 111–123. (In Russ.)
12. Tolstoj, L. N. (2021) *Vojna i mir* [War and Peace]. St. Petersburg: SZKEO. (In Russ.)
13. Pekar'skij, P. P. (1869) *Dopolneniya k istorii masonstva v Rossii XIX stoletiya* [Additions to the history of Freemasonry in Russia in the 19th century]. *Sbornik statej, chitannyh v otdelenii russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk* [Collection of articles read in the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tip. Im. AN. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–224. (In Russ.)
14. Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA). F. 8. Op. 1. D. 234.
15. Russian National Library. Department of Manuscripts (hereinafter – RNB. OR). F. 487. D. Q 214.
16. RNB. OR. F. 550. D. Q 201.
17. RNB. OR. F. 550. D. F III 111.
18. Serkov, A.I. (2000) *Enciklopedicheskij slovar'. Russkoe masonstvo* [Encyclopedic Dictionary. Russian Freemasonry]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
19. RNB. OR. F. 550. D. O III 40/1.
20. RNB. OR. F. 550. D. Q III 102.

21. RNB. OR. F. 550. D. O III 69.
22. RNB. OR. F. 550. D. O III 199.

Об авторе

Кондаков Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор, Российской государственной педагогической университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: urakon@rambler.ru, ORCID ID: 0000-0002-9284-3632

About the author

Kondakov Yuriy E., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Professor; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: urakon@rambler.ru, ORCID ID: 0000-0002-9284-3632

*Статья поступила в редакцию 27.11.2023
Одобрена после рецензирования 10.01.2024
Принята к публикации 18.01.2024*

Повседневная жизнь служащих органов городского общественного управления в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.

Я. В. Пуневский

В статье на основе данных периодической печати и не опубликованных документов из фондов российских архивохранилищ характеризуется повседневная жизнь гласных городских дум и членов городских управ в городах Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. В настоящей работе автор фокусируется на трудовой повседневности служащих органов городского общественного управления, исключая из предмета исследования их частную жизнь. Основными повседневными практиками членов городских управ были канцелярская работа, оперирование финансовыми средствами города, надзор и контроль за расходованием средств. Повседневность гласных городских дум концентрировалась вокруг периодически проходящих городских выборов, заседаний городских дум, торжественных приемов, награждений и поощрений за хорошую службу или за активное участие в благотворительной деятельности на благо общества. Изучение названных аспектов повседневной жизни служащих органов городского общественного управления позволило выявить ряд негативных моментов в его жизнедеятельности: абсентеизм гласных городских дум, их поляризацию, провоцирующую конфликты, недостаточность развития гражданского сознания в их среде, архаичный характер процедуры городских выборов.

Ключевые слова: городское общественное управление, городская дума, городская управа, гласные, повседневность, Ярославская губерния, обязанности, заседания, выборы.

Для цитирования: Пуневский Я. В. Повседневная жизнь гласных городских дум в конце XIX–начале XX века (по материалам Ярославской губернии) // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 127–145. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_127. EDN: QCQOMR

Введение

Цель настоящего исследования – показать характерные черты трудовой повседневности гласных городских дум, а также членов городских управ и городских голов в конце XIX – начале XX в. на примере городов Ярославской губернии.

История повседневности как самостоятельное направление исторических исследований продолжает набирать популярность. Вместе с тем она является достаточно молодым направлением. Появление истории повседневности обычно связывают с так называемым «антропологическим поворотом» в мировой историографии, произошедшим в конце 60-х – середине 70-х гг. XX в. [1, с. 35]. Относительно недавнее появление понятий «повседневность», «история повседневности» обуславливает открытость и дискуссионность многих вопросов теоретического характера.

Так, сложным в современной историографии остается вопрос о формулировке предмета исследования истории повседневности. Н. Л. Пушкарева и С. В. Любичанковский включают в предмет ее исследования стиль и образ жизни представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на различные жизненные события и мотивы поведения [2; с. 7–8]. Спорным остается и вопрос о включении в повседневность трудовой и рабочей сферы. В целом, современные историки активно изучают служебную повседневность различных социальных слоев российского общества [3–5].

А. В. Курьянович отмечал, что наиболее содержательной характеристикой объекта и цели исследования истории повседневности является антропологизм, обращение к человеку как к главному элементу социального организма [1; с. 37–38]. И. Б. Орлов, рассуждая об общей «аморфности» понятия «история повседневности» утверждал, что отнесение трудовой и общественной деятельности к предмету ее изучения связано с социологическим подходом к ее пониманию [6; с. 7–9]. Условность понятия «повседневности» отметил и М. М. Кром [7, с. 6]. Считают возможным относить к повседневности исследование трудовой деятельности и некоторые другие исследователи, обращающие внимание на то, что «повседневность, связанная с профессиональной деятельностью, к настоящему времени стала вполне легитимной темой исследований» [8, с. 545]. В последние десятилетия появилось несколько работ,

посвященных повседневной жизни гласных городских дум и членов городских управ [9–11].

Основными источниками для проведения исследования явились: периодическая печать (газеты «Ярославские губернские ведомости», «Голос», «Северный край», журнал «Городское дело»), а также неопубликованная делопроизводственная документация органов городского общественного управления из фондов Государственного архива Ярославской области, находящегося в г. Ярославле, а также его филиалов в Ростове, Угличе и Рыбинске. Также, в работе были использованы некоторые документы из фондов Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве.

Результаты

Одним из двух важнейших учреждений городского общественного управления в России, созданного согласно городской реформе 1870 года, были городские управы [12, с. 10]. Положение членов управ, лишь в 1892 г. получивших статус государственных служащих, являлось незавидным. Обычно члены городских управ были загружены работой. Постоянно ощущался дефицит рабочих рук [13]. Согласно инструкции о порядке делопроизводства в рыбинской городской управе управа должна быть открыта во все дни, кроме воскресных и табельных [14]. Вероятно, такие инструкции не всегда соблюдались на практике. Загруженность и малочисленность членов городских управ не позволяла им четко выполнять свои обязанности. Во время обсуждения в Министерстве внутренних дел вопроса об увеличении количества членов городских управ в конце XIX – начале XX вв. из регионов сообщали, что «члена управы не всегда даже в назначенное время можно видеть, ибо он не хозяин своему слову, его влекут в разные стороны» [15, л. 234].

Несмотря на серьезную обремененность работой, жалование членов городских управ было небольшим. Даже являвшимся председателями в городской думе и управе городские головы получались совсем немного за их работу [16, с. 258]. В маленьких уездных городах городские головы получали скромные 300–500 руб. в год. В периодической печати отмечалось, что «это содержание телефонисток, переписчиков, может быть даже

поваров, но не хозяев города». Большинство городских старост в городах с упрощенным городским управлением довольствовались 15–20 руб. в месяц. «Не лучше ли служить вообще без жалования, чем распорядиться судьбами города и получать жалкие крохи? ... Что бы сказал господин Великий Новгород, если бы мог предположить, что через тысячелетие его голова будет получать жалование меньше, чем младший помощник делопроизводителя главного управления по делам местного хозяйства?», – возмущались в журнале «Городское дело» [17]. Небольшой размер жалования заставлял городских служащих сигнализировать об этом в вышестоящие инстанции административного надзора [18, л. 174].

Другим важным учреждением муниципальной власти были городские думы. Собиравшиеся около 20–25 раз в год городские думы занимались решением всех важнейших вопросов городского хозяйства [16, с. 260]. Оставив за пределами исследования хозяйственную деятельность городских дум, обратимся к сфере изучения бытовой повседневности. Лейтмотивом многих собраний городских дум была публичная демонстрация верноподданнических чувств. Например, 5 мая 1883 г., в день коронации Императора, гласные городской думы г. Мышкина решили отпраздновать это событие благодарственным молебном в здании городской думы и провозглашением тостов о здравии их Императорских величеств [19]. Часто городские думы были средством сообщения жителями своих чувств в адрес императорской власти и получения ее ответной реакции. В частности, Даниловская городская дума 16 июля 1880 г. официальным постановлением передала благодарность императора жителям Данилова за выраженные ими верноподданнические чувства по случаю его чудесного спасения [20]. Находилось место и выражению лояльности со стороны участников думских собраний наиболее влиятельным гласным и городским головам. Так, на одном из заседаний городской думы г. Романово-Борисоглебска 12 марта 1898 г. гласные обратились к городскому голове В. Р. Новикову, изъявив благодарность «за полезную и деятельную службу» в прошлом четырехлетии и просили его баллотироваться снова [21, л. 18].

24 июня в зале ярославской городской думы состоялся обед, данный городским общественным управлением в честь ми-

нистра внутренних дел. Было приглашено до 160 человек. За обедом был провозглашен тост за государя императора <...> который был встречен громкими «ура», а также «предложил тост за здоровье любезных хозяев обеда – городского голову и гласных думы». Городской голова поднес министру в подарок альбом с видами г. Ярославля. Обед продлился 3 часа [22].

Публичное признание своего подчиненного положения по отношению к правительственной власти для членов городских общественных учреждений, по всей видимости, не было пустой фразой. Многие гласные городских дум являлись носителями весьма консервативных взглядов. Консервативные и верноподданнические настроения, в частности, были выражены в речи городского головы Ярославля И. А. Вахромеева, произнесенной в здании городской думы 21 апреля 1885 г. в день столетнего юбилея издания «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» [23].

Занимали свое место в повседневной жизни гласных городских дум торжественные церемонии и панихиды. 12 июня 1886 г. Мологская дума выразила семейству умершего гласного И. М. Давыдова «сочувствие в постигшем его несчастье» и отслужила о нем в зале заседаний 15 июня панихиду [24]. В 1896 г. в Мологской городской думе была отслужена панихида по скончавшемуся губернатору А. Я. Фриде. А телеграммы его супруге с выражением соболезнования поступили из Мологской, Ростовской, Даниловской, Ярославской, Мышкинской и Пошехонской городских дум.

Залы городской думы могли использоваться и для других торжественных мероприятий, в которых, вольно или не вольно, участвовала определенная часть гласных. В частности, в здании Ярославской городской думы ежегодно проходили собрания граждан для взаимного поздравления в первый день предстоящего праздника Пасхи [25]. Среди других мероприятий, проходивших в здании городской думы, были благотворительные лотереи в пользу неимущих, студенческие вечера в пользу попечительств о недостаточных студентах Демидовского лицея, концерт бывших артистов императорской русской оперы, известных певиц А. В. Святловской и Д. И. Лазаревой, собрания комитета призрения неимущих [26–29]. 25 января 1899 г. в здании ярославской городской думы состоялся концерт в пользу

голодающих [30]. В том же году здесь проходила публичные лекции И. М. Радецкого по вопросам медицины [31].

Деятельность гласных городской думы и членов городских управ была связана с расходованием бюджетных средств, в связи с чем, городскому деятелю нужно было быть аккуратным, для того, чтобы не подвергнуться преследованию. А случаи привлечения к уголовной ответственности были. Например, в 1884 г. следствию за растрату подвергся бывший член городской управы и казначей мещанин Гвоздарев [32]. Растраты городских средств в целом были одним из самых частых должностных преступлений в рассматриваемый нами период развития городского общественного управления [33; с. 1446–1447]. Росту числа подобных правонарушений после реформы 1870 г. видимо способствовал приток в органы местного самоуправления малообразованного и не заинтересованного в правильном развитии городского хозяйства мещанства и мелкого купечества. В других случаях, оперирование городскими суммами было вполне законным и не запрещалось. Так, Рыбинская городская дума 23 марта 1883 г. выдала гласному Чистякову 1000 руб. на расходы по ведению городского дела с подрядчиками по гавани в окружном суде и судебной палате [34].

Почетные звания хоть как-то могли компенсировать городским деятелям отсутствие или недостаток жалования. Например, 13 марта 1884 г. Петровская городская дума удостоила городского голову Н. Х. Шахова звания личного почетного гражданина г. Петровска, представив свое решение на утверждение губернатора [35]. В 1886 г. петровская городская дума объявила благодарность городскому голове, членам управы и секретарю за «отчетливое ведение денежных книг» [36]. Романовская дума 22 декабря 1886 г. поблагодарила купца М. С. Новикова от имени думы «за его полезную службу членом училищного совета» [37]. В Ростове в 1889 г. звания почетного гражданина города удостоился купец А. Л. Кекин [38; л. 71–73]. Гласному Рыбинска В. Н. Кокцову на заседании думы 18 ноября 1892 г. была объявлена благодарность за полезную службу городу [39]. В 1892 г. Пошехонская дума поблагодарила заступающего место городского головы купца В. Я. Воронцова за 16-летнюю «многопользную службу по должности члена городской управы» [40]. В 1908 г. за 25-летнюю службу был награжден гласный Ярославской городской

думы и член городской управы Я. Каюков [41, л. 7]. В 1913 г. угличская городская управа получила из губернского правления 10 свидетельств на право ношения бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых для выдачи их должностным лицам городского управления [42].

Большую роль для купечества, составлявшего в городских думах большинство, играло поощрение его благотворительной активности на официальном уровне. По всей видимости, это также было стимулом к активному участию в работе органов общественного управления. Приведем некоторые примеры таких поощрений. В 1878 г. в Пошехонской городской думе за свое пожертвование на нужды народного образования был отмечен купец Н. А. Кузнецов [43]. Коллежский советник Пошехонья Петр Фарворовский в 1883 г. сделал пожертвование в пользу бедных в сумме более 26 000 руб., за что получил официальную благодарность от городской думы, которая просила его отправить фотокарточку для постановки в зале думы [44]. Потомственный почетный гражданин Пошехонья Д. И. Калугин в 1892 г. получил благодарность городской думы за пожертвование 2 200 руб. в пользу бедных граждан [45].

Однако, в сущности, поощрения не могли изменить отношения большинства гласных к решению общественных дел как к чему-то второстепенному. Многие гласные сразу после своего избрания отказывались от членства в городской думе, ссылаясь на должностные дела [46; л. 36, 49]. Низкая посещаемость иногда даже заставляла городских голов откладывать заседания дум [47, л. 29]. В газете «Голос» иронизировали в 1911 г.: «непосещение думских заседаний многими гласными – явление самое заурядное, для многих даже хроническое... отдельные гласные не были в думе вообще ... и не явятся, по-видимому, до тех пор, пока в думе не будет опять обсуждаться вопрос о праздничном отдыхе приказчиков» [48]. Заинтересованность в решении городских дел проявляли лишь отдельные гласные. Например, 2 декабря 1881 г. два гласных Мологской думы возбудили ходатайство о получении сведений из журналов думы и заблаговременной рассылке им извещений относительно даты и времени назначенных заседаний думы, которое не было удовлетворено [49]. Мотивировать гласных к участию в заседаниях городских дум могла также личная заинтересованность в решении вопросов. Например, при

переполненном публикой зале обсуждался вопрос о праздничном отдыхе в ярославской городской думе в 1910 г. [50].

Периоды равнодушного отношения к своим обязанностям и игнорирования заседаний городских дум сменялись для гласных напряженной работой. Одним из поводов для активизации усилий гласных была подготовка к приему императора в мае 1913 г. В газете «Голос» так описывали процесс подготовки ярославского городского самоуправления к визиту императора: «В связи с приготовлением к приезду члены городской управы в последние дни буквально разрываются на части. В самой управе они осаждаются подрядчиками и комиссарами, во вне-присутственные часы им приходится проводить всякого рода осмотры, то свои хозяйственные, то по назначению администрации. Некогда им ни пить не есть ... У меня квартира теперь целые дни на замке», – говорил сотруднику «Голоса» один из членов управы, «И, тем не менее, возникает опасение, что кое-какие работы не будут выполнены к сроку. В особенности, если разразится ливень», – продолжал респондент [51].

Присутствие на заседаниях городских дум, едва ли собиравшихся более двух раз в месяц, для гласных, не привыкших к регулярной общественно-полезной работе, подчас могло быть утомительным. Так, некоторые заседания городских дум заканчивались в 12 часу ночи, несмотря на это целый ряд вопросов оставались не рассмотренными [52]. Обычно, собрания городских дум начинались в 6–7 часов вечера [53, л. 84; 54; л. 36, 49; 55, л. 9; 56; л. 26–27]. Реже заседания думы начинались около полудня [54; л. 53–54]. Когда собрание думы начиналось в 12, оно могло длиться до 6 вечера [57; л. 53–55]. Известны собрания, которые начинались в 15:30 и длились несколько часов [58; л. 14–16; 59; л. 11–12 об.]. Большая часть собраний длились 5–6 часов. Довольно часто заседания городских дум занимали так называемые «вермишельные вопросы». Например, об устройстве в Рыбинске холодильника [60]. Это также снижало интерес к участию в заседаниях думы со стороны гласных.

Оригинальное описание одного из заседаний городской думы Ярославля сохранилось в газете «Северный край»: «в экстренное заседание думы ... гласные прибыли сравнительно аккуратно и ровно в семь часов вечера скромно заняли свои места за тремя столами. На небольшом возвышении перед ними сел исполняю-

щий обязанности городского головы Д. С. Ершов и рядом с ним за небольшим столиком поместился управский секретарь <...> сговориться думцы не могли и вопрос этот решали уже закрытой баллотировкой, предварительно отдохнувши в канцелярии за дружеской папироской» [61].

Отмеченные в этом отрывке частные совещания гласных, по всей видимости, были ординарным явлением. В другом номере «Северного края» читаем: «состоявшееся 31 января экстренное заседание городской думы (Рыбинской) привлекло в думский зал массу публики. Рассматривался близко интересующий всех горожан вопрос о сдаче подряда на устройство водопроводных зданий. Заседание было назначено по обыкновению в 7 часов вечера, но началось оно лишь в 10 часу, так как господа гласные около двух часов обсуждали дело в присутственной комнате управы, куда посторонним лицам, само собой разумеется, доступа не было» [62].

Ироничное и сатирическое описание очередного заседания ярославской городской думы содержится в заметке «В думе», опубликованной в одном из номеров «Северной речи» за 1906 год: «Старческой походкой к председательскому месту направляется Д. И. Чистяков, дрожащими руками надевает цепь, звонит и что-то шамкает. Никто ничего не слышит и не слушает. Сели за столики. Физиономии из оживленных превратились в скучные. Слышно со всех сторон – «ох», зевота <...> думе, видимо, надоело слушать вызванные эгоистическим чувством собственной наживы споры <...> некоторые гласные покидают зал заседаний раньше» [63]. «Северные вести» в 1908 г. заметили: «по обыкновению медленно, не торопясь собирались гласные, зато собравшись, с быстротой молнии разрешили все вопросы. Говорят, торопились на открытие театра» [64].

Скучные и малолюдные заседания городских дум перемежались с заседаниями, где возникали споры между гласными, а также заседаниями, где собиралось большое количество народа. Например, заседание Рыбинской городской думы 27 января «привлекло в думский зал много посторонней публики», видимо вопрос об устройстве в городе библиотеки-читальни привлек внимание горожан [65]. В Угличе большое число зрителей вызвало заседание 5 ноября 1902 г., состоявшееся по случаю избрания нового городского головы по причине смерти преж-

него – И. А. Жаренова [66]. «Повышенное настроение в думе переходит в пререкания на личной почве», – отмечали в периодической печати в 1909 году [67].

Об острых конфликтах, время от времени происходивших в городских думах, сообщают и делопроизводственные документы городских управ. Так, например, согласно жалобе мещанина г. Петровска Пилкина, поданной губернатору в декабре 1904 г., острый конфликт в думе возник по поводу выплаты жалования одному из учителей. Возражающий Пилкину гласный Глазов неоднократно заявил: «Ты один говоришь, составить на него протокол!». В другом собрании, согласно жалобе, городской староста запрещал Пилкину высказывать мнение и сделал замечание. На следующее заявление Пилкина по другому вопросу староста стукнул рукой о стол и сказал: «Я Вам делаю второе замечание и лишу Вас права голоса!» [68; л. 1–2].

Одной из самых частых причин конфликта гласных между собой была «партийная борьба», конфликт сторонников тех или иных группировок. Губернатор Б. В. Штюрмер отмечал в 1905 г., что Ростовская городская дума «в гораздо большей степени заинтересована ходом партийной борьбы, чем установление правильного и сочувственного интересам города хозяйства» [69, л. 7]. Партийная борьба в думе стихла только с приходом на пост городского головы отставного военного А. Х. Оппель. Слабые и идейно неопределившиеся гласные попадали в сферу влияния сильных группировок. Дело в том, что городскую думу г. Ростова в начале XX в. взяли под контроль два гласных – нотариус Мясоедов и содержатель пивных складов Краснов, агитируя против правительства в думе, они вызывали неодобрение как губернских властей, так большей части гласных, некоторые из которых вскоре отказались от своего поста [70; л. 1–3].

Особой страницей повседневности городских деятелей были выборы, процедура которых среди малограмотных избирателей из небогатого и малокультурного мещанского сословия была во многом несовершенной и архаичной и сопровождалась большим количеством нарушений. В источниках отмечены случаи беспорядков, происходивших на выборах гласных [71, л. 57]. Нередко происходило распитие спиртных напитков и агитация, а также манипуляция волей неграмотных избирателей [72; л. 128–129 об.; 59; л. 43–52 об.]. Были и случаи секретных

собраний предвыборных групп с целью обсуждения предполагаемого состава думы и методов манипуляции волей избирателей на выборах [58; л. 30–30 об.]. Многие их жалоб, конечно, были попросту обусловлены недовольством результатами выборов и своим не избранием на пост гласного [73].

Процедура выборов иногда была не менее утомительной, чем длинные заседания городских дум. Из Рыбинска в 1914 г. сообщали: «выборы закончились в третьем часу ночи. От переутомления с избирателем Березиным произошел обморок» [74]. В то же время, некоторые выборы проходили спокойно, буднично и без нарушений закона [75]. Приведем одно из характерных описаний городских выборов в Ростове из периодической печати: «Из 364 избирателей явилось 151. В коридоре и смежной с залом комнате присутствует посторонняя публика, но немного. Председатель собрания, городской голова А. Х. Оппель вычитывает избирательный закон <...> Избиратели шумной толпой направляются в комнату, заменяющую в таких случаях и буфет, быстро раскупаются у пирожников пироги, булки и пьют чай <...> чувствует противодействие партий <...> избрание некоторых лиц встречалось аплодисментами их единомышленников <...> по адресу некоторых избранных слышатся остроты и замечания». Выборы начались в половине 11 утра, а закончились в первом часу ночи [76]. Если даже 172 избирателя из возможных 1056, явившихся на выборы ярославской городской думы 23 января 1905 г., вызывали, по свидетельству корреспондента «Северного края» «необычайное оживление», то сложно себе представить, каким хаотичным и неуправляемым мог стать процесс городских выборов при полной явке избирателей, большинство из которых составляли мещане и крестьяне [77].

В ряде случаев предвыборные собрания имели обратный эффект, вызванный враждебностью и разобщенностью различных группировок гласных. «Предвыборное собрание в настоящее время потеряло всякое значение ... выдали все тайны собрания тем лицам, которые были предназначены к забаллотированию. Получился большой абсурд. Многие уже успели поссориться», – отмечали в газете «Голос» в 1914 г. [78]. В Рыбинске не было и желания проводить предвыборные собрания. «Такой могильный покой избирателей лишь на руку и в пользу сторонников

старого порядка, группирующихся вокруг городского головы К. И. Расторгуева», – отмечали в той же газете [79].

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование показало, что трудовая повседневность гласных городских дум и членов городских управы, в которые часто и избирались лица, состоящие гласными, была активной и разнообразной. Внешняя демонстрация гласными верноподданнических настроений часто не подкреплялась их реальной работой на благо общества. Высоким был уровень пропуска гласными заседаний городских дум, частыми были случаи ухода с уже открывшихся заседаний. Нередко гласные проявляли равнодушие к решению вопросов общественного значения, с интересом относясь к решению своих вопросов.

Случались и профанации парламентарного характера собраний городских дум, когда все важнейшие вопросы предreshались в частных совещаниях гласных. Выявленные черты трудовой повседневности гласных с большой долей вероятности могут свидетельствовать о незрелости учреждений городского общественного управления в рассматриваемый нами период, о неготовности городских деятелей к серьезной общественной работе. Отмеченные выше тенденции приводили к периодическим конфликтам в городских думах. Повседневные практики, порождаемые процедурой выборов в городские думы, также свидетельствуют об архаизации этого института, который усиливали вполне объективные причины: неграмотность и малограмотность подавляющего числа избирателей.

Список литературы

1. Курьянович А. В. История повседневности: особенности подхода, цели и методы // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03. – 14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru / под общ. ред. В. В. Керова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 35–45. EDN: RRBPVX
2. Пушкарева Н. Л. Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21. EDN: SEELED

3. Саран А. Ю. Соколов М. В. Повседневность службы чекиста 1920-х гг. // История: факты и символы. – 2020. – № 2(23). – С. 7–21. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-7-21. EDN: LSGAWU

4. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017. 680 с. EDN: XWSPVP

5. Перова М. А. Трудовая повседневность детей 1920-х гг. (на материалах ГАКО) // Повседневность российской провинции XIX–XXвв.: материалы Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 5–6 ноября 2013 г.): в 2. ч. Ч. 2. / отв. ред. Е. С. Субботина. – Пермь, 2013. – С. 84–87. EDN: USPQOV

6. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 320 с. EDN: YGDNIP

7. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: Сборник научных работ / отв. ред. М. М. Кром. – СПб., 2013. – С. 7–14. EDN: YWDHEK

8. Бурлуцкая Е. В. Абдрахманов К. А. Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 544–562. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562. EDN: AEONUY

9. Сергеенко М. А. Оноприенко И. Г. Повседневные практики членов городских общественных управлений Российской империи в конце XIX–начале XX вв. на материалах Курской губернии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – № 22(271). – С. 125–132. EDN: ZWTHKB

10. Бессонова Т. В. Повседневные практики общественной деятельности казанских мещан в системе городского самоуправления (конец XVIII–первая половина XIX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 6. – С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.5. EDN: UYFCYM

11. Краснова Е. В. Повседневное взаимодействие ставропольской городской управы с населением города на рубеже XIX–XX вв. // Поволжский вестник науки. – 2022. – № 4(26). – С. 38–41. EDN: DZLNMQ

12. Белов М. Ю. О создании и развитии системы местного самоуправления в конце XIII – начале XX вв. (на примере Ярославля) // Власть и город: история и современность: материалы докладов научной конференции 25 мая 2000 г. Ярославль, 2001. – С. 8–14. EDN: YTWJQJ

13. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1881. – 13 февраля.

14. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1872. – 15 мая.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3252.

16. Еремян В. В. Федоров М. В. История местного самоуправления в России (XII–начало XX вв.) М.: изд-во РУДН, 1999. 295 с. EDN: IIQOZD

17. Сообщения с мест // Городское дело. – 1911. – № 1. – С. 50–54.

18. Государственный архив Ярославской области в городе Рыбинске (РБФ ГАЯО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 3711.

19. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1883. – 27 мая.

20. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1880. – 16 сентября.

21. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 512. Оп. 1. Д. 713.
22. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1901. – 26 июня.
23. Речь городского головы И. А. Вахромеева, произнесенная на заседании городской думы 21 апреля 1885 года, в день столетнего юбилея Городовой грамоты Екатерины II // Ярославская старина. Исторический журнал. – 1995. – Вып. 2. – С. 49–61.
24. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1886. – 2 сентября.
25. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – 16 марта.
26. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1896. – 31 марта.
27. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1896. – 20 ноября.
28. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1897. – 9 марта.
29. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1897. – 28 сентября.
30. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1899. – 20 января.
31. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1899. – 13 марта.
32. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1885. – 4 января.
33. Сообщения с мест // Городское дело. – 1911. – № 20. – С. 1446–1450.
34. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1883. – 10 июня.
35. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1884. – 3 апреля.
36. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1886. – 27 июня.
37. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1887. – 17 февраля.
38. Государственный архив Ярославской области в городе Ростове (РСФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 371.
39. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1893. – 29 января.
40. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1892. – 1 декабря.
41. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3314.
42. Голос. – 1913. – 11 декабря.
43. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1878. – 6 ноября.
44. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1883. – 11 января.
45. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1892. – 1 декабря.
46. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1414.
47. Государственный архив Ярославской области в городе Угличе (УГФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 428.
48. Голос. – 1911. – 10 февраля.
49. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. – 1882. – 15 января.
50. Голос. – 1910. – 9 апреля.
51. Голос. – 1910. – 16 мая.
52. Голос. – 1911. – 23 апреля.
53. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1552.
54. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1121.
55. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2618.
56. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3378.
57. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864.
58. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3376.
59. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3380.
60. Голос. – 1913. – 13 сентября.
61. Северный край. – 1899. – 7 ноября.
62. Северный край. – 1900. – 5 февраля.
63. Северная речь. – 1906. – 24 сентября.

64. Северные вести. – 1908. – 26 сентября.
65. Северный край. – 1899. – 30 января.
66. Северный край. – 1902. – 9 ноября.
67. Голос. – 1909. – 26 апреля.
68. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2716.
69. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2478.
70. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1211.
71. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1402.
72. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3382.
73. Северный край. – 1902. – 21 марта.
74. Голос. – 1914. – 24 февраля.
75. Голос. – 1914. – 3 мая.
76. Голос. – 1910. – 4 апреля.
77. Северный край. – 1905. – 25 января.
78. Голос. – 1914. – 18 января.
79. Голос. – 1914. – 19 января.

Daily Life of Employees of Municipal Public Administration in Yaroslavl Province in the Late 19th – early 20th Century

Yaroslav V. Punevsky

Based on the extensive use of periodical press data and unpublished documents from the collections of Russian archives, the article characterizes daily life of members of city dumas and councils in the Yaroslavl province cities in the late 19th – early 20th century. In this paper, the author focuses on the daily work of city public administration bodies' employees, excluding their private lives from the subject of the study. The main everyday practices of city council members were clerical work, operating the city's financial resources, supervision and control over the expenditure of funds. The daily routine of public city councils centered around periodic city elections, meetings of city councils, ceremonial receptions, awards and rewards for good service or for active participation in charitable activities for the benefit of society. The study of these aspects of daily life of employees of urban public administration bodies has revealed a number of negative aspects in their life: the absenteeism of councilors of urban dumas, their class polarization, provoking conflicts, the lack of development of civic consciousness in their environment, the archaic nature of the city elections procedure.

Key words: city public administration, city Duma, city council, councilors, everyday life, Yaroslavl province, duties, meetings, elections.

For citation: Punevsky, Ya. V. (2024) Povsednevnyaya zhizn' sluzhashchih organov gorodskogo obshchestvennogo upravleniya v Yaroslavskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka [Daily Life of Employees of Municipal Public Administration in Yaroslavl Province in the Late 19th – early 20th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 127–145. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2024_1_127. EDN: QCQOMR

References

1. Kur'yanovich, A. V. (2001) *Istoriya povsednevnosti: osobennosti podhoda, celi i metody* [The history of everyday life: features of the approach, goals and methods]. *Istoriya v XXI veke: Istoriko-antropologicheskij podhod v prepodavanii i izuchenii istorii chelovechestva* [History in the 21st century: Historical and anthropological approach to teaching and studying the history of mankind]. *Materialy mezhdunarodnoj internet-konferencii, prohodivshej 20.03. – 14.05.2001 na informacionno-obrazovatel'nom portale www.auditorium.ru*. Ed. V. V. Kerova. M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond. Pp. 35–45. (In Russ.). EDN: RRBPVX
2. Pushkareva, N. L., Lyubichankovskij, S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the Annals School to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. Vol. 4. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.). EDN: SEELED
3. Saran, A. YU, Sokolov, M. V. (2020) *Povsednevnost' sluzhby chekista 1920-h gg.* [The daily routine of the security officer's service in the 1920s]. *Istoriya: fakty i simvol'y* [History: facts and symbols]. No. 2 (23). Pp. 7–21. (In Russ.). DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-7-21. EDN: LSAWU
4. Ganin, A. V. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom* [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.). EDN: XWSPVP
5. Perova, M. A. (2013) *Trudovaya povsednevnost' detej 1920-h gg. (na materialah GAKO)*. *Povsednevnost' rossijskoj provincii XIX–XX vv.* [The everyday life of the Russian province of the 19th – 20th centuries]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Perm', 5–6 noyabrya 2013 g.)*. Vol. 2. Eds. E. S. Subbotina. Perm'. Pp. 84–87. (In Russ.). EDN: USPQOV
6. Orlov, I. B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: historical and sociological aspects of its formation]. Moscow: izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.). EDN: YGDNIP
7. Krom, M. M. (2013) *Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya (vmesto predislavija)* [Everyday life as a subject of historical research (instead of a preface)]. *Istoriya povsednevnosti: Sbornik nauchnyh rabot* [The history of everyday life: A collection of scientific papers]. Ed. M. M. Krom. Saint-Petersburg. Pp. 7–14. (In Russ.). EDN: YWDHEK
8. Burluckaya, E. V. Abdrahmanov, K. A. (2020) *Specifika trudovoj povsednevnosti orenburgskih kupcov, vedushchih trgovlyu s Aziej v XIX v.* [The specifics of the daily work of Orenburg merchants trading with Asia in the 19th century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN of Russia. Series: The History of Russia]. Vol. 19. No. 3. Pp. 544–562. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562. (In Russ.). EDN: AEONIY
9. Sergeenko, M. A., Onoprienko, I. G. (2017) *Povsednevnyye praktiki chlenov gorodskih obshchestvennyh upravlenij Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX vv. na materialah Kurskoj gubernii* [Daily practices of members of the city public administrations of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries based on the materials of the Kursk province]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science]. No. 22 (271). Pp. 125–132. (In Russ.). EDN: ZWTHKB
10. Bessonova, T. V. (2016) *Povsednevnyye praktiki obshchestvennoj deyatel'nosti kazanskikh meshchan v sisteme gorodskogo samoupravleniya (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Daily practices of public activity of Kazan burghers in the system of urban self-government (late 18th – first half of the 19th century)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. No. 6. Pp. 5–15. (In Russ.). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.5. EDN: UYFCYM
11. Krasnova, E. V. (2022) *Povsednevnoe vzaimodejstvie stavropol'skoj gorodskoj upravy s naseleniem goroda na rubezhe XIX–XX vv.* [The daily interaction of the Stavropol city council with the population of the city at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Povolzhskij vestnik nauki* [Volga Region Bulletin of Science]. No. 4(26). Pp. 38–41. (In Russ.). EDN: DZLNMQ
12. Belov, M. YU. (2001) *O sozdanii i razviii sistemy mestnogo samoupravleniya v konce XIII – nachale XX vv. (na primere Yaroslavl'ya)* [On the creation and development of the local government

system in the late 13th – early 20th centuries (using the example of Yaroslavl). *Vlast' i gorod: istoriya i sovremennost'* [Power and the City: history and modernity]. Materialy dokladov nauchnoj konferencii 25 maya 2000 g. Yaroslavl'. Pp. 8–14. (In Russ.). EDN: YTWJQJ

13. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1881. 13 fevralya. (In Russ.)

14. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1872. 15 maya. (In Russ.)

15. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [The Russian State Historical Archive (hereinafter – RGLA)]. F. 1287. Op. 38. D. 3252. (In Russ.)

16. Eremyan, V. V. Fedorov, M. V. (1999) *Istoriya mestnogo samoupravleniya v Rossii (XII – nachalo XX vv.)* [The history of local self-government in Russia (12th – early 20th centuries)]. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.). EDN: IIQOZD

17. *Soobshcheniya s mest* [Local news]. *Gorodskoe delo* [Urban Business magazine]. 1911. No. 1. Pp. 50–54. (In Russ.)

18. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti v gorode Rybinske* [The State Archive of the Yaroslavl region in the city of Rybinsk (hereinafter – RBF GAYAO)]. F. 9. Op. 1. D. 3711. (In Russ.)

19. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1883. 27 maya. (In Russ.)

20. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1880. 16 sentyabrya. (In Russ.)

21. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti* [The State Archive of the Yaroslavl region (hereinafter – GAYAO)]. F. 512. Op. 1. D. 713. (In Russ.)

22. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1901. 26 iyunya. (In Russ.)

23. Rech' gorodskogo golovy I. A. Vahromeeva, proiznesennaya na zasedanii gorodskoj dumy 21 aprelya 1885 goda, v den' stoletnego yubileya Gorodovoj gramoty Ekateriny II [The speech of the mayor I. A. Vakhrameev, delivered at a meeting of the City Duma on April 21, 1885, on the day of the centenary of the City Charter of Catherine II]. *Yaroslavskaya starina. Istoricheskij zhurnal* [Yaroslavl antiquity. Historical Magazine]. 1995. Vol. 2. Pp. 49–61. (In Russ.)

24. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1886. 2 sentyabrya. (In Russ.)

25. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1904. 16 marta. (In Russ.)

26. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1896. 31 marta. (In Russ.)

27. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1896. 20 noyabrya. (In Russ.)

28. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1897. 9 marta. (In Russ.)

29. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1897. 28 sentyabrya. (In Russ.)

30. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1899. 20 yanvarya. (In Russ.)

31. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' neoficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The unofficial part]. 1899. 13 marta. (In Russ.)

32. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1885. 4 yanvarya. (In Russ.)

33. *Soobshcheniya s mest* [Local news]. *Gorodskoe delo* [Urban Business magazine]. 1911. No. 20. Pp. 1446–1450. (In Russ.)

34. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1883. 10 iyunya. (In Russ.)

35. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1884. 3 aprelya. (In Russ.)

36. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1886. 27 iyunya. (In Russ.)

37. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1887. 17 fevralya. (In Russ.)
38. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti v gorode Rostove* [The State Archive of the Yaroslavl region in the city of Rostov (hereinafter – RSF GAYAO)]. F. 2. Op. 1. D. 371. (In Russ.)
39. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1893. 29 yanvaryaya. (In Russ.)
40. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1892. 1 dekabrya. (In Russ.)
41. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 3314. (In Russ.)
42. *Golos* [The voice newspaper]. 1913. 11 dekabrya. (In Russ.)
43. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1878. 6 noyabrya. (In Russ.)
44. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1883. 11 yanvaryaya. (In Russ.)
45. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1892. 1 dekabrya. (In Russ.)
46. RBF GAYAO. F. 9. Op. 1. D. 1414. (In Russ.)
47. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti v gorode Ugliche* [The State Archive of the Yaroslavl region in the city of Uglich (hereinafter – UGF GAYAO)]. F. 2. Op. 1. D. 428. (In Russ.)
48. *Golos* [The voice newspaper]. 1911. 10 fevralya. (In Russ.)
49. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti. CHast' oficial'naya* [Yaroslavl provincial Gazette. The official part]. 1882. 15 yanvaryaya. (In Russ.)
50. *Golos* [The voice newspaper]. 1910. 9 aprelya. (In Russ.)
51. *Golos* [The voice newspaper]. 1910. 16 maya. (In Russ.)
52. *Golos* [The voice newspaper]. 1911. 23 aprelya. (In Russ.)
53. RBF GAYAO. F. 9. Op. 1. D. 1552. (In Russ.)
54. RBF GAYAO. F. 9. Op. 1. D. 1121. (In Russ.)
55. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 2618. (In Russ.)
56. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 3378. (In Russ.)
57. UGF GAYAO. F. 2. Op. 1. D. 864. (In Russ.)
58. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 3376. (In Russ.)
59. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 3380. (In Russ.)
60. *Golos* [The voice newspaper]. 1913. 13 sentyabrya. (In Russ.)
61. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1899. 7 noyabrya. (In Russ.)
62. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1900. 5 fevralya. (In Russ.)
63. *Severnaya rech'* [Northern Speech newspaper]. 1906. 24 sentyabrya. (In Russ.)
64. *Severnye vesti* [Northern News newspaper]. 1908. 26 sentyabrya. (In Russ.)
65. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1899. 30 yanvaryaya. (In Russ.)
66. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1902. 9 noyabrya. (In Russ.)
67. *Golos* [The voice newspaper]. 1909. 26 aprelya. (In Russ.)
68. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 2716. (In Russ.)
69. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 2478. (In Russ.)
70. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 1211. (In Russ.)
71. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 1402. (In Russ.)
72. GAYAO. F. 137. Op. 1. D. 3382. (In Russ.)
73. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1902. 21 marta. (In Russ.)
74. *Golos* [The voice newspaper]. 1914. 24 fevralya. (In Russ.)
75. *Golos* [The voice newspaper]. 1914. 3 maya. (In Russ.)
76. *Golos* [The voice newspaper]. 1910. 4 aprelya. (In Russ.)
77. *Severnyj kraj* [The Northern Territory newspaper]. 1905. 25 yanvaryaya. (In Russ.)
78. *Golos* [The voice newspaper]. 1914. 18 yanvaryaya. (In Russ.)
79. *Golos* [The voice newspaper]. 1914. 19 yanvaryaya. (In Russ.)

Об авторе

Пуневский Ярослав Викторович, аспирант, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация; e-mail: moskva221090an@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-7459-6538

About the author

Punevsky Yaroslav V., Postgraduate student, State University of Education, Moscow, Russian Federation; e-mail: moskva221090an@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-7459-6538

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024
Одобрена после рецензирования 20.01.2024
Принята к публикации 29.01.2024*

Эволюция мотивов и повседневных практик стахановцев

Н. Д. Козлов

В статье на основе воспоминаний участников стахановского движения и опубликованных документов эпохи дана характеристика ценностей, трудовой и бытовой повседневности его участников. Представлен краткий обзор историографии стахановского движения. Рассмотрена эволюция мотивов, которыми руководствовались стахановцы и их приоритетность. Охарактеризованы изменения, происходившие в трудовой и бытовой повседневной жизни, формы основных трудовых и бытовых практик повседневности. Особое внимание уделено формированию новых мотивов и запросов, нравственных и духовных ценностей, роли общественного признания. Показано влияние участия в движении на повседневную жизнь, гендерные и семейные отношения. Сделан вывод о том, что участие в движении было одним из важнейших социальных лифтов, позволявших подняться по социальной лестнице, приобрести высокий общественный статус, стать успешными, уважаемыми членами общества.

Ключевые слова: стахановцы, историография, трудовая и бытовая повседневность, мотивы, культура, производственная культура, образование, рационализация, нравственные и духовные ценности, гендерные и семейные отношения, трудовой героизм, общественное признание.

Для цитирования: Козлов Н. Д. Эволюция мотивов и повседневных практик стахановцев // Историю повседневности. – 2024. – № 1. – С. 146–165. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_146. EDN: TTQDCA

Введение

В истории страны 30-х годов XX в. важным политическим, социально-экономическим и культурным явлением было стахановское движение, которое вслед за угольной, получило широкое распространение в различных отраслях народного хозяйства – машиностроении и металлургии, текстильной и легкой промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и других. Став своеобразным средством ускорения развития, оно было примером, помогавшим в движении вперед, являлось символом великой эпохи и новых ценностей нашего государства. По данным настольного календаря 1941 г. в тяжелой промышленности в 1938 г. было 35 % стахановцев, в оборонной в начале 1939 г. – 40 % стахановцев и столько же ударников, в металлургии соответственно 200 и 100 тыс., на железнодорожном транспорте до 567 тыс.¹

Россия в очередной раз столкнулась с крайне опасными вызовами огромного масштаба стратегического характера, обострилась проблема укрепления собственного экономического потенциала, обеспечения безопасности и обороноспособности государства, что требует в первую очередь подготовки кадров, повышения их трудовой активности, воспитания у молодежи уважения к людям труда.

В связи с этим важно сформировать не только экономические, но и нравственные, ценностные стимулы, способствующие повышению трудовой активности. В этом отношении интересно и актуально обращение к стахановскому движению, которое ориентировалось не только на трудовой энтузиазм и материальные результаты, но и постоянное повышение технической квалификации, рационализацию труда, передовые методы работы и новации, социальный и культурный рост работников.

В отечественной историографии стахановскому движению посвящено значительное количество работ. Однако дискуссии о мотивах, социальных и экономических последствиях стахановского движения продолжаются.

В 1930–40-е гг. в большинстве случаев издавались небольшие по объему, включая «карманные издания», преимущественно

¹ Трудовая слава: как развивалось движение передовиков-стахановцев-Реальное время [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/article/228922-trudovaya-slava-kak-razvivalos-dvizhenie-peredovikov-stahanocev> (дата обращения: 25.10.2023).

популярные работы, пропагандистского характера. Их авторы познакомили читателей со стахановским движением в различных отраслях и регионах страны, городах и на отдельных предприятиях, обобщали опыт и методы работы стахановцев, описывали их личные истории [1–9]. Тогда же появились и первые зарубежные издания о стахановском движении, написанные преимущественно журналистами [10–12].

В 1950–70-х гг. выходили обобщающие труды, по-прежнему не лишённые идеологизации, которые характеризовали положительные аспекты стахановского движения, его социально-экономическую суть, акцентировали внимание на положительных результатах [13–17].

В перестроечный и постперестроечный период, как в отечественной, так и зарубежной историографии [18–19] все больше внимания стали уделять изучению мотивов принуждения, критике оценок стахановского движения предшественниками, акцентировать внимание на его отрицательные стороны, идеологизацию и популизм, ставить под сомнения инициативность и успехи участников, социальную значимость начинания.

Отдельные авторы зарождение движения объясняют лишь стремлением получать более высокую заработную плату, «запугиванием всех сомневающихся», утверждают, что оно «носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер» [20], злоупотребляют оценочными суждениями и эмоциями.

П. А. Чемоданов, в свою очередь обращает внимание на то, что до сих пор не раскрыт весь комплекс факторов, характеризующих данное явление. Во второй половине 1930-х гг. 73,5 % стахановцев были в возрасте до 35 лет. Он справедливо подчеркивает, что эти люди формировались в новых общественно-политических условиях, под воздействием советской идеологии и пропаганды, новых тенденций в культуре. В результате стахановцы, по мнению историка, представляли новый тип советского человека, для которого были характерны общие культурно-психологические черты: вовлеченность в процесс строительства нового общества и стремление соответствовать его идеологическим установкам; желание не быть «на последнем месте» в своей отрасли, пробуждавшее состоятельность; коллективизм, переживание за успехи и неудачи

своих предприятий; «дух новаторства и стремление к повышению профессионального и культурного уровня» [21].

Принимая и разделяя эти характеристики, опираясь на реальные исторические факты и свидетельства современников, рассмотрим в статье эволюцию этих и других характерных черт стахановцев в процессе бытовой и трудовой повседневности. «Ведь социалистическое соревнование – это не только цифры в отчетах, это переживания людей, для которых труд стал смыслом жизни», – писала знатная ткачиха М. И. Виноградова, справедливо подчеркивая, что часто остается нераскрытым «то, что стояло за этими рапортами, что двигало людьми, совершавшими рекорды, какая у них была борьба, радости, обиды и, самое главное, какой вдохновенный труд наполнял их жизнь» [22, с. 7].

Результаты

Для понимания мотивов, включая материальную заинтересованность, стремление к повышению заработной платы, которая была одной из главных первопричин ударничества, что признавали и о чем с гордостью говорили корреспондентам и с трибуны Первого всесоюзного совещания рабочих и работниц стахановцев, отмечая, что заработная плата выросла в 3–5 и более раз, как сами участники движения, так и руководители страны [23; с. 18, 25, 80, 139, 368–369 и др.], важно вспомнить материально-бытовые условия жизни населения в предшествующий период.

Значительная часть будущих стахановцев были выходцами из деревни, многие из которых с детских лет работали на кулаков, в большинстве своем они были беспартийными, многие были малограмотными или безграмотными, имели низкий культурный уровень. Условия их жизни ярко и образно охарактеризовал Д. Бедный по воспоминаниям брата первой трактористки П. Н. Ангиной в поэме «Цветы и корни»:

«Избушка наша-хлев точней,
Где клоп царил и нас тиранил, —
Мой дед не мог сказать о ней,
Кто и когда ее сварганил.
В ней, отжившей долгий век,

Как приходило время к ночи,
Семейство в десять человек
Сбивались мы, как сельди в бочке
Все спали вместе. Теснота...
– А десять ртов насытить просто ль?
Так все черствым хлебом вдосталь
Не наедались никогда»¹

Будущий стахановец, комбайнер, Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии, получивший в 1950 г. высшее образование и ставший доцентом Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, К. А. Борин в 1920-е гг. начал крестьянствовать, не имея лошади и коровы, денег для приобретения семян. В хозяйстве была одна курица [22; с. 320–321].

В свою очередь ткачиха А. Н. Виноградова отмечала, что раньше семья жила в стесненных условиях, ей вместе с братом приходилось спать под кроватью и она «работала неохотно» поскольку производимую ею ткань из-за маленького заработка она не могла купить [23, с. 222]. Московский фрезеровщик, стахановец И. И. Гудов вспоминал, что в 1935 г. впервые в жизни сшил костюм, а до этого «носил, как правило, не новые вещи» [22, с. 43].

В связи с низким жизненным уровнем, стесненными жилищными условиями стремление больше зарабатывать, чтобы повысить личное благосостояние, приобрести одежду и обувь, необходимые предметы домашнего обихода было естественным. Заинтересованность в повышении заработной платы способствовала повышению производительности труда, а заработки ударников имели агитационное значение. Играло определенную роль и элементарное самолюбие – желание не быть хуже других. «Каждый человек, – говорил А. Х. Бусыгин, – хочет быть заметным» [22, с. 520].

В дальнейшем позитивную роль в этом процессе играли другие экономические механизмы – преодоление уравниловки, введение сдельной оплаты труда.

В свою очередь государство и предприятия стимулировали стремления рабочих-стахановцев к повышению производительности труда не только общественным признанием, вы-

¹ Прасковья Никитична Ангелина – первая трактористка [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-31871956_55197 (дата обращения: 26.09.2023).

сокими заработками и премиями, но и различными льготами и подарками: квартирами, оказанием помощи в их ремонте, организации доставки продуктов на дом ударникам, путевками в дома отдыха и санатории, велосипедами, а в отдельных случаях и автомобилями, другими материальными благами. Внимание и забота в свою очередь способствовали повышению заинтересованности в общем деле.

По мере роста благосостояния стахановцев, как отмечала сверловщица Н. И. Славникова, вставал вопрос – «Куда девать деньги?» [23, с. 42], что способствовало формированию новых запросов и потребностей более высокого уровня.

Выступая на совещаниях и встречах с представителями властей, стахановцы говорили не только о производственных показателях и методах своей работы. Вслед за шахтером М. А. Дюкановым, который заявил, что «нам нужна культурная жизнь», подчеркнул стремление «жить еще лучше, еще культурнее» [23, с. 30], ударники говорили о необходимости увеличения производства качественных товаров повседневного спроса (одежды, обуви, продуктов), особо ставили вопрос о возможности приобретать товары культурно-бытового назначения – велосипеды, музыкальные инструменты, пианино, патефоны, пластинки, радиоприемники и другие, чтобы, как заявил кузнец А. Х. Бусыгин, «квартиру получше обставить» [23; с. 31, 139, 166, 269].

В результате многие стахановцы отмечали как растущее материальное благосостояние, так и существенные изменения условий повседневной жизни. Ивановская ткачиха А. Н. Виноградова в выступлении отмечала, что приехала с курорта и подчеркнула, что ей 45 лет, но она не чувствует усталости от работы потому, что хорошо питается и потому что «довольна своим семейным бытом, своими условиями, которые дают возможность быть здоровой и веселой» [23, с. 222]. В свою очередь машинист П. Ф. Кривонос отметил не только улучшение организации питания, но и изменения в проведении досуга. «Сейчас в любом клубе можно встретить паровозников, полно машинистов, – говорил он, – а раньше они не имели этих возможностей» [23; с. 19–20].

Между тем, всего лишь за несколько лет до этого, молодые строители Сталинградского тракторного завода, отличавшиеся энтузиазмом, верой в светлое будущее, аскетиз-

мом и уравнительностью в бытовой жизни, повседневно испытывали материальные лишения, как писал журналист Я. Ильин, участвовавший в строительстве завода, проявляли полное равнодушие к бытовым условиям в результате чего перестали пускать уборщиц в барак для уборки и проветривания комнат. «Ничего, – говорили они, – мы и с клопами проживем, – Не клопы решают вопрос...» [24, с. 46]. Возглавлявший в первой половине 1930-х гг. Магнитострой молодой инженер Я. С. Гугель, писал: «Считалось даже «неприличным», «несоциалистичным» уделять в такое время слишком много внимания личным удобствам» [25, с. 81].

Как отмечают в своих воспоминаниях стахановцы, покинув деревню и став рабочими, первоначально они не представляли, что будут выписывать газеты, покупать книги, посещать кинотеатры и театры. П. Н. Ангелина, бригадир первой женской тракторной бригады, призвавшая 100 тысяч девушек стать трактористками, в одном из своих выступлений говорила, как о достижении о наличии на полевом стане у каждой трактористки индивидуального полотенца, мыла и зубной щетки, о том, что трактористок приучили умыться и снять комбинезон после работы в поле, прежде чем сесть за обеденный стол. Кроме того, отмечала она, «мы делаем вот так: если трактористка грязная, не смей подходить к трактору»¹.

Одновременно происходили изменения и на производстве, где ранее отсутствие опыта, малограмотность и профессиональная некомпетентность сопровождалась нетерпеливостью и штурмовщиной, следствием которых были частые аварии. На производстве стали преодолевать утопические надежды на то, что новая техника и энтузиазм молодых рабочих обеспечат высокие темпы производства. Пришлось начинать с укрепления дисциплины, наведения элементарной чистоты и порядка на рабочих местах. Г. Е. Трейдуб, назначенный в 1930 г. директором сталинградского завода «Красный Октябрь» рассказывал, что вокруг и во дворе завода везде была грязь. «Всюду было набросано, захламяно, вспоминал он. – Я смотрел и удивлялся, как паровозы могут ходить по пути, который

¹ Документальная литература: Биографии и мемуары: П. Н. Ангелина Депутат Верховного Совета СССР [Электронный ресурс]. URL: rulibs.com/ru_zar/nonf-biography/kollektiv avtorov/2/37.html (дата обращения: 29.10.2023).

загажен, находиться в беспорядке. Узнал, что паровозы часто сходят с рельсов, а иногда просто опрокидываются»¹.

Бывшие крестьяне, строившие предприятия, становились рабочими. Очень часто они были неграмотны, технически неподготовлены, не имели необходимых умений и навыков. В результате «мы ломали станки, рассказывал А. М. Горькому один из рабочих, – ломали, конечно, не только потому, что «юность непрактична» и самонадеянна, а потому, что сложнейшие станки попадали в руки примитивных деревенских людей»².

В процессе освоения новых станков и оборудования, нередко случалось, когда неопытные, технически не подготовленные рабочие пытались выбивать испорченную деталь кувалдой, которую, имея опыт и навыки, можно было легко вывернуть пальцем. В результате такого «усердия» станок, приобретенный за рубежом, приходил в негодность. «Мы были примитивно безграмотны, учились как масло носить, а не только как станки смазывать..., – писал Я. Ильин. – Мы думали, что сойдет, лили грязное масло, и надо было долго убеждать и учить, как хранить масло, как переносить его, чтобы пыль не попадала, как не ставить масленки на грязный пол и тысячи других производственных «мелочей» [24, с. 46].

Для преодоления подобного положения, имевшего достаточно широкое распространение, на предприятиях вынуждены были проводить специальные занятия по организации и гигиене рабочего места.

Культура труда, рабочего места стала одним из источников успеха ударников, которые стали содержать их в чистоте, продуманно и рационально размещать инструменты, вспомогательные приспособления, заготовки. «Материал был разбросан – там початок, там шпулька, все валялось, даже глядеть страшно, – рассказывала о состоянии рабочих мест в конце 1920-х гг. ткачиха М. В. Лысякова. А сейчас, если вы придете на нашу фабрику – чистота и опрятность, вы ни одной шпульки, ни одного початка не найдете. Это говорит о том, что нас воспитала фабрика. Если початок валяется, его надо поднять – это же пятиалтынный!» [23; с. 80–81].

¹ «Даешь встречный!..» История Сталинграда. История Волгограда [Электронный ресурс]. URL: https://www.volgograd-history.ru/history/stalingrad/article_001.html (дата обращения: 30.10.2023).

² Горький М. Люди Сталинградского тракторного [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1366672/read-lyudi-stalingradskogo-traktornogo-maksim-gorkiy> (дата обращения: 29.09.2023).

Первые успехи шахтеров-ударников были достигнуты благодаря разделению труда и его культуры – чистоты рабочего места, точно и удобно расположенных инструментов, и вспомогательных приспособлений, заготовок, способствовавших рациональному режиму работы.

Практика вскоре показала, что этого недостаточно и стахановцы в различных отраслях стали требовать от руководства предприятий улучшения организации труда. Вслед за этим пришло понимание необходимости совершенствования технологии производства, усовершенствования и создания новых добавочных приспособлений, высокой производственной культуры. Директор Кировского завода К. М. Отс рост производительности труда и народный характер стахановского движения объяснял тем, что «растут технические знания, растёт культурность и повышается материальное благосостояние трудящихся» [23, с. 132].

Практика стахановского движения убеждала его участников в том, что рост результативности труда невозможен без знаний, учебы. Во многих случаях обучение приходилось начинать с ликвидации неграмотности. «Я был почти совершенно неграмотным, едва умел подписываться, заказ на плавку прочитывал с трудом, – писал о себе сталевар М. Н. Мазай. – Я был комсомольцем активистом, но не читал ни газет, ни книг» [22, с. 133].

Наряду с преодолением неграмотности многие стали выписывать газеты и журналы, покупать книги, учились на практике и обучались без отрыва от производства на различных технических и курсах повышения квалификации, усваивали технический минимум, занимались самообразованием с целью более глубокого познания производственных процессов, в которых они участвовали. Стремление учиться чтобы овладеть и совершенствовать технику было характерно для всех стахановцев.

В дальнейшем государство создало благоприятные условия для их учебы. В 1936 г. только с одной шахты «Центральное-Ирмино» в высшие учебные заведения поступили 40 юношей и девушек, многие из которых в недалеком прошлом были неграмотны. Инициатор движения А. Г. Стаханов писал, что накануне видел платежную ведомость, где вместо подписи «сверху донизу стояли только крестики да палочки» [26, с. 147].

Несмотря на благоприятные условия, созданные государством и разностороннюю помощь преподавателей, учеба давалась нелегко. «Одни предметы приходилось изучать заново, другие – повторять и углублять. Мне все нужно было начинать с азов. ...Имевшая весьма смутное представление о грамматике, математике, литературе, – вспоминала ткачиха-многостаночница М. И. Виноградова период учебы в Академии легкой промышленности, –...единственное, чем я располагала в избытке, – желание учиться и воля» [22, с. 313].

Стремясь в первую очередь овладеть профилирующими дисциплинами, некоторые первоначально скептически относились к грамматике, географии, литературе, другим общеобразовательным дисциплинам, думая, что в практической работе это им не пригодится.

Понимание необходимости разностороннего образования приходило постепенно в результате личного примера преподавателей, по мере расширения кругозора и в спорах между собой. В недалеком прошлом с трудом расписывавшийся в платежной ведомости М. М. Концедалов спорил со своими товарищами в Промышленной академии, которые считали нецелесообразным изучать поэму А. С. Пушкина «Евгений Онегин», так как это, по их мнению, «ничем не поможет в шахтерской работе». «Пушкин поможет в любой работе! – убеждал он. – Потому что благодаря ему, мы станем образованными людьми. А мир открывается только широкообразованному человеку. Глядя на глобус, учишься узнавать и понимать мир [26, с. 152].

Многие стахановцы обучались с репетиторами и на специально созданных подготовительных курсах. Закончив высшие учебные заведения многие из них стали руководителями фабрик и заводов, руководящими работниками в наркоматах и других высоких выборных должностях. Часть же стахановцев – И. И. Гудов, П. Н. Ангелина, М. С. Демченко и другие, получив высшее образование, общественное признание, высокие награды, продолжали трудиться непосредственно в народном хозяйстве, сохраняли верность своей рабочей профессии.

Важным стимулом трудовой активности было растущее понимание характера новых социально-экономических отношений, взаимосвязи между общественными интересами и личными, искренняя вера в то, что работают для себя и на себя.

«Раньше нам не рассказывали на кого мы работаем, для чего, ничего мы не знали, – подчеркнула в своем выступлении на первом всесоюзном совещании московская ткачиха фабрики имени М. В. Фрунзе М. В. Лыскова. – Сегодня каждая ткачиха знает, куда эти средства идут, знает, что перевыполнение плана улучшает самую фабрику, детские сады, ясли, общественное питание и т. д. Все это зависит от организации, ...именно от выполнения плана» [23, с. 80].

Кузнец Горьковского автомобильного завода А. Х. Бусыгин в результате наблюдения за своими товарищами отмечал повышение их общественной и производственной активности объясняя сопереживание за общее дело тем, что «хозяевами завода себя почувствовали настоящими» [22, с. 528] и чувством удовлетворения своим вкладом в общее дело: «приятно осознавать, что от его работы зависит выполнение плана заводом» [26, с. 88].

По мере развития движения, роста профессионализма и сознательности его участников проявлялось неудовлетворенность достигнутым, укреплялось стремление к профессиональному совершенствованию, новаторству, самостоятельному созданию инструментов и приспособлений, способствующих ускорению производственного процесса.

Одновременно формировалось чувство гордости советского рабочего, появлялось стремление защитить его честь и достоинство. «Что заставило меня это сделать? – размышлял в своих воспоминаниях вчерашний чернорабочий, московский фрезеровщик И. И. Гудов. – Материальный интерес? Несомненно, это тоже было одним из стимулов. Но не только это заставило меня искать пути повышения своей выработки. ...Очень меня за живое заделали все эти разговоры, что советские рабочие – какие-то недотепы. Хотя фрезеровщиком я был новоиспеченным, но честь советского рабочего мне стала дорога, и я решил, что буду стоять на своем» [22, с. 48].

Г. Форд через своего представителя пытался пригласить кузнеца А. Х. Бусыгина для работы на автомобильных заводах в Детройте, соблазняя его «самыми лучшими условиями». В своих воспоминаниях А. Х. Бусыгин отмечал, что пока переводчик переводил, он возмущенный размышлял: «чтобы я, советский рабочий, которого государство за его труд окружило заботой, вниманием, с которым говорят самые большие люди в государ-

стве и к словам которого прислушиваются, чтобы я продался ему за деньги?». Стахановец расценивал это предложение как политическую диверсию, но сдержав возмущение и эмоции, он лаконично ответил через переводчика представителю Форда: «Пусть передаст мистеру Форду, что я работаю для своего народа, своей Родины» [22; с. 540–541].

В свою очередь токарь Невского завода имени В. И. Ленина А. В. Душенков побудительные мотивы высокой производительности труда, повышения качества продукции объяснял желанием «поставить СССР так», чтобы рабочие за границей имели пример и гордились им [23, с. 91]. «На хорошую работу меня толкало сознание, что каждый вал, который я сдаю на «отлично», – говорил бригадир группы коленчатых валов завода имени М. В. Фрунзе Ф. Л. Гуревич, укрепляет мощь нашей страны, расшатывает силы капитализма» [23, с. 92].

Подобные мысли и оценки были ярким показателем роста самосознания рабочих, а с другой стороны следствием недоверия и высокомерия по отношению к советским рабочим, порой хамского отношения к ним представителей западных фирм, у которых государство закупало станки и оборудование, а они осуществляли контроль за соблюдением технологии и технических требований к ним на советских заводах.

Одним из мотивирующих факторов и позитивных изменений в повседневной жизни было общественное признание труда и успехов ударников, способствовавшее повышению их социального статуса. Оно проявлялось и осуществлялось в разных формах и разными методами.

Проведение досуга все больше приобретало коллективный характер. После трудового дня люди шли в кино, посещали различные мероприятия в красных уголках, кружках и клубах, библиотеки, различные курсы и другие учебные заведения. Занимались художественной самодеятельностью, собирались вокруг гармониста, пели частушки и разные песни, плясали.

Прежде всего, их чествовали непосредственно на предприятиях, где проводили митинги, собрания, совещания, устанавливали доски почета, освещали их трудовые достижения в стенной, многотиражной, региональной, отраслевой и центральной печати. Им воздавали почести и предоставляли возможность делиться опытом и обмениваться им с другими

стахановцами и руководителями страны на всесоюзных и отраслевых совещаниях, районных, областных и всесоюзных съездах. Конференции, совещания и съезды имели не только пропагандистское значение, но и являлись одной из форм поощрений. Одновременно прославление стахановцев было методом воздействия на их самосознание, средством формирования образцов для подражания.

В стахановском движении как в промышленности, так и в сельском хозяйстве значительную роль играли женщины и девушки¹.

П. Н. Ангелина первой в 1933 г. организовала женскую тракторную бригаду и призвала девушек овладевать трактором, в 1936 г. в соревновании участвовало более тысячи женских тракторных бригад.

По призыву М. С. Демченко, которая на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. взяла обязательство вырастить в среднем с 1 гектара 500 центнеров сахарной свеклы, на Украине возникло движение пятисотниц, которыми наряду с инициатором движения, стали Е. Андрощук, Л. Лысенко, А. Швыдко, Х. Байдык, М. Гнатенко, М. Глоба, М. Матвиенко, М. Куценко и другие.

Во время поездок в Москву на всесоюзные и отраслевые съезды и совещания на крупных станциях стахановцев торжественно встречали и чествовали представители местных властей и общественных организаций, их последователи по движению. В Москве им показывали улицы и площади столицы, заводы и метро, они посещали музеи и театры. Их приветствовали и выступали перед ними высшие должностные лица государства, писатели, представители трудовых коллективов, общественных организаций. Все это оказывало сильное психоэмоциональное воздействие на сознание и самооценку, особенно девушек и женщин.

«Нам, простым крестьянским девушкам, уделили столько внимания и уважения!, – восторгалась член бригады П. Н. Ангелиной В. Е. Михайлова-Юрьева описывая поездку в Москву в январе 1936 г. – Мы мечтать об этом не могли», подчеркнув,

¹ Крутикова В. А. Специфика участия женщин в стахановском движении / История и обществознание/ Предметник. Международный педагогический журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.predmetnik.ru/categories/5/articles/744> (дата обращения: 27.10.2023).

что на всю жизнь запомнила встречу и теплые слова, сказанные Н. К. Крупской, М. И. Калининым, С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым и отметила, что на мебельной фабрике им подарили по шифоньеру, кровати и по шесть стульев. Тогда же М. И. Калинин вручил П. Н. Ангелиной орден Ленина, а членам её бригады – другие ордена¹. В ноябре 1935 г. двадцать две женщины-пятисотницы были награждены правительством орденами Ленина и еще 7 – орденами Трудового Красного Знамени².

Свои чувства, настроения и желание учиться и стать агрономом в эти дни в письме к брату, которого призывала также ударно работать и учиться, изложила М. С. Демченко. «...Я в жизни такая счастливая, что обо мне знает сейчас вся страна, даже больше – и за границей, в Америке знают обо мне, – писала она. – Так радостно стало мне жить на свете, потому что меня сейчас все уважают и любят Однако я бы хотела, чтоб все мы такие были, чтобы не я одна, а десятки и сотни таких были»³. Подобные чувства и устремления были характерны и для многих других инициативных женщин.

Изменение экономической и социальной роли женщин оказывало влияние на трансформацию гендерных отношений в обществе, разрушало устойчивые патриархальные традиции деревни. Основательница движения женщин-трактористок П. Н. Ангелина рассказывала на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 г., что все члены ее патриархальной греческой семьи, где женщинам запрещалось лезть в мужские дела, были категорически против того, чтобы она стала трактористкой. Не находила она по этому вопросу и понимания среди односельчан.

Когда П. Н. Ангелина создала первую женскую тракторную бригаду в 1932 г., «колхозники не верили, что мы сможем работать, – говорила она, – и отказывались от нас». Однако после того, как бригада заняла первое место в Старобешевской МТС, отмечала трактористка, «посыпались заявления от всех колхозов: пожалуйста, посылайте нам женскую бригаду взять на буксир наших трактористов мужчин» [27; с. 100–

¹ Прасковья Никитична Ангелина-первая трактористка [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-31871956_55197 (дата обращения: 29.10.2023).

² Шмерлинг В. Г. Мария Демченко. М.: Молодая гвардия, 1936. 77 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://vlshmerling.narod.ru/ar/0133.html> (дата обращения: 28.10.2023).

³ Там же.

101]. В 1936 г. в стране работало уже более тысячи женских тракторных бригад.

Салия Ташланова, представлявшая на съезде колхозников-ударников Узбекистана, говорила о том, что раньше у них «женщин не считали людьми, ...они являлись собственностью мужей». Она подчеркнула, что «до сих пор кое-где они находятся под чадрой», тем не менее «женщины выдвинулись в первые ряды», выполняют те же работы, как и мужчины и в заключение сделала вывод: «У нас женщины – лучшие ударницы, чем мужчины» [27; с. 97–98].

В повседневной жизни и ментальности женщин-стахановцев происходили хозяйственно-экономические, нравственные и психологические изменения, которые оказывали влияние на семейную жизнь и отношения. Наряду с доминирующими традиционными нормами, формировавшимися на протяжении столетий, в семейно-бытовых отношениях зарождались новые нормы взаимоотношений. Наряду с сомнениями, прениями и противоборством в семьях по поводу нового, которые в отдельных случаях заканчивались расторжением браков, как отмечали участницы, мужья стали сопереживать их начинаниям, поддерживать и помогать им, брать на себя часть домашней работы, «которая раньше считалась только бабьим делом». Некоторые следовали примеру жен и становились активными ударниками¹.

Рост самоуважения за собственный труд и его результаты способствовал росту гражданского самосознания, стимулировал стремление к равноправию полов. Заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлев в докладе об Уставе сельскохозяйственной артели на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в связи с этим счел целесообразным рассказать о разговоре с животноводом П. П. Фоминой, представлявшей на съезде Северный край, которую спросил, не вышла ли она замуж после смерти мужа. «Говорит – нет. Спрашиваю – почему? Говорит – «пары пока не находится, а топиться мне некуда. Кабы было, как в 1929 году, за любого пошла бы с двумя детьми да со свекровью, а теперь – 600 трудодней!» [27, с. 34]. «Год тому назад никто ко мне на двор из женихов заглядывать не хотел. Бесприданница! – рассказывала дру-

¹ Шмерлинг В. Г. Указ. соч.

гая стахановка. – Теперь у меня пятьсот трудодней. И что же? Отбою нет от женихов, хотят, говорят, жениться, а я еще посмотрю, сама выбрать буду женишков»¹.

Обсуждение и выводы

Анализ мотивации и эволюции повседневной трудовой и бытовой жизни участников движения приводит к выводу о том, что несмотря на имевшие место издержки, получившие отражение в современной литературе, это массовое движение было не только важным средством повышения производительности труда, но и средством и способом раскрытия способностей участников, самореализации личности.

Мотивы участия в движении стахановцев и ударников эволюционировали от личной материальной заинтересованности – стремления к увеличению своей зарплаты, получения других форм материального поощрения и бытовых привилегий к более высоким – профессионально самореализоваться, приобрести более высокий социальный статус. В тоже время, несмотря на стремление соответствовать идеологическим установкам, популизм и преувеличение, имевшими место в пропаганде того времени, не являлось вымыслом и понимание общественной значимости их труда, патриотизм, гордость за страну и желание помочь ей, стремление к ее укреплению, поддержанию и защите чести советского рабочего.

Эволюционировали и практики трудовой и бытовой повседневности. В начальный период движения его участники первоочередное внимание уделяли разделению трудовых операций, совершенствованию организации управления производством, наведению элементарного порядка и гигиене труда, овладению новой техникой.

Вслед за этим в повседневных трудовых практиках актуальным стал пересмотр режима работы и технических условий оборудования, совершенствование технологии производства, рационализация использования оборудования и собственных действий, усовершенствование и изобретение добавочных приспособлений и рабочего инструмента.

Высокая производственная культура – чистота рабочего места, бережное отношение к оборудованию и инструмен-

¹ Крутикова В. А. Указ. соч.

там, рациональное расположение их, правильная организация рабочего места в целом стали характерной чертой трудовой практики стахановцев.

В бытовой повседневности практики эволюционировали от стремления к удовлетворения элементарных потребностей в пище, одежде и жилье к приобретению предметов культурно-бытового назначения, «а с улучшением материального положения, – писал А. Г. Стаханов, – возникла и жажда знаний, стремление к науке» [26, с. 99]. Шел процесс ликвидации неграмотности и малограмотности, обучение на различных курсах, а затем и в высших учебных заведениях, формировалась потребность читать книги и газеты, а вслед за этим смотреть кино и посещать театры.

Характерной чертой повседневности был рост общественной активности, участие в собраниях и совещаниях, съездах, печати, избрание депутатами Советов разных уровней и т. д. Все шире приобретал коллективный характер досуг, повышался уровень его культуры.

Исторические факты свидетельствуют, что движение стахановцев и ударников было одним из важнейшим социальных лифтов, позволявших вчерашним неграмотным беднякам подняться по социальной лестнице, приобрести высокий социальный статус, стать успешными, уважаемыми членами общества.

Список литературы

1. Воронин В. Е. Наши стахановцы. Петрозаводск: б. и., 1936. 82 с.
2. Евгеньев Е. Я. За стахановскую работу водного транспорта. М.: Газ. «Водный транспорт», 1936. 68 с.
3. Ерманский О. А. Стахановской движение и стахановские методы. М.: Соцгиз, 1940. 372 с.
4. Ефремов В. С. Новое в стахановском движении: опыт Кировского завода. Л.: Лениздат, 1940. 77 с.
5. Коротченков Н. И. Кожевники-стахановцы Ленинграда. М.; Л.: Гизлегпром, 1935. 52 с.
6. Московские стахановцы. Литературные портреты: очерки. М.: Московский рабочий, 1936. 579 с.
7. Первые стахановцы Горьковского края. Горький: Горьк. изд-во, 1935. 70 с.
8. Стахановцы города Ленина очерки. Л.: Лениблиздат, 1936. 194 с.
9. Стахановское движение. Вып. 1: Указатель книжной литературы / сост. В. А. Петрушевский, В. А. Волхонский, В. В. Косооговская, М. М. Долотова; под

ред. М. А. Ильина; Гос.б-ка СССР им. В. И. Ленина. Науч.-библиогр. отдел. М.: Соцэкгиз, 1940. 271 с.

10. Boross L. F. *Reise u Stahanow*. Moskau, 1936. 100 p.

11. Friedrich G. *Miss U. S.S.R: The Story of a Girl Stakhanovite*. New York: International Publisher, 1936. 40 p.

12. Grenier F. *Le mouvement Stakhanoviste*. Paris, 1936. 64 p.

13. Володин С. Ф., Володина Т. А. Советская историография о стахановском движении // Тульский научный вестник. Серия История Языкознание. – 2021. – Вып. 2(6). – С. 45–60. DOI 10.22.405/2712–8407–2021–2–45. EDN: VEIOJN.

14. Володин С. Ф. Стахановское движение и политика повышения эффективности труда во второй половине 1930-х годов (на примере тульских оружейников) // Историко-экономические исследования. История и археология. – 2021. – Т. 22. – № 3. – С. 463–490. DOI 10.17150/2308–2488.2021.22(3). 463–490. EDN OGXKFJ.

15. Гершберг С. Р. *Стаханов и стахановцы*. 2-е изд. М.: Политиздат, 1985. 208 с.

16. Сахаров В. А. *Зарождение и развитие стахановского движения*. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985. 121 с.

17. Хабибулина Р. Я. *Ленинградские коммунисты – организаторы стахановского движения (1935–1937 гг.)*. Л.: изд-во Ленинград. ун-та, 1961. 171 с.

18. Siegelbaum Lewis H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1945*. Cambridge, 1988. 326 p.

19. Leo van Rossum *Vestern Studies of Soviet Labor during the Thirties* // *Internationalak Review of Social History XXXV*. Cambridge, 1990. P. 433–453.

20. Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // *Вопросы истории*. – 2015. – № 8. – С. 6–16. EDN PEBVOY.

21. Чемоданов П. В. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // *Грамота*. – 2016. – № 3 (65): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 190–194. EDN TINFQH.

22. *Взгляд сквозь годы: Записки стахановцев*. М.: Современник, 1984. 544 с.

23. *Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 4–17 ноября 1935. Стенографический отчет*. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 376 с.

24. *Поколение первой пятилетки* // *Коммунист*. – 1988. – № 15. – С. 43–50.

25. *Слово о Магнитке. Сб. воспоминаний* / ред. Н. Карташов. М.: Политиздат, 1979. 223 с.

26. *Стаханов А. Г. Жизнь шахтерская*. Киев: Политиздат Украины, 1986. 202 с.

27. *Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников 11–17 февраля 1935 г. Стенографический отчет*. Сельхозгиз, 1935. 369 с.

Evolution of Motivation and Everyday Practices of Stakhanovites

Nikolay D. Kozlov

The article is based on the memoirs of the Stakhanov movement's participants and published documents, characterizing the values, work and everyday life of the participants. A brief overview of the historiography of the Stakhanov movement is given. The evolution of motives and their priority, which guided the Stakhanovites, is considered. The chang-

es that took place in labor and everyday life, the forms of basic working and everyday practices are characterized. Special attention is paid to the formation of new motives and requests, moral and spiritual values, the role of public consciousness. The influence of participation in the Stakhanov movement on the everyday life, gender and family relations is shown. It is concluded that participation in the movement, was one of the most important social elevators that allowed to climb the social ladder, become successful, respected members of society.

Key words: Stakhanovites, historiography, labor and everyday life, motives, culture, industrial culture, education, rationalization, moral and spiritual values, gender and family relations, labor heroism, public recognition.

For citation: Kozlov, N. D. (2024) Evolyutsiya motivov i povsednevnykh praktik stakhanovtsev [Evolution of motives and everyday practices of Stakhanovites]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 1. Pp. 146–165. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_146. EDN: TTQDCA

References

1. Voronin, V. E. (1936) *Nashi stahanovcy* [Our Stakhanovites]. Petrozavodsk. (In Russ.)
2. Evgenev, E. Ya. (1936) *Za stahanskuyu rabotu vodnogo transporta* [For Stakhanov's work on water transport]. Moscow: «Vodnyj transport». (In Russ.)
3. Ermanskiy, O. A. (1940) *Stahanskoe dvizhenie i stahanskije metody* [Stakhanov movement and Stakhanov methods]. Moscow: Socekgiz. (In Russ.)
4. Efreinov, V. S. (1940) *Novoe v stahanskom dvizhenii: opyt Kirovskogo zavoda* [New in the Stakhanov movement: the experience of the Kirov plant]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
5. Korotchenkov, N. I. (1935) *Kozhevnik-stahanovcy Leningrada* [Tanners-Stakhanovites of Leningrad]. Moscow: Leningrad: Gizlegprom. (In Russ.)
6. *Moskovskie stahanovcy. Literaturnye portrety: ocherki* (1936) [Moscow Stakhanovites. Literary Portraits: Essays]. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
7. *Pervye stahanovcy Gorkovskogo kraja* (1935) [The first Stakhanovites of the Gorky region]. Gorkij: Gork. izd-vo. (In Russ.)
8. *Stahanovcy goroda Lenina (ocherki)* (1936) [Stakhanovites of the Lenin city (essays)]. Leningrad: Lenoblizdat. (In Russ.)
9. *Stahanskoe dvizhenie* (1940) [Stakhanov movement]. Issue 1: Index of book literature / comp. V. A. Petrushevskij, V. A. Volhonskij, V. V. Kosogovskaya, M. M. Dolotova; edited by M. A. Ilina; V. I. Lenin St. lib. of USSR. Scient.-biblio. dep. Moscow: Socekgiz. (In Russ.)
10. Boross, L. F. (1936) *Reise u Stahanow*. Moskau.
11. Friedrich, G. (1936) *Miss U. S.S.R.: The Story of a Girl Stakhanovite*. New York: International Publisher.
12. Grenier, F. (1936) *Le mouvement Stakhanoviste*. Paris.
13. Volodin, S. F., Volodina, T. A. (2021) *Sovetskaya istoriografiya o stahanskom dvizhenii* [Soviet historiography on the Stakhanov movement]. *Tul'skij nauchnyj vestnik. Seria Istoriya Yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. Series History Linguistics]. No. 2 (6). Pp. 45–60. (In Russ.). DOI: 10.22.405/2712–8407–2021–2–45
14. Volodin, S. F. (2021) *Stahanskoe dvizhenie i politika povysheniya effektivnosti truda vo vtoroj polovine 1930-h godov (na primere tul'skikh oruzhejnikov)* [The Stakhanov movement and the policy of increasing labor efficiency in the second half of the 1930s (on the example of Tula gunsmiths)]. *Istoriiko-ekonomicheskie issledovaniya. Istoriya i arheologiya* [Historical and economic research. History and archaeology]. Vol. 22. No. 3. Pp. 463–490. (In Russ.). DOI 10.17150/2308–2488.2021.22(3).463–490/. EDN OGXXF
15. Gershberg, S.R. (1985) *Stahanov i stahanovcy* [Stakhanov and Stakhanovites]. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
16. Saharov, V. A. (1985) *Zarozhdenie i razvitie stahanskogo dvizheniya* [The origin and development of the Stakhanov movement]. Moscow: Izd-vo. MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)

17. Habibulina, R. Ya. (1961) *Leningradskie kommunisty-organizatory stahanovskogo dvizheniya (1935–1937 gg.)* [Leningrad communists-organizers of the Stakhanov movement (1935–1937)]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. Un-ta. (In Russ.)

18. Sigelbaum Lewis H. (1988) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1945*. Cambridge.

19. Leo van Rossum (1990) *Vestern Studies of Soviet Labor during the Thirties*. International Review of Social History. XXXY. Cambridge. Pp. 433–453.

20. Feldman, M. A. (2015) *Mesto stahanovskogo dvizheniya v predvoennoj sovetsoj istorii* [The place of the Stakhanov movement in pre-war Soviet history]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 8. Pp. 3–19. (In Russ.)

21. Chemodanov, P. V. (2016) *Sovetskij stahanovec vtoroj poloviny 1930-h godov kak kulturno-psihologicheskij tip* [Soviet Stakhanovite of the second half of the 1930s as a cultural-psychological type]. *Gramota* [Gramota]. No. 3 (65): in 2 parts. Part 1. Pp. 190–194. (In Russ.)

22. *Vzglyad skvoz gody: Zapiski stahanovcev* (1984) [A look through the years: Notes of the Stakhanovites]. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)

23. *Pervoe Vsesoyuznoe soveshanie rabochih i robotnic-stahanovcev 4–17 noyabrya 1935. Stenograficheskij otchet* (1935) [First All-Union Meeting of Stakhanovite workers and women-workers November 4–17, 1935. Verbatim report]. Moscow: Partizdat CK VKP(b). (In Russ.)

24. *Pokolenie pervoj pyatiletki* (1988) [Generation of the first five-year plan]. *Communist* [Communist]. No. 15. Pp. 43–50. (In Russ.)

25. *Slovo o Magnitke. Sb. vospominanij* (1979) [A word about Magnitka. Collection of memories]. Ed. N. Kartashov. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

26. Stahanov, A. G. (1986) *Zhizn shahterskaya* [Miner's life]. Kiev: Politizdat Ukraine. (In Russ.)

27. *Vtoroj Vsesoyuznyj sezd kolhoznikov-udarnikov 11–17 fevralya 1935 g. Stenograficheskij otchet* (1935) [Second All-Union Congress of Collective Farmers-Shock Workers February 11–17, 1935. Verbatim report]. Selkhozgiz. (In Russ.)

Об авторе

Козлов Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: koznik49@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9212-3144

About the author

Kozlov Nikolay D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: koznik49@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9212-3144

Статья поступила в редакцию 23.11.2023
Одобрена после рецензирования 05.12.2023
Принята к публикации 12.12.2023

Пресса Веймарской республики об антисемитизме (1919–1923 гг.)

В. Шмидт

В статье были рассмотрены вопросы, связанные с ролью прессы в анализе развития антисемитизма в первые годы существования Веймарской республики. Анализируются содержание статей не только немецко-еврейской прессы веймарской Германии, но и оценка центральных периодических изданий развития антисемитской пропаганды и деятельности различных антисемитских групп и партий в распространении антиеврейских настроений в немецком обществе в период 1918–1923 гг. По материалам прессы можно проследить не только отношение населения Германии к антисемитизму, как повседневному явлению в общественной жизни страны, но и отношение правительственных кругов к этой проблеме. В статье уделено внимание вопросам эмиграции восточноевропейских евреев и позиции немецко-еврейской прессы в освещении этой ситуации. Газетные статьи этого периода указывают на причины развития антисемитизма в первые годы существования Веймарской республики. Развитие антисемитизма в первые годы Веймарской республики способствовал глубокий экономический, политический и социальный кризис, возникший в Германии после ее поражения в Первой мировой войне.

Ключевые слова: немецко-еврейская пресса, периодические издания Веймарской республики, восточноевропейские евреи, антисемитизм, позиция правительственных кругов к развитию антисемитизма.

Для цитирования: Шмидт В. Пресса Веймарской республики об антисемитизме (1919–1923 гг.) // История повседневности. – 2024. – No. 1. – С. 166–182. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_166. EDN: XXNORU

Введение

Современный антисемитизм возник в Германии в последней трети XIX в., как одно из направлений общественного протеста против либерализма. Это направление в общественной жизни страны формировалось в условиях социального кризиса. Через планомерную агитацию, различные антисемитские группы и партии, смогли сформировать в общественном мнении Германии представление о существовании так называемого «еврейского вопроса» [1, s. 409]. Быстрое распространение антисемитизма в первые годы Веймарской республики, было обусловлено, прежде всего, политическим хаосом и разгулом реакции. Реакционные круги веймарской Германии видели в антисемитизме возможность для отвлечения внимания населения от подлинных причин социальных неурядиц, возникших в стране после ее поражения в Первой мировой войне.

Автор статьи рассмотрел проблему не только на основании анализа немецко-еврейской прессы, но и официальной прессы Германии, ее оценок создавшейся ситуации и отношения немецкого общества в этот период к еврейскому населению страны.

Одним из важнейших источников по вопросам развития антисемитизма в Германии после окончания Первой мировой войны являются материалы периодической печати. Пресса, как один из важнейших источников периода Веймарской республики, имеет определенное значение при исследовании вопросов не только политической культуры этого времени, но и играет важную роль в оценках общественного мнения и его взглядов на проблему развития антисемитизма. К тому же пресса является неотъемлемой частью повседневной жизни населения, на основании которой формируются определенные взгляды на различные общественно-политические процессы, происходящие в стране и за ее пределами. Пресса как массовый информативный канал обеспечивала читательскую аудиторию Веймарской республики сообщениями о политических мнениях по вопросам антисемитизма и так называемого вопроса «о евреях Восточной Европы», сильно обострившихся в первые годы Веймарской республики. Редакции немецко-еврейских газет при освящении вопросов развития антисемитизма в послевоенный период использовали не только сообщения полиции, но и на их основе публиковали комментарии об отношении

немецкого общества к еврейскому населению. В этом плане огромную значимость приобретают публикации таких немецко-еврейских газет, как «Allgemeine Zeitung des Judentums», журнала «Im deutschen Reich», «C.V – Zeitung», «Blätter für Deutschtum und Judentum», а также материалы газеты «Der Israelit» и сионистского печатного органа «Jüdische Rundschau».

К моменту возникновения Веймарской республики в Германии проживало 550 000 евреев [2, s. 37]. При этом их численность среди общего количества населения Германии составляла 1 %. Половина всех осевших в Германии евреев проживали в семи крупных городах с количеством населения более 100 000 жителей, в основном в Берлине, Франкфурте на Майне, Бреслау, Гамбурге, Кельне, Лейпциге и Мюнхене. В период Веймарской республики имелись различные формы появления антисемитизма в общественной жизни, которые происходили в различные временные отрезки, вспышками антисемитского насилия на региональном уровне. Особенно ярко антисемитизм проявился в Мюнхене между 1919 и 1923 гг. Антисемитское движение в период Веймарской республики можно охарактеризовать, как волну протестов.

1. Первая волна антисемитизма началась во время мировой войны и достигла своего наивысшего подъема в 1919–1920 гг. Она явилась реакцией на поражение в войне, и выступала как борьба против спекулянтов. Экономическая нужда и безработица, которая все время увеличивалась, а также эмиграция евреев из Восточной Европы являлись благоприятными факторами для развития антисемитизма.

2. Вторая волна антисемитских протестов достигла своего наивысшего подъема в период 1922–1923 гг. [3, s. 75].

Историография вопроса о развитии антисемитизма в первые годы Веймарской республики очень обширна и среди многочисленных работ по этой проблеме следовало бы выделить ряд исследований историков, которые заслуживают внимания прежде всего в плане их оригинального подхода к изучению этой темы. К числу таких исследований относятся работы Г. Бердинга [4] и Р. Рюрупа [5]. В исследованиях этих авторов высказывается мысль, что процесс усиления антисемитизма в годы Веймарской республики способствовал углублению этих тенденций в период национал-социализма. Однако вопрос о роли немецкой прессы в ее борьбе с антисе-

митизмом в начальный период Веймарской республики еще в недостаточной степени исследован, хотя имеются определенные работы, в которых рассмотрены отдельные аспекты отношения газет, журналов, а также материалов региональной прессы к антисемитизму [6]. Также вопросы об отношении прессы к развитию антисемитизма в веймарской Германии затронуты в работах В. Дирка [7] и Б. Ассмуса [8].

В исследованиях об антисемитизме в первые годы Веймарской республики высказывается мысль, что участие немецких евреев в революционных событиях способствовало обострению «еврейского вопроса» [1, s. 307]. Легенда о «еврейской революции» и «еврейской республике» широко используемая в антисемитской пропаганде попала на благодатную почву, так как в действительности некоторые политики еврейского происхождения участвовали в революции, что использовалось антисемитами в пропагандистских целях.

Военное поражение Германии, территориальные потери, изменения в общественном устройстве оказали огромное влияние на развитие антисемитизма в немецком обществе, так как в общественной жизни страны шли постоянные споры и поиски виновных в ее поражении, что в конечном итоге стало основой для проведения антисемитской агитации в этот период [9, s. 71]. В кругах немецких евреев сложилось мнение, что поиски виновных в поражении Германии в Первой мировой войне, связаны с поисками прежде всего «козлов отпущения», которыми должны стать именно они. В результате чего в Германии после окончания Первой мировой войны, возникла новая форма антисемитизма, ранее неизвестная – радикальный антисемитизм.

Результаты

Политические, экономические, социальные и психологические условия, сложившиеся в Германии после окончания Первой мировой войны, способствовали формированию благоприятной почвы, на которой развился антисемитизм, все более проникая в различные слои немецкого общества и в повседневную жизнь. В период создавшейся кризисной ситуации антидемократические и антисемитские группировки получили возможность для распространения пропагандистского материала

ла, в котором евреи объявлялись виновниками во всех неудачах, постигших Германию.

Надо отметить, что в этот период пропаганда антисемитских групп приобрела новые формы. Только в 1920 г. было издано 7,9 млн марок, 7,5 млн листовок и 4,8 млн различных проспектов с антисемитским содержанием. Помимо этого, огромную роль в распространении антисемитских воззрений в немецком обществе играли журналы, брошюры и книги, в которых были отражены идеи антисемитизма.

Огромную роль в развитии антисемитизма в среде немцев играли многочисленные листовки с чисто антиеврейской направленностью, являясь проводниками антисемитизма в различных общественных слоях веймарской Германии, которые находясь в нужде, политическом хаосе и дезорганизации общественной жизни, естественно склонялись к антисемитским идеям [4, s. 118]. Антисемитские настроения в ранний период Веймарской республики имелись не только в кругах антисемитских организаций, но проявлялись в государственной политике, а также у определенной части немецкого населения. История антисемитизма показывает, что корни его часто лежат в экономическом интересе, проявления которого происходят в конкуренции: в торговле, в промышленной и финансовой сферах. Носителями антисемитских воззрений были те группы населения, которые видели в евреях конкурентов. К числу этих социальных слоев Германии принадлежало среднее сословие, торговцы, юристы, врачи, а также студенты. Эта социальная прослойка Веймарской республики была в большей мере подвергнута влиянию антисемитской пропаганды. Однако важнейшим социальным моментом антисемитизма являлось прежде всего создание определенного символа зла, который антисемиты стремились внедрить в сознание населения.

Националистическая и антисемитская пропаганда также охватила редакторов многочисленных религиозных газет и журналов. Антисемитские взгляды распространялись посредством издания так называемых воскресных газет, в которых публиковались статьи с антисемитским содержанием. Влияние религиозной печати на развитие антисемитизма было одним из важнейших моментов в его быстром распространении, так как в определенных регионах Германии оно

было определяющим. В католических печатных изданиях отсутствовала определенная тенденция в поддержке различных партий и националистических организаций, пропагандирующих антисемитизм, однако в них предлагалась для ознакомления многочисленная антисемитская литература [10, s. 421]. Решающую роль в распространении антисемитизма сыграли прежде всего крупные буржуазные газеты, многочисленные журналы и специальные печатные органы, а также семейные магазины. Важным было и то, что среди редакторов газет и журналистов было не мало антисемитов.

Немецко-еврейская пресса не осталась в стороне от анализа антисемитской клеветнической пропаганды. Она являлась рупором среди немецких евреев, которая призывала еврейское население страны к определенной дистанции в отношении социал-демократов и других политических организаций. С осени 1918 г. активизировалась антисемитская компания и немецко-еврейской прессе ничего не оставалось, как принять позицию обороны. В период Ноябрьской революции в Берлине и других центрах революционного движения, ненависть к евреям переросла в погромные настроения. В ноябре 1918 г. в Берлине широко распространилась антисемитская листовка, в которой утверждалось, что евреи имеют одну единственную цель, уничтожение немецкого народа [11]. 11 ноября 1918 г. контрреволюционными силами на улицах и площадях Берлина были организованы столкновения погромного характера [12, s. 84].

В декабре 1918 г. граждане еврейской национальности обратились к Эберту с просьбой, чтобы правительство обратило внимание на рост антиеврейских настроений. Противоречия, которые возникли в ходе революции по вопросам о власти, использовались в кругах антисемитов, как средство для внесения разногласий в деятельность рабочих и солдатских советов. В декабре 1918 г. появилась листовка с антисемитским содержанием, которая имела демагогическое название «Конец милитаризма, начало еврейского господства», в ней в поражении Германии обвинялись немецкие евреи и указывалось, что ими это поражение было использовано для создания нового правительства, которое на 80 % состоит из евреев. В листовке писалось, что «солдатскими советами руководят евреи». Как со-

общала газета «Allgemeine Zeitung des Judentums» эта листовка была издана «Комитетом народного просвещения», организацией, возникшей в Берлине и после завершения Ноябрьской революции, реорганизованной в центр по распространению антиеврейской пропаганды. К лету 1919 г. эта организация издала более двадцати различных листовок антисемитского содержания. Кроме этого, в Берлине, она являлась организатором различных собраний, на которых присутствие евреев запрещалось [13]. При этом «Allgemeine Zeitung des Judentums» с сожалением указывала на тот факт, что «очень много евреев» чувствует в революции, что сформировало мнение, что только евреи являются ее организаторами. Распространение таких представлений в немецком обществе по мнению газеты способствовало развитию безграничной ненависти к евреям. Немецко-еврейской газетой, которая придерживалась дистанции в отношении деятельности и участия евреев в революции был «Israelitische Familienblatt» [14, s. 46].

«Israelitische Familienblatt» обращался к каждому еврею, который принимал участие в политической жизни, указывая, что его политические цели не отличаются от политических целей ни евреев. Такое же обращение было опубликовано газетой «Allgemeine Zeitung des Judentums» 13 декабря 1918 г. Газета поэтому поводу требовала от своих единомышленников принятие позиции нейтралитета, так как каждый необдуманый шаг, каждое не правильно произнесенное слово, каждая ошибка, которая будет сделана, будет направлена не только против самих участников, но и против их единомышленников [15].

В начале 1919 г. вновь возросли антисемитские подстрекательства. В антисемитских листовках этого периода все более повышался тон угроз в отношении евреев, которые были восприняты еврейским населением Германии, как действительная опасность для их существования. В этот период немецко-еврейская пресса публиковала выдержки из более угрожающих листовок и сообщений газет в форме коротких комментариев. В этих сообщениях, заметках, обзорах немецко-еврейской прессы об антисемитских подстрекательствах – эти события критически анализировались и конкретные факты проявления антисемитизма разъяснялись читательской аудитории. Единственное, что было трудно разъяснить немецко-еврейской

прессе, так это позицию правительства и его отношения к антисемитской агитации.

В 1919 г. изменяется содержание антисемитских листовок, в них все с большей серьезностью высказывается требование о том, что «Германия только для немцев» [16]. В феврале 1919 г. по Германии были распространена листовка с антисемитским содержанием под названием «Евреи – вампиры Германии», в которой предлагалось для улучшения положения немецкого народа полное изгнание евреев из общественной жизни страны.

В апреле 1919 г. писатель Арнольд Цвейг опубликовал в «Weltbühne» три крупные статьи под названием «Антисемитская волна», в которых сделал анализ развития антисемитизма после окончания Первой мировой войны [17; s. 381–385, 417–420, 442–446]. Впервые после Первой мировой войны в статьях А. Цвейга вопросы антисемитизма рассматривались во взаимосвязи с ее окончанием, что по мнению автора способствовало развитию радикализма в немецком обществе и развитию антисемитизма. По мысли автора его опасность заключалась в использовании новой тактики – тактики насилия. В апреле 1919 г. «Jüdische Rundschau» рассматривая процесс развития антисемитизма, указывала на те формы его проявления, которые до сих пор были неизвестны в Германии [18, p. 5] После того, как в Баварии прекратила существование Советская республика, реакционные элементы призывали, как сообщала газета «Allgemeine Zeitung des Judentums» к «пограммам против евреев» [19].

В одной из статей опубликованной в августе 1919 г. в «Allgemeine Zeitung des Judentums» посвященной проблемам развития антисемитизма, были показаны различия между антисемитизмом перед 1914 и после 1918 гг. [20] По мнению немецко-еврейской прессы, события происходящие в Германии могли повлечь за собой акты насилия направленные против еврейского населения, которые разжигались в обществе с помощью антисемитских листовок, а также на основе пропагандистской деятельности антисемитов призывающих немцев к уничтожению евреев. В июле 1919 г. появилась серия антисемитских листовок, в которых на основе средневековых представлений о ритуальных убийствах формировалось представление о евреях. В частности, в них отмечалось: «Мы знаем,

что есть определенные секты, которые для улучшения своей плохой крови из ритуальных побуждений берут кровь у своих жертв. Поэтому неудивительно, что много детей пропадает к Пасхе». Антисемитская листовка заканчивалась призывом. «Немецкие отцы! Хотите ли вы иметь такую судьбу для ваших детей. Сплотитесь и достигните порядка в империи». Естественно, что под «определенной сектой» подразумевались евреи. Газета «Allgemeine Zeitung des Judentums» высказала мнение об этой антисемитской листовке, как «жестокой и призывающей к убийствам» [21].

Летом 1919 г. в ряде немецких городов произошли «продуктовые беспорядки», в результате которых были разгромлены магазины, владельцами которых являлись евреи. Газета «Jüdische Rundschau» оценила эти события, как начало «антисемитской волны, прокатившейся по Германии» [22, s. 4].

Отзыв прессы на антисемитские беспорядки лета 1919 г. был различным. Некоторые газеты, в частности редакции немецко-еврейских газет публиковали не только факты проявления антисемитизма, но также искали политическое обоснование развития этих событий и анализ этого процесса. Взгляды различных печатных органов веймарской Германии на процесс развития антисемитизма в стране был различен, и во многом зависел от их политической ориентации. В большинстве своем газеты высказывали мысль, что антисемитизм является средством реакционного юнкерства и военных, целью которых является уничтожение республики и возрождение монархии. По мнению газет этой ориентации, реакционные круги рассматривали погром, как единственную возможность, с помощью которой можно вылить всю ненависть немцев на евреев, и в результате этого антисемитского столкновения расколоть правительство. Такой интерпретации в первые годы Веймарской республики придерживалась немецкая либеральная и социал-демократическая пресса, такие газеты как «Berliner Tageblatt», «Vorwärts» и «Freiheit», но такое же мнение в оценке антисемитизма существовало в газетах консервативной ориентации «Berliner Lokal – Anzeiger» и «Tägliche Rundschau».

В статье, которая была написана Альфредом Винером под заголовком «Погромное насилие» и опубликованной в журнале «Im deutschen Reich», автор дал развернутый анализ антисемит-

ской пропаганды, которая приобрела смысл «погромного насилия». Винер писал, что антисемитская пропаганда охватила не только многочисленные союзы, но и проникла в еженедельные газеты, с целью обработки рабочих и военных. По мнению автора усиление пропаганды антисемитизма в повседневной жизни, осложняла возможность улучшения общественного климата и отношения к еврейскому населению страны [23].

Эту ситуацию, которая могла перерасти от запугивания к действиям, немецко-еврейская пресса приняла со всей серьезностью. В ноябре 1919 г. газета «Saale – Zeitung» опубликовала статью под заголовком «Надежда на антисемитскую волну». В статье сообщалось, что состоявшийся в июле 1919 г. первый съезд Немецко-национальной народной партии, еще раз доказал наличие крупной политической силы в антисемитском движении. Автор статьи приводил выдержки из решения этого съезда: «Немецко-национальная народная партия стоит на основе традиций немецкого народа, и имеет определенные обязанности эти принципы привести в действие. Для этого имеется широкий фронт, который направлен против не немецкого, вредного мировоззрения, которое разлагает немецкий народ». Как отмечал автор, хотя из программного решения новой партии и исключен термин «еврей», но всем ясно, что оно направлено против евреев, так как формулировка решения партии схожа с программой немецких консерваторов 1892 г., в которой писалось «Мы боремся с многочисленным еврейским влиянием на жизнь немецкого народа». В заключении автор отмечал, что в стране появилась еще одна антисемитская партия, которая своей пропагандистской деятельностью может способствовать развитию широкой антисемитской волны [24, с. 3].

Огромную роль в развитии антисемитизма в веймарской Германии сыграл приток на территорию страны евреев из стран Восточной Европы. В период с 1914 по 1921 гг. в Германию эмигрировало около 100 000 евреев из Восточной Европы [25, с. 327]. Опасность, которая угрожала Германии в результате массовой эмиграции восточноевропейских евреев, была со стороны антисемитских групп и их деятелей представлена в совершенно иной интерпретации. Пропагандистская деятельность антисемитов сформировала у определенной части населения страны представление о том, что эмигранты восточноевропейские

евреи представляют для стабилизации положения в стране определенную угрозу. Агитация антисемитов способствовала развитию во многих регионах Германии столкновений и враждебного отношения к эмигрантам-евреям. Пресса утверждала, что эмигранты евреи из Восточной Европы являются главной причиной в развитии радикального антисемитизма. Свою агитацию антисемитские группы строили на представлениях, сформировавшихся о восточноевропейских евреях у населения Германии еще в XIX в. Результатом явилось, что наряду с «еврейским вопросом», в Германии еще в период Первой мировой войны возник так называемый «вопрос о восточноевропейских евреях». Летом 1920 г. немецкие антисемиты начали кампанию по сбору голосов по «вопросу о восточноевропейских евреях». В одной пропагандистской листовке писалось: «На основе народного голосования должно быть решено, должны ли другие миллионы евреев с Востока эмигрировать в Германию, для которой это означает экономическую и культурную опасность. Германия должна оставаться родиной для немцев. Поэтому мы требуем запрета эмиграции евреев. Германия для немцев» [26, s. 245]. Помимо антисемитской агитации против евреев из Восточной Европы, развернулась широкая кампания против немецких евреев. Особенно активно проблема восточноевропейских евреев рассматривалась в немецко-еврейской прессе в период 1918–1923 гг.

Надо отметить, что число сообщений об антиеврейской и активной антисемитской пропаганде против евреев из Восточной Европы в период 1918–1919 гг. было на страницах немецко-еврейских газет малочисленным. Рост публикаций и сообщений о положении евреев из Восточной Европы в немецко-еврейской прессе происходит в 1920 г., когда обостряется борьба либеральных еврейских кругов против антисемитизма на страницах журнала «Im deutschen Reich». Второй период появления многочисленных сообщений о восточноевропейских евреях в еврейской печати Германии был связан с погромами в Берлине и усилением антисемитизма в Баварии в 1923 г. Газеты «Der Israelit» [27, s. 2] и «С. V.- Zeitung» [28; s. 2–3] преследовали в публикациях об антисемитизме определенную стратегию, которая была направлена на разъяснение причин роста антисемитизма по отношению к евреям из Восточ-

ной Европы. В печатном органе сионистов Германии «Jüdische Rundschau» публикации о развитии антисемитизма мало чем отличались от публикаций на эту тему в других немецко-еврейских газетах [29, s. 3].

Во многих немецко-еврейских газетах одной из актуальных тем был погром в Берлине в ноябре 1923 г., который являлся прямым проявлением антисемитизма против эмигрантов евреев из Восточной Европы. И если в немецко-еврейской печати в период с 1920 по 1923 гг. регулярно появлялись статьи, сообщения, заметки о положении восточноевропейских евреев, то после погрома в ноябре 1923 г. в Берлине такие тексты практически больше не публиковались.

Большее внимание журналисты немецко-еврейской прессы уделяли вопросу дистанции между евреями из Восточной Европы и немецкими евреями. «С. V.- Zeitung» о ноябрьских событиях 1923 г. в Берлине опубликовала только две статьи. В этих статьях отсутствовал комментарий на происходящие события [30, s. 4]. В газете «Der Israelit» о погроме в Берлине была высказана двусмысленная точка зрения. По мнению газеты, участники погрома исходили не из антисемитских мотивов, а из создавшихся экономических причин [31; s. 1–2]. В сообщениях об антисемитизме против евреев из Восточной Европы газета также указывала не только экономические причины, но и отмечала, что причинами погрома явилась также антиеврейская ненависть [32, s. 5].

Особенно много публикаций в немецко-еврейской прессе было посвящено правовому положению эмигрантов евреев из Восточной Европы, так как во время Веймарской республики их статус пребывания в Германии регламентировался рядом законов. В частности, в Пруссии, а также в Баварии в середине 1920-х годов происходило ужесточение законодательства в отношении еврейских эмигрантов. Баварская акция по выселению евреев из Восточной Европы была оценена газетой «С. V. – Zeitung», как чисто антисемитская [33, s. 3]. Развитию в Баварии политики антисемитизма газета «Der Israelit» уделяла особое внимание и оценивала ее, как целенаправленную политику против евреев, которая была первоначально направлена против евреев эмигрантов [34, s. 4]. Особенно критически газетой рассматривались мероприятия баварского

правительства по дискриминации евреев из Восточной Европы [35, s. 5]. Однако журналисты газеты «Der Israelit» не особенно активно критиковали политику Баварии в отношении еврейских эмигрантов, несмотря на то, что там распространялся политический антисемитизм [36, s. 3].

В немецкой официальной прессе развернулась активная компания против эмигрантов евреев из Восточной Европы. Антисемитская пропаганда, направленная против эмигрантов, в основном проводилась в газетах консервативной и антисемитской направленности. Газеты левой ориентации критиковали антисемитские выпады против евреев эмигрантов из Восточной Европы. Так например «Berliner Lokal-Anzeiger», газета правого направления, отзывалась об евреях с Восточной Европы, как «о паразитах с Востока» [37, s. 2]. Газета «Münchener Neusten Nachrichten», касаясь темы о восточноевропейских евреях сообщала, что «известным фактом является то, что евреи из Восточной Европы являются определенной проблемой для государства» [38, s. 3]. Поэтому неудивительно, что в период существования Веймарской республики в различные временные отрезки происходили региональные вспышки антисемитского насилия. В основном они происходили в крупных городах таких как Мюнхен и Берлин, а также в Баварии, Померании, Силезии и Восточной Пруссии.

Обсуждение и выводы

Выбранные для рассмотрения вопроса периодические издания отражали конкретную ситуацию, сложившуюся в Германии в отношении еврейского населения страны в повседневной жизни, а с другой стороны эти публикации выражали интересы различных идеологических направлений в оценке развития антисемитизма и его влияния на общественно-политическую ситуацию в стране. Вопросам развития антисемитских тенденций в немецком обществе в период Веймарской республики различные печатные органы уделяли большое внимание. Сообщения прессы о развитии антисемитизма в годы Веймарской республики показывает противоречивое положение евреев в Германии. С одной стороны, после Ноябрьской революции 1918 г., они были уравнены в правах с гражданами Германии, но с другой стороны пресса указывала и на тот факт, что уси-

лилась антисемитская угроза. По материалам прессы можно проследить не только отношение населения Германии к антисемитизму, как повседневному явлению, но также и отношение правительственных кругов к этой проблеме. По мнению автора, статья наметила основное направление для дальнейшего исследования проблемы антисемитизма в Германии в первые годы Веймарской республики.

Список литературы

1. Deutsches Judentum in Krieg und Revolution 1916–1923. Mosse Werner (Hrsg.) Tübingen: Mohr, 1971. 704 s.
2. Deutsch – jüdische Geschichte in der Neuzeit. Aufbruch und Zerstörung 1918–1945. Avraham Barkai (Hrsg.). Bd. 4. München: Beck, 1997. 429 s.
3. Knütter, Heinz – Helmuth. Die Juden und die deutsche Linke in der Weimarer Republik 1918–1933. Düsseldorf: Droste, 1971. 432 s.
4. Berding H. Moderne Antisemitismus in Deutschland. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 294 s.
5. Rürup R. Emanzipation und Antisemitismus. Frankfurt am Main: Fischer – Taschenbuch – Verlag, 1987. 268 s.
6. Walter H. Die Judenfrage in der katholischen Tagespresse Deutschlands und Österreichs 1923–1933. Mainz: Matthias – Grünwald – Verlag, 1990. 328 s.
7. Dirk W. Antisemitische Kriminalität und Gewalt. Judenfeindschaft in der Weimarer Republik. Bonn: Dietz, 1999. 349 s.
8. Asmuss B. Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918–1933. Beiträge zur Kommunikationsgeschichte. Bd. 3. Berlin: Gruyter, 1994. 619 s.
9. Bergmann W. Geschichte des Antisemitismus. München: C. H. Beck, 2002. 144 s.
10. Im deutschen Reich. – XXV. – Oktober 1919.
11. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 29.11.1918. – No. 48.
12. Mohrmann Walter. Antisemitismus. Ideologie und Geschichte im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. – Berlin: Deutsche Verlag der Wissenschaft, 1972. 219 s.
13. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 6.12.1918. – No. 49.
14. Israelitische Familienblatt. – 5.12.1918. – No. 49.
15. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 13.12.1918. – No. 50.
16. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 6.01.1919. – No. 49.
17. Die Weltbühne. – 3.04. 1919. – No.15 № 15; 10.04.1919. – No. 16; 11.04. 1919. – No. 17.
18. Jüdische Rundschau. – 25.04.1919. – No. 29.
19. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 18.04.1919. – No. 18.
20. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 22.08.1919. – No. 34.
21. Allgemeine Zeitung des Judentums. – 9.05.1919. – No. 19.
22. Jüdische Rundschau. – 11.07. 1919. – No. 47.
23. Im Deutschen Reich. – Juli /August 1919. – No. 7/ 8.
24. Saale – Zeitung. – 11.11.1919. – No. 477.
25. Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. Klaus Bade (Hrsg.) Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 1993. 542 s.

References

1. Mosse Werner (1971) Deutsches Judentum in Krieg und Revolution 1916 – 1923. Tübingen: Mohr. (In Germ.)
2. Barkai Avraham (1997) Deutsch – jüdische Geschichte in der Neuzeit. Aufbruch und Zerstörung 1918 – 1945. Bd.4. München: Beck. (In Germ.)
3. Knütter, Heinz – Helmuth (1971) Die Juden und die deutsche Linke in der Weimarer Republik 1918–1933. Düsseldorf: Droste. (In Germ.)
4. Berding Helmut (1988) Moderne Antisemitismus in Deutschland. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In Germ.)
5. Rürup Reinhard (1987) Emanzipation und Antisemitismus. Frankfurt am Main: Fischer – Taschenbuch – Verlag. (In Germ.)
6. Walter Hannot (1990) Die Judenfrage in der katholischen Tagespresse Deutschlands und Österreichs 1923–1933. Mainz: Matthias – Grünewald – Verlag. (In Germ.)
7. Dirk Walter (1999) Antisemitische Kriminalität und Gewalt. Judenfeindschaft in der Weimarer Republik. Bonn: Dietz. (In Germ.)
8. Asmuss Burkhard (1994) Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918–1933. Beiträge zur Kommunikationsgeschichte. Bd. 3. Berlin: Gruyter. (In Germ.)
9. Bergmann Werner (2002) Geschichte des Antisemitismus. München: C.H. Beck. (In Germ.)
10. Im deutschen Reich. XXV. Oktober 1919. (In Germ.)
11. Allgemeine Zeitung des Judentums. 29.11.1918. No. 48. (In Germ.)
12. Mohrmann Walter (1972) Antisemitismus. Ideologie und Geschichte im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Berlin: Deutsche Verlag der Wissenschaft. (In Germ.)
13. Allgemeine Zeitung des Judentums. 6.12.1918. No. 49. (In Germ.)
14. Israelitische Familienblatt. 5.12.1918. No. 49. (In Germ.)
15. Allgemeine Zeitung des Judentums. 13.12.1918. No. 50. (In Germ.)
16. Allgemeine Zeitung des Judentums. 6.01.1919. No. 49. (In Germ.)
17. Die Weltbühne. 3.04. 1919. No. 15 № 15; Die Weltbühne. 10.04.1919. No.16; Die Weltbühne. 11.04. 1919. No. 17. (In Germ.)
18. Jüdische Rundschau. 25.04.1919. No. 29. (In Germ.)
19. Allgemeine Zeitung des Judentums. 18.04.1919. No. 18. (In Germ.)
20. Allgemeine Zeitung des Judentums. 22.08.1919. No. 34. (In Germ.)
21. Allgemeine Zeitung des Judentums. 9.05.1919. No. 19. (In Germ.)
22. Jüdische Rundschau. 11.07.1919. No. 47. (In Germ.)
23. Im Deutschen Reich. Juli /August 1919. No. 7/ 8. (In Germ.)
24. Saale – Zeitung. 11.11.1919. No. 477. (In Germ.)
25. Klaus Bade (1993) Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung. (In Germ.)
26. Schoeps Julius H./ Schlör Jochim (1995) Antisemitismus. Vorurteile und Mythen. München: Beck. (In Germ.)
27. Der Israelit. 27.03.1921. No. 13. (In Germ.)
28. C. V.- Zeitung. 4.05.1922. No. 1. (In Germ.)
29. Jüdische Rundschau. 6.07.1920. No. 44. (In Germ.)
30. C. V.- Zeitung. 23.11.1923. No. 45. (In Germ.)
31. Der Israelit. 15.11.1923. No. 46. (In Germ.)
32. Jüdische Rundschau. 9.11.1923. No. 96. (In Germ.)
33. C. V.- Zeitung. 2.11.1923. No. 44. (In Germ.)
34. Der Israelit. 15.04.1920. No. 15. (In Germ.)
35. Der Israelit. 1.11.1923. No. 44. (In Germ.)
36. Der Israelit. 12.08.1920. No. 32. (In Germ.)
37. Berliner Lokal – Anzeiger. 5.03.1920. No. 120. (In Germ.)
38. Münchener Neusten Nachrichten. 28.01.1920. No. 39. (In Germ.)

Об авторе

Шмидт Вальдемар, магистр истории, Университет Регенсбурга, Регенсбург, Федеративная Республика Германия; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

About the author

Schmidt Waldemar, Master of History, University of Regensburg, Regensburg, Federal Republic of Germany; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

*Статья поступила в редакцию 20.10.2023
Одобрена после рецензирования 09.01.2024
Принята к публикации 18.01.2024*

Год в истории: событийность и повседневность советского человека второй половины XX в. на материалах «Настольного календаря» 1958–1990 гг.

А. А. Чернышев, Е. К. Карпов

Календари, как существенная часть культуры общества и его информационного пространства, являются ценным, но малоизученным источником, который предоставляет обширный материал по общественно-социальной и культурной жизни советского общества. Объектом исследования выступил «Настольный календарь», выходявший с 1958 по 1990 гг. Авторы поставили задачу анализа источника, отражавшего повседневность советского человека. «Настольный календарь» содержал материалы, помогавшие людям находить решение при появлении сложных жизненных ситуаций. Вводится в научный оборот истории повседневности, выявленные из контекста анализируемого печатного СМИ прагматические особенности календаря, которые выступили мини-энциклопедией повседневной жизни советского общества. Методологическую базу работы составили принцип историзма, историко-описательный метод. Установлено, что бытовой энциклопедизм стал «новым» витком в борьбе за культурность, задачей которого научить человека быть не только социально адаптированным, но и уметь управлять своей жизнью. «Настольный календарь» – это историко-культурный памятник, обладающий информационной составляющей, которая способна была влиять на общественное сознание общества.

Ключевые слова: настольный календарь, советский быт, общество, повседневность, СССР, Бытовой энциклопедизм, историческая память, СМИ.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00754, <https://rscf.ru/project/23-28-00754/>

Для цитирования: Чернышев А. А., Карпов Е. К. Год в истории: событийность и повседневность советского человека второй половины XX в. на материалах «Настольного календаря» 1958–1990 гг. // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 183–197. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_183. EDN: ZVVFII

Введение

Историческое сознание общества формируется под влиянием источников, предлагающих разнообразную интерпретацию исторических событий. Источниками для исследования повседневности могут быть дневники, переписка, фотографии, инвентарные описи, мемуары и другие документы, которые позволяют проследить, как люди проводили свое время, что ели, как общались, как одевались и т. д. Такие источники являются микроисторическими, поскольку они фокусируют на индивидуальностях людей и их повседневной жизни. Как указывают Е. А. Ростовцев и Д. А. Сосницкий необходимо «...изучение роли каждого конкретного источника в формировании исторических представлений о прошлом» [1; с. 106–126].

По мнению современных исследователей [2; с. 121–125; 3; с. 294–297; 4; с. 340–343], среди источников особая роль стала отводиться календарю, выступавшему зеркалом социально-политического ландшафта повседневной жизни человека.

В отечественной историографии история повседневности является одним из молодых направлений. В центре внимания советских ученых основными темами были улучшение качества жизни общества, его бытовых условий [5; с. 63–67; 6; с. 3–18].

С конца XX в. изучение советского социума стало предметом многих исследований, в которых методологическим инструментарием выступал социокультурный подход [7; 8; 9]. Работы основывались на анализе обширного эмпирического материала и описывали повседневные практики, отношение к предметам материальной культуре в советском обществе. Как подчёркивает Б. И. Орлов «быт советского человека в СССР становится предметом многочисленных дискуссий. Появляется стремление соотнести утилитарное действие с универсальными закономерностями» [10, с. 41].

Советский образ жизни приобретает свою конструкцию. Бытовой энциклопедизм становится «новым» витком в борьбе за культурность, учит человека быть не только социально адаптированным, но и уметь управлять своей жизнью. Помогает развить навыки самодостаточности и самовыражения, что является неотъемлемой частью индивидуального развития личности.

Методологическую базу работы составили принцип историзма, историко-описательный метод.

Результаты

Календарь как вид исторического источника обладает характерными особенностями, которые отражаются в его структуре и содержании. В офисах и на рабочих местах календари применялись для отметки рабочих дней, важных событий и праздников. В домашнем хозяйстве они помогали планировать повседневные дела, события и семейные мероприятия. В школах и учебных заведениях использовались для отслеживания учебного графика, сроков сдачи заданий, проведения экзаменов и других важных событий. В культурной сфере календари применялись для размещения информации о концертах, театральных постановках, выставках и прочих культурных мероприятиях. В целом, они отражали повседневность советского государства, пропагандировали достижения СССР, показывая важные даты, стандарты жизни и работы советского человека, что делало их неотъемлемой частью советской культуры.

С 1958 г. издательством Госполитиздат стал выпускаться «Настольный календарь» объемом 200 страниц, представлявший собой некую пограничную форму журнального и книжного вариантов. Преимущество такого календаря заключалось в его информационной полезности и разнообразии для читателей [11, с. 1]. Календарь был полезным материалом как для общего образования и самообразования, так и для различных повседневных советов.

По жанровому содержанию «Настольный календарь» представлял собой мини-энциклопедию, в которой кроме памятных дат и значимых событий, печатались очерки о исторических событиях, о географических и научных открытиях и другие справочные материалы. Такой календарь как справочно-энциклопедическое издание мог применяться учениками, студентами, профессионалами, любителями в целях нахождения нужного материала.

Структуру «Настольного календаря» условно можно разбить на три направления – памятник общественно-политической мысли; образцы фольклорно-литературного наследия; полезные советы для повседневной жизни. Весь календарь состоял из двенадцати частей (месяцев) годового цикла. Первая страница начиналась с сообщения о событиях и памятных датах месяца.

«Настольный календарь», выступая как памятник общественно-политической мысли, содержал материалы о многих исторических фактах, связанных в основном с историей строительства советского государства, жизни советских людей. Читателю представлялась сначала информация о советских руководителях или партийных лидерах, образы которых строились по структуре «жизнь-борьба». Приведем ряд примеров: О Я. М. Свердлове: «Пока бьется у меня в груди сердце и в жилах моих струится кровь, я буду бороться...» [12, с. 21]. Очерк о М. В. Фрунзе: «Он никогда не терял связи с партией, с революционным движением» [13, с. 22], о Кларе Цеткин: «В своей политической карьере Клара Цеткин боролась за права женщин в обществе которые пропагандировала через журнал «Die Gleichheit» («Равенство»). Имела тесные политические связи с Владимиром Лениным» [14, с. 155].

Стараясь не превратить журнал в биографический справочник о лидерах революции, редакторы разбавляли существенную часть раздела «Знаменательные годовщины» персоналиями о ученых, писателях, художниках разных исторических эпох. Галерею биографических очерков составили: биография Иоганна Себастьяна Баха к его 275-летию со дня рождения; Джека Лондона [15, с. 22]; Николы Паганини («...величайшего ученого той эпохи») [16, с. 24]; «Исаака Ньютона [17, с. 4]; П. П. Семенова-Тян-Шанского к 150-летию со дня его рождения (автором сюжета был выдающийся советский эколог, историк науки, биогеограф Валерий Константинович Рахилин) [18, с. 7]. Редакция «Настольного календаря» часто привлекала известных ученых, обладавших глубокими знаниями в различных научных областях и умевших популяризировать их для широкой аудитории. По объему такой метажанр, как биография составил примерно 26 % объёма всего издания.

Событийность в календаре было показана через материалы о прошлом нашей Родины, состоявшей из серии исторических очерков: «Невская битва»; «Победа над монгольским игом»; «Крестьянские войны в России» и т. п.

Фольклорно-литературное наследие, отражавшее культурное развитие советского народа было представлено мини-рассказами, загадками и пословицами. Например, рубрика «Подумайте?», содержала загадки-сюжеты о знании русской и советской

живописи, скульптуре и драматургии. Читателю предлагалась погрузиться в задание с помощью викторины, представленной в виде фотоиллюстраций.

В «Настольном календаре» в рубрике «Литературная страница» можно было найти интересные литературные обзоры и рекомендации о вышедших новых книгах и журналах. Для повышения общего уровня эрудированности и образованности можно было найти интересные факты о творческой деятельности писателей и поэтов. Редакторы постарались насытить календарь полезными материалами, которые должны были помочь читателю узнать что-то новой из этой рубрики. Ведь к чтению в Советском Союзе относились не только как к обязательному элементу образования, но и как к настоящему народному хобби. Люди читали и обсуждали книги, литературные произведения стали частью общественной дискуссии и культурной жизни. Благодаря этому, читательская аудитория Советского Союза была одной из самых огромных и активных в мире.

Научные сведения и полезные бытовые советы по объёму составили почти одну четвёртую часть «Настольного календаря». Календарь стал единственным изданием, в котором читатель мог почерпнуть как общую информацию, так и получить сведения практического назначения.

В разделе «Полезные (разные) советы» редакторы календаря старались публиковать материалы, затрагивавшие наиболее актуальные темы по разным сферам жизнедеятельности советского общества. Это были советы для молодых семей по воспитанию детей, вопросы по социальному обеспечению, по трудоустройству, юридические справки и мелкие бытовые по ведению домашнего хозяйства, идеи для кулинарии, о моде (были выкройки для шитья, схемы для вязания). Раздел был разбит на повседневные темы: «Советы педагога»; «Советы врача»; «Юридические справки»; «Огороднику и садоводу»; «Кулинария»; «Шейте сами, сделайте сами».

Медицина. Система советской медицины базировалась на оптимистическом идеале, где забота о здоровье народа была признана важнейшим приоритетом. В СССР каждый гражданин имел возможность рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь. Были доступны ежегодные обследования, диспансеры и вакцинация. Это создавало ощущение безопас-

ности и обеспечивало гарантию того, что ни один советский человек не остался бы без необходимой медицинской помощи. Советская медицина также отличалась бесплатностью и доступностью лекарств. Фармацевтическое производство было осознанным приоритетом государства. Аптеки были широко представлены во всех населенных пунктах, что обеспечивало свободный доступ к необходимым лекарственным препаратам.

В «Настольном календаре» в блоке «Советы врача» широко освещались вопросы из области медицины. Заметки и рекомендации, печатавшиеся в календаре, были обращены к разным направлениям медицины: педиатрия, гинекология, кардиология, хирургия и др. Редакторы постарались предоставить широкий спектр информации о здоровье [19, с. 140; 20, с. 18].

Публиковалась информация по уходу за полостью рта и зубами, гигиене глаз, профилактике желудочных заболеваний. Так, например, в заметке: «Желудочно-кишечные болезни у детей», д. м. н. И. Гусарская указывала: «Острые кишечные заболевания опасны для всех, но особенно угрожают детям. ... В семье, где есть дети, надо особенно строго соблюдать все требования гигиены, тщательно мыть фрукты и овощи, ... при появлении поноса – спешить к врачу» [21, с. 153].

В заметке Э. Парамоновой «Лечебное питание при гипертонической болезни» сообщалось: «... при гипертонической болезни с сопутствующим ожирением рекомендуется устраивать так называемые «разгрузочные дни»: яблочный день; овощно-фруктовый день. ... Количество употребляемой за сутки жидкости не должно превышать шести стаканов» [22, с. 223].

Часто составители календаря помещали описания, как правильно оказывать первую помощь при получении ран, обморожении, отравлении грибами, газами, различными кислотами.

Существенную роль в жизни советского человека играл здоровый образ жизни (ЗОЖ), поэтому в календаре регулярно печатался материал, посвященные этому сюжету. Авторы акцентировали внимание на важности физической активности и спорта для поддержания здоровья, давая рекомендации по гимнастике и правильному питанию. В июльском номере за 1958 г. к. м.н., С. Гуревич в заметке «Режим пенсионера» писал: «Злейший враг здоровья – безделье, праздность. Вот почему каждый ушедший на пенсию, должен установить для себя

твердый режим. ...После утренней зарядки и завтрака полезно совершить 30 минутную прогулку. ...Рациональный режим улучшает здоровье и самочувствие» [23, с. 116].

Кроме того, в «Настольном календаре» печатались советы по укреплению иммунитета, рекомендации по профилактике табачной и алкогольной зависимости. Профессор С. Беккер в заметке: «Алкоголь и потомство» отмечал: «...алкоголь не щадит здоровье, разрушает семью, влияет на потомство, нередко делает человека правонарушителем. Организм, отравленный алкоголем, особенно сказывается на потомстве. Слабоумие, умственная отсталость, эпилепсия, предрасположенность к различным заболеваниям – вот чем «награждают» своих детей приверженцы спиртного. ... Вывод? Напрашивается сам собой: все, кто в ближайшем будущем собирается иметь детей или уже ждет их, все без исключения кормящие матери должны отказать от спиртного» [24, с. 118].

Календарь с материалами по ЗОЖ выполнял важную информационно-просветительскую функцию, помогая советскому человеку осознавать значимость здоровья и способствуя формированию здоровых привычек. Ведь забота о здоровье населения являлась одной из приоритетных задач советского государства¹.

Образование и воспитание. Советский Союз обладал уникальной системой образования, в которой каждый гражданин имел право на выбор бесплатного учебного заведения. Это было не только огромным достижением, но и еще одной гордостью страны. Государство считало своим долгом предоставить качественное образование каждому человеку, независимо от его финансового положения или социального статуса. Благодаря этому принципу, советская система образования была доступной для всех слоев населения. Здесь не было преград и ограничений для желающих получить знания.

Познавательными стали советы и заметки, посвященные воспитанию, школе и семье, в блоке «Советы педагога». В 1962–1963 гг. в стране в 2 раза больше было открыто новых яслей и детских садов, однако большинство из них оставались по-

¹ О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 14 января 1960. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355285-postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-14-yanvarya-1960-g-o-merah-po-dalneyshemu-uluchsheniyu-meditsinskogo-obsluzhivaniya-i-ohrany-zdorovya-naseleniya-sssr-izvlechenie> (дата обращения: 28.11.2023).

лупустыми, из-за того, что родители оставляли своих детей у родственников (престарелых родителей). На помощь пришёл «Настольный календарь», в котором опубликовали материал, рассказывающий о пользе для малышей посещения садов: «Мамы и папы не готовы отдавать детей под присмотр, оставляют своих детей дома или берут на работу, что мешает производственному процессу. А польза от детсадов огромная, ведь там приучают детей к коллективу и ответственности» [25, с. 71].

Ответственная пора для родителей – это подготовить ребенка к поступлению в школу. К новому учебному году нужно было не только приобрести школьную форму, но и подготовить ребенка к самостоятельности: «Многие родители считают, что подготовить ребенка к поступлению в школу – значит научить его читать. Это не единственная задача... Гораздо важнее развивать самостоятельность ребенка, подготавливая к школе, не помогайте слишком в сборах, а то он, придя на занятия не будет знать, как открыть портфель... Организуя интересные занятия дома, родители смогут сделать многое для воспитания качеств необходимые ребенку в школе» [26, с. 54].

У каждого родителя со школой связано было не только радостное время, но и время забот и проблем, особенно это относилось к поискам школьной формы и школьных принадлежностей: «Скоро он пойдет в школу это радостный день. ... заботы растут как снежный ком: только решаешь одну проблему, тут же появляется другая. Вот советы от тех мам, которые уже успешно решили. Приобретена форма, примеряя платье и фартук замечаете, что она как-то неестественно поднимает плечи, крылышки фартука постоянно спадают! ...пришейте кнопки к бретели фартука и к плечу платья. Самое уязвимое место на форме – это локти, которые вовремя прохулятся. Лучше нашить на ткань кожаные заплатки, например, в форме треугольничка. Увидите весь класс будет «щеголять» такими нашивками... Портфель лучше заменить ранцем. Если не удастся купить, советуем пришейте к портфелю ляжки из ручек старой сумки», писали авторы в заметке: «В едином стиле» [27, с. 93].

Полезные советы давались родителям, как обустроить учебное место школьника дома. «Отправляя своих подростков детей в школу, перед родителями стоит вопрос, как лучше организовать рабочее место. Отыскиваем в квартире такой спокойный

уголок, где школьник мог бы без помех готовить уроки, читать и рисовать. Книжные полки размещаем так, чтобы ребенок без труда мог достать лежащие на них книжки. Место для хранения школьных принадлежностей должно быть достаточно» [28, с. 69].

Тема подготовки ребенка к школе остается весьма актуальной и сегодня. Авторы в «Настольном календаре» делали акцент на психологическом аспекте о том, как не отбить у школьника желание учиться без нервотрепки. Первое что нужно сделать – это создать положительное отношение к обучению. Нужно хвалить ребенка за его школьные достижения [29, с. 102]. «Работа над подготовкой к школе должна быть интересной и игровой, чтобы ребенок не ассоциировал обучение с чем-то неприятным или принужденным», отмечалось в статье кандидата медицинских наук Р. Рабинович [30, с. 41].

Наконец, родители должны обращать внимание на эмоциональное состояние ребенка перед школой. Если ребенок испытывает страх или тревогу, необходимо выслушать его, пообщаться о его ожиданиях и опасениях. Важно помочь ему справиться с эмоциональным напряжением и научиться адаптироваться к новым условиям [31, с. 145].

Право. В Разделе «Юридическая справка» редакторы опубликовали серию материалов, помогавших читателю ориентироваться в гражданско-правовых вопросах. В 1956 г. вышел Закон СССР «О государственных пенсиях»¹. Закон являлся первым полным нормативным документом по пенсионному праву в СССР, в котором были рассмотрены все разновидности пенсий в Советском Союзе (по инвалидности; старости; потере кормильца; персональные; по выслуге лет), а также установлены правила их назначения и расчета во всех случаях. Пояснения к закону были даны в заметке: «О документах для назначения пенсии»: «Во всех случаях, когда для назначения пенсии надо иметь трудовой стаж, его необходимо подтверждать подлинными документами» [32, с. 69]. Авторы постарались максимально полно показать, какие документы необходимы для разных категорий граждан и расчёта их трудового стажа, «...работа у отдельных граждан – домашних работниц, шоферов и др. – должна быть подтверждена справками про-

¹ О государственных пенсиях. Закон СССР от 14.07.56 // Контур Норматив [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=58270> (дата обращения: 28.11.2023).

фсоюзных организаций, если же получить их невозможно – справками нанимателя» [32, с. 69]. «Пенсионное обеспечение колхозников может производиться через кассу общественной взаимопомощи. ...вопрос о видах и порядках пенсионного обеспечения, размере пенсий каждый колхоз решает, исходя из своих материальных возможностей...» [32, с. 70].

Квартирный вопрос. В конце 1950-х гг. начался строительный бум, возводились преимущественно панельные дома¹. Массовое строительство должно было решить жилищную проблему большинства граждан СССР. Однако в целях экономии средств габариты современных квартир были существенно уменьшены по сравнению с ранее существовавшими строительными нормами. В это же время происходил рост спроса на малогабаритную мебельную продукцию. «Настольный календарь», стремясь не отставать от современных новшеств, предлагал читателям модернизировать старую мебель или собрать по предложенным чертежам новую.

Мода и сатира. Для женщин, которые значительное время посвящали воспитанию детей и поддержанию семейного уюта, журнал стал публиковать рубрики, по уходу за собой. Так в рубрике «Прически» была представлена информация о модных прическах и стилях. Женщины-модели изображались во весь рост демонстрируя современные наряды. Устанавливался эталон женской красоты, в заголовках появлялись такие дефиниции как «быть красивыми», «женственность», «уход за собой», «боритесь с лишней полнотой», «физкультура и крема».

В рамках соцреалистического дискурса присутствовала колонка сатиры и юмора, в которой подвергались сатирическому осмеянию «отдельные недостатки» советского быта с ироническим замыслом. Эти тексты были не только смешными и остроумными, но и имели глубокий подтекст, что делало их развлекательными и образовательными одновременно. В таких текстах редакторы высмеивали различные социальные и экономические проблемы того времени, используя жанр классической басни. В то же время, делался акцент на необходимости совмещения юмора и критического мышления, чтобы вызвать

¹ О развитии жилищного строительства в СССР Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. 31 июля 1957. [Электронный ресурс]. URL: // <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355256> (дата обращения: 28.11.2023).

у читателей не только смех, но и размышления. Тексты сатирической и юмористической направленности в «Настольном календаре» позволяли авторам и читателям по-новому взглянуть на свою жизнь и смеяться над некоторыми проблемами, не теряя веры в социалистический идеал.

Обсуждение и выводы

Эффективное целевое воздействие на читателя посредством календаря являлась достаточно результативным. «Настольный календарь» старался в выходивших ежегодных номерах дать ответы (советы) на повседневные вопросы, стоявшие перед обществом. Выбранный жанр мини-энциклопедии календарь оправдал по продолжительности использования (ежегодник); по информированности (актуальность, идеологическая значимость, справочный характер); по тиражности (наличие в библиотечно-образовательных учреждениях).

Материалы «Настольного календаря» свидетельствовали о стремлении редакторов обогатить советское общество знаниями. После распада СССР в начале 90-х годов XX в. интерес к календарям постепенно снизился. Вместо них стали появляться издания, отражающие новую политическую систему и новые социально-экономические реалии.

Список литературы

1. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. – 2014. – Вып. 2. – С. 106–126. EDN: SFACSL.
2. Азарова П. Е. Календари 1921–1941 годов как инструмент конструирования социальной памяти // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – № 1. – С. 121–125. EDN: ONZGER
3. Паренчук Т. Н. Календарная система массовых праздников как фактор формирования общественного «календарного» сознания в городской народной культуре // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 294–297. EDN: PDVDRF
4. Зыков О. П., Рябова Т. В. Календарь «Народной воли» как уникальный пример независимой политической журналистики // European Social Science Journal. – 2014. – № 2–1 (41). – Р. 340–343. EDN: RZBТАН
5. Харитонова А. Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1965. – № 5. – С. 63–67.
6. Бромлей Н. Я. Уровень жизни в СССР. 1950–1965 // Вопросы истории. – 1966. – № 7. – С. 3–18.

7. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. 200 с.

8. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.

9. Рабочий класс в годы упрочения и развития социалистического общества (1945–1960 гг.). Т. 4 / Под ред. А. И. Мельникова. М.: Наука, 1987. 430 с.

10. Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. 2-е изд. (эл.). М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 316 с.

11. От редакции // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1958. С. 1.

12. Свердлов Я. М. // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1985. С. 21.

13. Фрунзе М. В. // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1985. С. 22.

14. Клара Цеткин // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1981. С. 155.

15. Корнилова Е. Джек Лондон // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1966. С. 22.

16. Никола Паганини // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1981. С. 24.

17. Федотов А. Исаак Ньютон // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1977. С. 4.

18. Рахилин В. П. П. Семенов-Тянь-Шанский // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1977. С. 7.

19. Новое в борьбе с инфарктом миокарда // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1970. С. 140.

20. Существуют ли простудные заболевания? // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1965. С. 18.

21. Гусарская И. Желудочно-кишечные болезни у детей // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1960. С. 153.

22. Парамонова Э. Лечебное питание при гипертонической болезни // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1961. С. 223.

23. Гуревич С. Режим пенсионера // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1958. С. 116.

24. Беккер С. Алкоголь и потомство // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1970. С. 118.

25. Совет родителям! // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1963. С. 71.

26. Марченко Т. Как подготовить детей к школе // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1958. С. 54.

27. В едином стиле // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1971. С. 93.

28. Где ребенку заниматься? // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1975. С. 69.

29. Подростки // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1969. С. 102.

30. Рабинович Р. Младший школьник // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1964. С. 41.

31. Связь родителей со школой // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1959. С. 145.

32. Пенсионное обеспечение колхозников // Настольный календарь. М.: Госполитиздат, 1958. С. 119.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

A Year in History: Eventuality and Daily Life of a Soviet Person in the Second Half of the 20th Century (on the Materials of the "Desktop Calendar" for 1958–1990)

Alexander A. Chernyshev, Egor K. Karpov

Calendars, as an essential part of the culture of society and its information space, are valuable but little-studied source, which provides extensive material on the social and cultural life of Soviet people. The object of the study was the "Desktop Calendar", published in 1958–1990. The authors set the task of analyzing the source, which reflected the everyday life of a Soviet person. In the course of the work the historical and descriptive method was applied. "Desktop Calendar" contained materials that helped the Soviet person to find a solution in difficult life situations. Its pragmatic features identified from the context of the analyzed print media are brought into the scientific circulation of the history of everyday life. "Desktop Calendar" acted as a mini-encyclopedia of everyday life. The methodological basis of the work was the principle of historicism and the historical-descriptive method. It has been found that everyday encyclopedicism has become a "new" round in the struggle for culture, which was aimed to teach a person not only to be socially adapted, but also to be able to manage his life. "Desktop Calendar" is a historical and cultural monument that has an information component that could influence the public consciousness of society.

Key words: desk calendar, Soviet life, society, everyday life, USSR, Domestic encyclopedism, historical memory, mass media.

For citation: Chernyshev, A. A., Karpov, E. K. (2024) God v istorii: sobytijnost' i povsednevnost' sovetского человека второй половины XX в. na materialah «Nastol'nogo kalendarya» 1958–1990 gg. [A Year in History: Eventuality and Daily Life of a Soviet Person in the Second Half of the 20th Century (on the Materials of the "Desktop Calendar" for 1958–1990)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 183–197. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_183. EDN: ZVVFII

References

1. Rostovtsev, E. A., Sosnitsky, D. A. (2014). *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Directions of historical memory research in Russia]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istoriya* [Vestnik of SPbSU. Ser. 2. History]. Iss. 2. Pp. 106–126. (In Russ.)
2. Azarova, P. E. (2012) *Kalendari 1921–1941 godov kak instrument konstruirovaniya social'noj pamyati* [Calendars of 1921–1941 as a tool for constructing social memory]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology]. Vol. 11. No. 1. Pp. 121–125. (In Russ.)
3. Parenchuk, T. N. (2012) *Kalendarnaya sistema massovykh prazdnikov kak faktor formirovaniya obshchestvennogo «kalendarnogo» soznaniya v gorodskoj narodnoj kul'ture* [Calendar system of mass

holidays as a factor in the formation of public "calendar" consciousness in urban folk culture]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific bulletin]. No. 4 (111). Pp. 294–297. (In Russ.)

4. Zykov, O. P., Ryabova, T. V. (2014) *Kalendar' «Narodnoj voli» kak unikal'nyj primer nezavisimoy politicheskoy zhurnalistiki* [The calendar of "Narodnaya Volya" as a unique example of independent political journalism]. *European Social Science Journal* [European Social Science Journal]. No. 2–1 (41). Pp. 340–343. (In Russ.)

5. Kharitonova, A. E. (1965) *Osnovnye etapy zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR* [The main stages of housing construction in the USSR]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 5. Pp. 63–67. (In Russ.)

6. Bromley, N. Ya. (1966) *Uroven' zhizni v SSSR. 1950–1965* [Level of Life in the USSR. 1950–1965]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 7. Pp. 3–18. (In Russ.)

7. Zubkova, E. Yu. (1993) *Obshchestvo i reformy. 1945–1964 gg.* [Society and reforms. 1945–1964]. Moscow: Izd. center "Russia Young". (In Russ.)

8. Osokina, E. A. (1999) *Za fasadom «stalinskogo izobilija»*. *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii, 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's abundance". Distribution and the market in the supply of the population in the years of industrialization, 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

9. (1987) *Rabochij klass v gody uprocheniya i razvitiya socialisticheskogo obshchestva (1945–1960 gg.)* [The working class in the years of consolidation and development of socialist society (1945–1960)]. Vol. 4. Edited by A. I. Melnikov. Moscow: Nauka. (In Russ.)

10. Orlov, I. B. (2019) *Sovetskaya povsednevnost'. Istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of formation]. Moscow: Izd. dom Higher School of Economics. (In Russ.)

11. (1958) *Ot redakcii* [From the editors]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 1. (In Russ.)

12. (1985) *Sverdlov YA. M.* [Sverdlov YA. M.]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gosdolitizdat. P. 21. (In Russ.)

13. (1985) *Frunze M. V.* [Frunze M. V.]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gosdolitizdat. P. 22. (In Russ.)

14. (1981) *Klara Cerkin* [Clara Zetkin]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 155. (In Russ.)

15. Kornilova E. (1966) *Dzhek London* [Jack London]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 22. (In Russ.)

16. (1981) *Nikola Paganini* [Nicola Paganini]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 24. (In Russ.)

17. Fedotov, A. (1977) *Isaak N'yuton* [Isaac Newton]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 4. (In Russ.)

18. Rakhilin, V. (1977) *P. P. Semyonov-Tyan-SHanskij* [P. P. Semyonov-Tyan-Shansky]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 7. (In Russ.)

19. (1970) *Novoe v bor'be s infarktom miokarda* [New in the fight against myocardial infarction]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 140. (In Russ.)

20. (1965) *Sushchestvuyut li prostudnye zabolvaniya?* [Do the colds exist?]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 18. (In Russ.)

21. Gusarskaya, I. (1960) *ZHeludochno-kishechnye bolezni u detej* [Gastrointestinal diseases in children]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 153. (In Russ.)

22. Paramonova, E. (1961) *Lechebnoe pitanie pri gipertionicheskoy bolezni* [Therapeutic nutrition in hypertensive disease]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 223. (In Russ.)

23. Gurevich, S. (1958) *Rezhim pensionera* [The regime of the pensioner]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 116. (In Russ.)

24. Becker, S. (1970) *Alkogol' i potomstvo* [Alcohol and descendants]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 118. (In Russ.)

25. (1963) *Sovet roditelyam!* [Advice to parents!]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 71. (In Russ.)

26. (1958) *Marchenko, T. Kak podgotovit' detej k shkole* [How to prepare children for school]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gosdolitizdat. P. 54. (In Russ.)

27. (1971) *V edinom stile* [In a single style]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 93. (In Russ.)
28. (1975) *Gde rebenku zanimat'sya?* [Where should a child study?]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 69. (In Russ.)
29. (1969) *Podrostki* [Teenagers]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 102. (In Russ.)
30. Rabinovich, R. (1964) *Mladshij shkol'nik* [Junior schoolboy]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gosudolitizdat. P. 41. (In Russ.)
31. (1959) *Svyaz' roditelej so shkoloj* [Parents' connection with the school]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 145. (In Russ.)
32. (1958) *Pensionnoe obespechenie kolhoznikov* [Pension provision of collective farmers]. *Nastol'nyj kalendar'* [Desktop calendar]. Moscow. Gospolitizdat. P. 119. (In Russ.)

Об авторах

Чернышев Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru; ORCID ID: 0000-0002-5904-8936

Карпов Егор Константинович, кандидат технических наук, доцент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: e.k.karpov@utmn.ru; ORCID ID: 0000-0003-4966-8725

About the authors

Chernyshev Alexander A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation; e-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru; ORCID ID: 0000-0002-5904-8936

Karpov Egor K., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation; e-mail: e.k.karpov@utmn.ru; ORCID ID: 0000-0003-4966-8725

Статья поступила в редакцию 03.12.2023
Одобрена после рецензирования 10.01.2024
Принята к публикации 18.01.2024

Военная кампания 1877–1878 годов глазами Морского гвардейского экипажа

Ф. А. Фокин

В представленной статье рассматривается повседневная деятельность Морского гвардейского экипажа Российской империи в годы русско-турецкой кампании 1877–1878. В работе характеризуется не только повседневная воинская служба нижних и офицерских чинов Экипажа, но и их настроения перед войной. Анализируются условия быта и содержания моряков, как на приграничной территории, так и на территории уже Османской империи. В публикации содержится информация о подвигах и наградах различных чинов морских гвардейцев. Особый интерес вызывает анализ отношения к гвардейцам со стороны руководства, как русской армией, так и членов императорской фамилии. Упоминаются все крупные и незначительные сражения, в которых принимали участие военнослужащие Морского гвардейского корпуса, однако акцент делается на повседневную составляющую, а не на оценку самих сражений. Статья написана с привлечением документов и материалов Российского государственного архива военно-морского флота, которые и помогли рассмотреть русско-турецкую войну 1877–1878 годов под новым углом, взглянуть на неё глазами рядовых участников, а не генералов.

Ключевые слова: Морской гвардейский корпус, русско-турецкая война 1877–1878 гг., нижние чины, офицеры, служба моряков во время войны.

Для цитирования: Фокин Ф. А. Военная кампания 1877–1878 годов глазами Морского гвардейского экипажа // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 198–212. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_198. EDN: AUZZFA

Введение

Морской гвардейский корпус представлял в XIX–XX веках особо привилегированную часть российских вооружённых сил. На протяжении десятилетий моряки-гвардейцы выполняли разнообразные задачи. Они приняли участие во всех войнах, начиная с 1810 года, имели серьёзный опыт не только морских батальонов, но и сухопутных сражений, при этом далеко не каждый гвардейский полк его величества участвовал в таком множестве торжественно-церемониальных процессов. Можно смело заявить, что чины Морского гвардейского экипажа в полной мере могут называться универсальными солдатами и тем востребованнее изучение их повседневной службы и жизни.

Обращаясь к отечественной историографии следует отметить, что отсутствуют самостоятельные исследования, посвященные повседневной службе чинов Морского гвардейского корпуса. Как правило, рассматриваются императорские армия и флот в целом, с упоминанием лишь некоторых аспектов повседневной службы и жизни рядовых или офицерских чинов. Но, тем не менее, стоит отметить работы А. Щепотоева, В. Т. Поливанова, И. В. Козыря [1–3], в которых исследуется история создания и изменения Морского гвардейского экипажа, как целостного подразделения. Необходимо выделить так же труды, посвящённые русско-турецкому конфликту, – И. И. Ростунова, В. И. Виноградова, Ц. Генова, А. И. Косича [4–7], в которых даётся анализ событий компании, но отсутствует какое-либо упоминание действий моряков. Вопросы материально-бытового характера стали предметом изучения Л. А. Малышева, А. А. Чернышева, А. Д. Бубнова [8–10].

Указанные работы предлагают нам большое количество информации как по устройству Морского экипажа, так и по военным действиям, чьими участниками были гвардейцы, а также по условиям их быта. Однако, в исследованиях существуют пробелы, касающиеся повседневной службы моряков-гвардейцев, что открывает возможность для всестороннего и досконального исследования их повседневности.

Цель данной работы – анализ повседневной службы и материально-бытовых условий нижних чинов и офицеров Морского гвардейского экипажа во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Для изучения проблематики повседневной службы гвардейского экипажа были использованы делопроизводственные документы и материалы Российского государственного архива ВМФ [11]. В первую очередь, это отчёты, приказы, распоряжения по гвардейскому подразделению, также для рассмотрения боевой составляющей были изучены сведения о снабжении гвардейцев во время войны. Нельзя обойти вниманием информацию и о переданных экипажу черноморцами судах и их состоянии. Отдельного внимания заслуживают делопроизводственные документы по флоту и морскому ведомству, в которых находятся сведения о награждении гвардейцев. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Результаты

Когда внимание всех слоев населения в Российской империи было обращено на Кишинёв, где происходила мобилизация русской императорской армии для поддержания российских требований, предъявляемых Османской империи для защиты балканских славян, то среди всех чинов Морского гвардейского экипажа стали ходить слухи о возможном участии их в предстоящей войне, как это было на протяжении всего XIX столетия.

И действительно, 26 октября 1876 г. стало известно, что главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич желает иметь в своём распоряжении моряков, для чего были назначены команды из Черноморского флота и Гвардейского экипажа. Всего из гвардейцев было сформировано две роты, которым были даны порядковые номера № 7 и № 8 [1, с. 37]. Основные четыре роты, хотя и сильно уменьшенные, всё же не были упразднены и оставались в Петербурге, а 5-я и 6-я были выделены на плавающем за границей фрегатом «Светлана» под командой Великого князя Алексея Александровича.

Настроения среди гвардейцев были патриотичными, о чем свидетельствует тот факт, что многие офицеры, да и нижние чины записывались в добровольцы. Дополнительной мотивацией служили, во-первых, повышенный оклад во время войны (одна из главных причин для офицеров), во-вторых, сказывалась патриотическая работа старших офицеров, которые проводили постоянные воспитательные занятия среди нижних чинов и офицеров младшего звена [2, с. 49–51], но говорить однозначно

об результатах этой работы сложно. Они во многом зависели от личности старшего офицера, который вёл занятия. Для многих из них такая работа была просто для «галочки» и никого результата не приносила, но при этом встречались офицеры, которые ответственно подходили к своим обязанностям.

Так же причиной воодушевления было и отсутствие какого-то крупного военного опыта Гвардейского экипажа, естественно, гвардейцы принимали участие в войнах XIX века, но участие было ограниченным, по несколько рот или же батальонов. Гвардейское подразделение не теряло большого количества личного состава отсюда и иллюзия, что война дело не страшное, да и ещё прибыльное, особенно для офицеров. Офицеры-гвардейцы переходили на повышенный оклад, но он был не таким большим, для офицеров среднего звена в среднем на 10 процентов больше мирного времени. Главным источником дополнительного дохода служили столовые деньги, которые выделялись на питание, но во время войны военнотрудовой обеспечивался государством, отсюда и возможность отложить эти деньги. Размеры столовых денег были нефиксированными, отсюда и сложность их подсчитать, но, например, командующий полком получал в среднем 175 р. [3, с. 38], что было примерно четвертью от жалования, такая пропорция сохраняется и ниже по карьерной лестнице.

Командиром гвардейского отряда был назначен капитан-лейтенант А. Г. Тудер, 7-й роты – лейтенант Н. Н. Скрыдлов, а 8-й – лейтенант К. А. Дубасов [1, с. 39]. Количество нижних чинов, вместе с музыкантами, в каждой роте было 313 чел., что свидетельствует об увеличении состава почти вдвое.

13 ноября прошёл Высочайший смотр полбатальона Гвардейского экипажа, а уже 18 числа гвардейцы выступили из Санкт-Петербурга в действующую армию [4, с. 19–20]. Быстрое снаряжение 2-х рот в 12-дневный срок доказало полную исправность гвардейцев.

В течение зимней стоянки в Кишиневе отряд главным образом занимался боевой подготовкой, строем и стрельбами. Причем поддержание боеспособности сводилось к неэффективной муштре нижних чинов. В период с декабря по апрель было устроено всего лишь два занятия, где применяли боевое оружие. Повседневная жизнь в прифронтовом городе не силь-

но отличалась от мирного времени для гвардейцев, правда нижние чины были размещены в специально подготовленных казармах, которые больше напоминали бараки, что было не привычно для матросов, выросших в «тепличных» условиях в сравнении с остальной армией [5, с. 22–23]. А большинство офицерского состава получило квартирные деньги и вынуждены было самостоятельно искать жильё, что было довольно сложно из-за большого количества военнослужащих Российской империи, которые уже находились в городе. Если у нижних чинов было казарменное положение и свободного времени от нарядов и занятий практически не было, то у офицеров оно имелось, хоть и не в больших количествах. Главным образом офицеры проводили время в офицерском клубе в Кишинёве, который был наспех устроен на Московской (Александровской) улице. Важно отметить, что сами офицеры это заведение называли по-другому, а именно кают-компания.

Питание гвардейцев в Кишинёве напоминало объединение армейского и флотского рациона: утро – чай с чёрным хлебом, обед состоял из двух вариантов – первый суп с полуфунтовым мясом или же борщ, второй вариант – это каша и рыба, на ужин – каша с салом. На флоте была своя специфика, и при сохранении калорийности некоторые продукты подлежали замене. Например, хлеба давали меньше, зато для моряков были макаронны. В отличие от армии с её сухим законом, у флотских сохранялась винная порция, которую называли «казённая чарка», также старались давать больше витаминов, а значит, квашеной капусты или овощей. Винную порцию выдавать продолжали, но вот овощей по меркам флота не было. Представленный рацион практически не изменялся во все годы войны за исключением некоторых позиций, но и эти изменения носили временный характер, вызванный сложностью подвоза определённых продуктов. Примечательно, что моряки имели право отказаться от «казённой чарки» или же другого довольствия, например, табака и при этом получить прибавку, которая называлась «заслуга». Так, то за каждую пропущенную винную порцию матрос получал 5 к. Перед любым приёмом пищи обязательно снималась проба старшим офицером [5; с. 22–23].

В апреле в Кишинёв прибыл император Александр II и 12 числа после высочайшего смотра был провозглашён манифест

об объявлении войны Османской империи и в ту же ночь российские войска перешли границу Румынии [3, с. 101].

Деятельность гвардейцев на Дунае началась с постановки минного заграждения в устье реки Серет, с целью защитить стратегически важный Барбошский мост. В минировании принимали участие охотники из Гвардейского экипажа во главе с лейтенантом К. А. Дубасовым [6, с. 62]. Тут у Морского гвардейского экипажа произошёл первый и сразу успешный бой в ходе этой военной компании. Гвардейцы под командой лейтенанта решили не дожидаться удара турок, а двинуться на их позиции первыми, несмотря на подавляющий перевес противника. Насколько они преуспели в этом свидетельствует телеграмма помощника главнокомандующего генерала от инфантерии А. А. Непокойчицкого: «Сегодня сам возложил на Дубасова и Шестакова георгиевские кресты» [7].

Нижние чины и офицеры Морского экипажа бойцы были воодушевлены, после первых побед, хоть и тактических, появляется дополнительная вера в свои силы, этому же способствовало и награждение [8, с. 94]. Тем более, что награждал двух офицеров после победы фактически начальник штаба русской армии, что говорило об особенном отношении к ним, даже по меркам гвардейских полков [9, с. 86]. Вызвано это было близкими отношениями августейшего семейства и Морского гвардейского экипажа, ведь любое путешествие по воде обслуживалось именно гвардейцами [10, с. 27], также были распространены длительные путешествия с членами императорской фамилии, что опять-таки повышало престижность данного подразделения.

Весь отряд Гвардейского экипажа с паровыми катерами и шестёрками из Паркан был отправлен на Дунай в деревню Малоде-Жос у Журжева [11] с целью устроить минное заграждение у острова Мечка, которое находилось выше Рущука, чтобы лишить возможности турецких военных судов подниматься по Дунаю к предполагаемому месту переправы [12; с. 22–24]. Поставка мин началась в ночь с 7 по 8 июня. Прикрывали работы на острове стрелки и взвод Гвардейского Экипажа, а на случай нападения турецких судов был послан к нижнему концу острова Мечка лейтенант Л. Д. Скрыдлов на катере «Шутка». В момент, когда работы уже заканчивались, один из турецких пароходов направился к русским катерам минирования и, что-

бы скрыть деятельность подразделения лейтенант Л. Д. Скрыдлов вступил бой [13, с. 20]. Нападение вызвало замешательство турок и вражеское судно отошло на исходные позиции. Работы гвардейцев на острове были завершены в срок и Морской экипаж отступил на русский берег [1, с. 67]. В сравнении с первым боестолкновением, этот бой был не столь успешен для морских гвардейцев, весь личный состав катера «Шутка», включая офицера, был ранен, так как пришлось подойти вплотную к турецкому судну, которое имело явный перевес в огневой силе. Однако цель была достигнута, минное заграждение было установлено и за свой подвиг лейтенант Л. Д. Скрыдлов, как и его товарищи, сразу получил георгиевский крест 4-й степени.

Быт гвардейцев был достаточно суров, домов в деревне для всех не хватило и поэтому было принято решение, подселить офицеров к деревенским жителям, а нижних чинов расположить в палатках рядом с деревней. Важно отметить, что в Малоде-Жос стояли не только морские гвардейцы, но и другие части русской армии отсюда и дефицит жилья. Для удобства гвардейцы брали солому в палатки и укрывались кителями. Спали нижние чины в тельняшках, которые в 1874 году появились на флоте и выполняли роль нательного белья.

Изначально предполагалось, что мины будут ставить и со стороны болгарского берега, чтобы обезопасить фланги русской армии. Но минировать было поздно, так как из Рущука подошла османская пехота и открыла огонь по русским катерам. Катер мичмана Г. О. Нилова в этот момент только приступил к минированию, но после сброса первой мины вынужден был отойти с раненым рулевым, машинистом и минёром [14; с. 12–14]. Гвардейцы не имели разведанных о движении турецких сил, примечательно, что и русский генеральный штаб, который и отдал этот приказ, точно так же не знал о такой быстрой переброске турецких подразделений к берегу Дуная.

11 июня личный состав Гвардейского экипажа, перешедший вверх по Дунаю к Никополю, снова отличился. Когда гвардейцы приступили к постановке мин у Фламунды, мичману Г. О. Нилову на катере «Шутка» было поручено наблюдать за судами, которые могли бы помешать работам. С ним были катера «Мина», под командой гардемарина О. Аренса, и «Первенец» [15]. Довольно скоро после начала минирования показался вра-

жеский монитор, направлявшийся к работающим русским катерам и прикрывавший их батареи. Катер «Мина» двинулся к монитору с целью его атаковать и задержать его продвижение, но когда одним из снарядов с турецкого судна был перебит минный шест, то мичман Г. О. Нилов на катере «Шутка», вооружённом только буксирными крылатыми минами, двинулся стремительно в атаку, чтобы спасти небоеспособного товарища. Но из-за быстрого течения и неповоротливости катера, ещё и неисправленного после предыдущего боя, не смог приблизиться к монитору и проскочил мимо него и врезался в берег под турецким укреплением. Под огнём неприятельской пехоты и выстрелами с броненосца нижним чином пришлось покинуть катер и по горло в воде руками сталкивать судно обратно в реку. Столкнувшись с мели, мичман Г. О. Нилов вернулся назад и, проходя мимо монитора, открыл по нему ружейный огонь с катера. Выдающаяся храбрость моряков и огонь русских батарей заставили турецкий корабль отступить и вернуться к Никополю. Мичман Г. О. Нилов получил за свои действия георгиевский крест 4-й степени, гардемарин О. Аренс – знак отличия военного ордена, а вся команда – уже вторые георгиевские кресты с бантом (на «Мине» – первые) [16, с. 55].

Отношение морских гвардейцев к своим товарищам, которые получали награды, было очень уважительное. Мы можем наблюдать особый климат, который сформировался не только в Гвардейском Экипаже, а в целом на флоте. Например, обращение к друг другу не по званию, а по имени отчеству. Обращение по званию моряками одного положения расценивалось, как оскорбление или пренебрежение, что вело к разрыву всех отношений. Причина такого обычая была связана с особенностями корабельной жизни: моряки подолгу находились в замкнутых пространствах и в долгих постоянных плаваниях и как следствие появлялось чувство оторванности от внешней жизни. Этот климат и воспитал в гвардейцах чувство сплочённости и спаянности.

Установив мины, Гвардейский экипаж отправился в Славину на реку Ольт для приготовления деревянных понтонов и проводки их к месту переправы [17]. В то же время личный состав занялся исправлением и приготовлением румынского парохода «Аннета» для содействия быстрейшей перевозке войск.

Уже после объявления войны оказалось, что в русской армии не имеется достаточного количества морских команд, которые были необходимы для переправы и действий на широчайшей в Европе реке, а потому главнокомандующий затребовал высылку ему ещё 1 000 матросов [18; с. 77–79]. Вследствие этого был отправлен на Дунай второй отряд морских команд, состоявший из рот его высочества Гвардейского экипажа и ещё 4-х флотских рот. В составе роты было 177 чел., под командой лейтенанта И. И. Платонова.

27 мая 1877 г. рота двинулась по железной дороге в армию. Простояв несколько дней на станции Баньяссы, гвардейские моряки отправились в Зимницу и прибыли к месту переправы 12 июня [1, с. 58] 14 июня утром лейтенант И. И. Платонов сделал расчёт людей по понтонам и затем отряд направился к ближайшему рукаву Дуная и спустил свои понтоны на воду. В 9 часов вечера понтоны без шума пошли к главному рукаву Дуная и около рассвета были на месте, куда уже прибывали в полной тишине войска, назначенные для переправы. В час ночи приступили к посадке армии, а в два часа ночи началось движение. В первый рейс переправлялись роты пластунов-казаков и часть Волынского полка. Офицеры Гвардейского экипажа были на понтонах через каждые 4 проёма и руководили действиями эшелона. На остальных на руле были квартирмейстеры Экипажа [19]. После первой высадки на турецком берегу поднялась тревога и был открыт огонь со сторожевых постов и 5-тысячная колонна османской империи пришла в движение. Второй рейс оказался самым опасным, как для гвардейцев, так и для русской армии. Батареи противника засыпали ядрами понтоны, взрывали паромы и наносили большой урон переправляющимся. С третьего рейса личный состав Экипажа понемногу освоился, а после пятого рейса огонь уже прекратился, так как турецкая армия была оттеснена от берега [19]. Около 6 утра подошёл отремонтированный пароход «Аннета» с баржами и паровыми катерами. После этого переправа пошла быстрее и военный успех был уже обеспечен. Днём 16 июня гвардейцы приступили к наводке моста на понтонах, но в этот момент со стороны Руццука показались турецкие броненосцы и пароход. Но при виде численного превосходства со стороны русских катеров турецкий отряд отошёл на исходные позиции.

Зимовка в Петрошанах была организована на высоком уровне, в сравнении с постоянно меняющимися условиями быта во время частых стычек с турками. Для гвардейских рот были устроены высокие, с окнами землянки. Кухни и хлебопекарни были устроены отдельно, была также выстроена баня. Офицеры были размещены по крестьянским избам, а часть из них в доме управляющего. В селе также была организована кают-компания, которая служила местом развлечений и отдыха для офицерского состава [20, с. 60]. Часть августа, сентября и часть октября Экипаж наводил мосты, строил плотины и шоссе от Петрошан до низменного берега Дуная и в то же время нёс сторожевую службу у моста, особенно тяжёлую во время ледохода, и помогал переправлять транспорты с продовольствием и припасами для рущакского русского отряда.

В январе 1878 г. гвардейские моряки получили новый приказ и отправились на противоположный берег Дуная к берегам Мраморного моря, в Сан-Стефано [21]. Маршрут Экипажа проходил через Тырново и Елену. Через Балканы экипаж перешёл в один день Еленинским перевалом и из Ески-Загры двигался на железной дороге в Адрианополь, а оттуда через трое суток прибыл в Сан-Стефано, до Стамбула оставался час пути. Уже на месте гвардейцы узнали о том, что мир заключён, но задачи моряков не закончились. Руководство вооружённых сил России понимало, что может повториться ситуация Крымской войны, когда европейские страны вмешались в русско-турецкий конфликт. И для того, чтобы укрепить свои позиции поручили Морскому гвардейскому экипажу новые задачи. Морякам пришлось заняться приготовлением плавучих средств и приёмкой в Бургасе прибывших из России мин заграждения для обороны Чёрного моря от вторжения английского флота [22].

В конце марта отношения главной квартиры со Стамбулом настолько улучшились, что великий князь главнокомандующий решил сделать визит султану. На яхте «Ливадия» с Николаем Николаевичем была и рота гвардейского экипажа, которая и составляла почётный караул [23]. Из воспоминаний гвардейских чинов видно, что моряки достаточно быстро изменили отношение к туркам с негативного на доброжелательное. Изменения были не просто внешне, но и на моральном уровне, так, например, моряки сидели за одним столом с турецким

караулом во время обеда, касалось это как нижних чинов, так и офицеров. Такой переход сложно себе представить в других воинских частях, которые понесли большие потери во время штурма Плевны или обороны Шипкинского перевала. Морские гвардейцы же не несли крупных потерь в данной компании и не испытывали желания отомстить за павших сослуживцев.

В конце апреля 1878 г. был окончательно заключён мир и Морской гвардейский экипаж одной из первых гвардейских частей был отправлен в Россию. Путь проходил через Одессу, а затем шёл в Санкт-Петербург, куда гвардейцы прибыли 5 мая. После высочайшего смотра гвардейцы получили короткие недельные отпуска. За подвиги и храбрость гвардейцев во время русско-турецкой войны и пользы, принесённой ими русской армии, Экипажу были пожалованы серебряные георгиевские рожки и георгиевские ленточки на фуражках нижних чинов [1, с. 88].

Обсуждение и выводы

Гвардейцы морского Экипажа в годы русско-турецкой войны своей службой внесли вклад в победу России в этом вооружённом конфликте. Своими, как повседневными, так и героическими действиями продемонстрировали необычайную самоотверженность. И несмотря на своё очевидное привилегированное положение, моряки испытали на себе суровые реалии войны. Конечно же гвардейцы не понаслышке знали о воинском быте и стойко прошли все испытания, но стоит отметить, что бытовые испытания не были какими-то тяжелыми. Худшее это было ночевать в палатке, чаще всего личный состав размещали в уже имевшихся постройках, которыми могли быть крестьянские дома, избы, землянки, казармы, квартиры. Со снабжением никаких перебоев не было, гвардейцев исправно кормили и каких-то особых лишений им пережить не пришлось.

Список литературы

1. Щепотаев А. Памятка Гвардейского экипажа, 1710–1910: Крат. ист. очерк. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. 135 с.
2. Поливанов В. Т., Бякин Г. И. Морской Гвардейский экипаж: Страницы истории. СПб.: ПИК, 1996. 301 с.

3. Козырь И. В. Морская гвардия у ворот Царьграда // Морское наследие. – 2014. – № 3–4 (11–12). С. 20–29.
4. Ростунова И. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1977. 263 с.
5. Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978. 296 с.
6. Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979. 237 с.
7. Косич А. И. Рущукский отряд // Известия Саратовского университета: Научный журнал. 2010. – Т. 10, вып. 1. – С. 88–93.
8. Малышев Л. А. Морской Гвардейский Экипаж. 300 лет. История и современность. СПб.: Изд-во «МСТ», 2011. 335 с.
9. Чернышев А. А. Морская гвардия Отечества. М.: Вече, 2013. 199 с.
10. Бубнов А. Д. В царской ставке. СПб.: «Облик», 1995. 176 с.
11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 935. Оп. 1. Д. 16.
12. Виноградский. Действия Морского Гвардейского экипажа в войне 1877–1878 годов // Морской сборник. 1903. № 5. С. 1–31.
13. Рембелинский А. М. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского Экипажа М.: Синодальная типография, 1910. 338 с.
14. Петрова Ф. А. Использование русскими моряками минного оружия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М.: Военмориздат ВММ СССР, 1951. 380 с.
15. Малышев Л. А. Создание морской гвардии в России: 1690–1880 гг. СПб.: изд-во «Нестор-История», 2014. 176 с.
16. РГАВМФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 11.
17. Прокофьев В. Двухсотлетие Гвардейского экипажа // Новое время. 1910. № 2270. С. 50–60.
18. РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 3. Д. 2.
19. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1900. Ч. 10; СПб., 1901. Ч. 16.
20. РГАВМФ. Ф. 901. Оп. 6. Д. 9.
21. РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2.
22. РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 15. Д. 6.
23. РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 1.

1877–1878 Military Campaign Through the Eyes of the Marine Guards Crew

Fedor A. Fokin

The article presents the daily activities of the Marine Guards Crew of the Russian Empire during the years of the Russian-Turkish company of 1877–1878. The scientific work presents not only the daily military service of the lower and officer ranks of the Crew, but also the mood before the war, as well as the conditions of life and maintenance of sailors, both on the border territory and on the territory of the Ottoman Empire. The publication also contains information about the exploits and awards of various ranks of the Marine Guards. The paper discusses aspects of nutrition and everyday life during the war. A particularly interesting part of the article is the analysis of the attitude towards the Guards by the leadership, both by the Russian army and by members of the Imperial family. The scientific work mentions all minor and major battles in which the servicemen of the Marine Guard Corps took part, but the emphasis is on the everyday component, and not on the evaluation of the battles themselves. Attention is also focused on the use of documents and materials of the Russian State Archive of the Navy, which helped to consider the Russian-Turkish war of 1877–1878 from a new angle, to look at it through the eyes of ordinary participants, not major generals.

Key words: Marine Guards Corps, Russian–Turkish War of 1877–1878, lower ranks, officers, sailors' service during the war.

For citation: Fokin, F. A. (2024) Voennaya kampaniya 1877–1878 godov glazami Morskogo gvardejskogo ekipazha [1877–1878 Military Campaign Through the Eyes of the Marine Guards Crew]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 198–212. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_198. EDN: AUZZFA

References

1. Shchepotaev, A. (1910) *Pamyatka Gvardejskogo ekipazha, 1710–1910: Krat. ist. ocherk* [Memo of the Guards Crew, 1710–1910: Short historical article]. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag. (In Russ.)
2. Polivanov, V. T., Byakin, G. I. (1996) *Morskoj Gvardejskij ekipazh: Stranicy istorii* [Marine Guards Crew: Pages of History]. St. Petersburg: Pi K. (In Russ.)
3. Kozyr', I. V. (2014) *Morskaya gvardiya u vorot Tsar'grada* [Naval Guard at the gates of Constantinople]. *Morskoe nasledie* [Maritime Heritage]. No. 3–4 (11–12). Pp. 20–29. (In Russ.)
4. Rostunova, I. I. (1977) *Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg.* [Russian-Turkish War of 1877–1878]. Moscow: Military Publishing House. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. I. (1978) *Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii* [Russian-Turkish War of 1877–1878 and the liberation of Bulgaria]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
6. Genov, Ts. (1979) *Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelej* [Russian-Turkish War of 1877–1878 and the feat of the liberators]. Sofia: Sofia Press. (In Russ.)

7. Kosich, A. I. (2010) *Rushchukskij otryad* [Rushchuk detachment]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta: Nauchnyj zhurnal* [News of Saratov University: Scientific Journal]. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 88–93. (In Russ.)

8. Malyshev, L. A. (2011) *Morskoy Gvardejskij Ekipazh. 300 let. Istoriya i sovremennost'* [Marine Guards Crew. 300 years. History and modernity]. St. Petersburg: Publishing house "MST". (In Russ.)

9. Chernyshev, A. A. (2013) *Morskaya gvardiya Otechestva* [Naval Guard of the Fatherland]. Moscow: Veche. (In Russ.)

10. Bubnov, A. D. (1995) *V carskoj stavke* [At the royal headquarters]. St. Petersburg: "Oblik". (In Russ.)

11. Russian State Archive of the Navy (hereinafter – RGAVMF). F. 935. Op. 1. D. 16.

12. Vinogradsky (1903) *Dejstviya Morskogo Gvardejskogo ekipazha v vojne 1877–1878 godov* [Actions of the Marine Guards crew in the war of 1877–1878]. *Morskoy sbornik* [Marine collection]. No. 5. Pp. 1–31. (In Russ.)

13. Rembelinsky, A. M. (1910) *Iz vospominanij starogo oficera Gvardejskogo Ekipazha* [From the memoirs of an old officer of the Guards Crew]. Moscow: Synodal printing house. (In Russ.)

14. Petrova, F. A. (1951) *Ispol'zovanie russkimi moryakami minnogo oruzhiya v russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg.* [Use of mine weapons by Russian sailors in the Russian-Turkish war of 1877–1878]. Moscow: Voenmorizdat VMM USSR. (In Russ.)

15. Malyshev, L. A. (2014) *Sozdanie morskoy gvardii v Rossii: 1690–1880 gg.* [Creation of the Marine Guard in Russia: 1690–1880]. St. Petersburg: Publishing house "Nestor-History". (In Russ.)

16. RGAVMF. F. 930. Op. 1. D. 11.

17. Prokofiev, V. (1910) *Dvuhsotletie Gvardejskogo ekipazha* [Bicentennial of the Guards Crew]. *Novoe vremya* [New Time]. No. 2270. Pp. 50–60. (In Russ.)

18. RGAVMF. F. 935. Op. 3. D. 2.

19. (1900) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk* [Historical description of clothing and weapons of Russian troops]. Part 10. St. Petersburg; (1901) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk* [Historical description of clothing and weapons of Russian troops]. Part 16. St. Petersburg. (In Russ.)

20. RGAVMF. F. 901. Op. 6. D. 9.

21. RGAVMF. F. 249. Op. 1. D. 2.

22. RGAVMF. F. 920. Op. 15. D. 6.

23. RGAVMF. F. 935. Op. 2. D. 1.

Об авторе

Фокин Фёдор Александрович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Fedor.fokin.1997@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-6410-967X

About the author

Fokin Fedor A., Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: Fedor.fokin.1997@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-6410-967X

*Статья поступила в редакцию 20.09.2023
Одобрена после рецензирования 18.01.2024
Принята к публикации 29.01.2024*

Дело командарма 1 ранга И. П. Уборевича. Существовал ли план поражения Красной армии?

В. С. Мильбах

В представленной статье отражен современный взгляд на события, которые вошли в историю нашей страны как массовые политические репрессии. Автором представлен краткий обзор историографии репрессий в Красной армии во второй половине 1930-х годов. На конкретном историческом примере раскрываются противоречия между проводимой сталинским руководством внутренней политикой и проблемами состояния армии и их разрешение накануне Второй мировой войны. Особое внимание уделено созданию следователями Управления госбезопасности наркомата внутренних дел доказательной базы для выдвижения обвинений в контрреволюционных преступлениях одному из выдающихся военачальников, герою Гражданской войны И. П. Уборевичу. Показана деятельность репрессивного механизма, способного добиться любого необходимого сталинскому режиму результата. Основанный на документах архивно-следственного дела, материал статьи позволяет более рельефно представить происходящее в 1937–1938 гг., оценить действия следственных органов, убедиться в том, что выдвинутые против И. П. Уборевича обвинения основаны на фальсификации.

Ключевые слова: политические репрессии, арест, архивно-следственное дело, допрос, обвинительное заключение, шпионаж, расстрел.

Для цитирования: Мильбах В. С. Дело командарма 1 ранга И. П. Уборевича. Существовал ли план поражения Красной армии? // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 213–228. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_213. EDN: BFPDJK

Введение

Проблеме политических репрессий 1937–1938 гг. в Красной армии посвящены научные работы О. Ф. Сувенирова [1–3], Н. С. Черушева [4], А. А. Печенкина [5], С. Е. Лазарева [6; 7], С. С. Близначенко [8], П. Вечоркевича [9], Я. Войтковяка [10], М. Юнге и Р. Бинера [11] и других. В настоящее время исследовательские работы по данной проблематике проводятся учеными и преподавателями Михайловской военной артиллерийской академии [12–15]. Несмотря на однозначный вердикт большинства отечественных и зарубежных историков о несостоятельности утверждений о существовании военного заговора во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским, существуют мнения о подрывной деятельности заговорщиков, в том числе и о шпионаже, а также о наличии разработанного ими пораженческого плана войны Советского Союза с Германией. Одним из разработчиков такого плана считается командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1 ранга Иероним Петрович Уборевич.

Целью статьи является анализ следственного дела И. П. Уборевича и выявление на его основе, стандартных подходов, применявшихся в период массовых репрессий, для выдвижения обвинений в отношении высших руководителей Красной армии.

Аресты высокопоставленных военных в СССР развернулись в конце мая – в начале июня 1937 г. Во избежание противодействия органам наркомата внутренних дел (НКВД), они проводились скрытно, в глубокой тайне. При этом сотрудниками особых отделов практиковались такие методы, как ночной арест на квартире или арест при вызове в Москву под различными предложениями. Командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич 20 мая 1937 г. был назначен командующим войсками Среднеазиатского военного округа. Прибыв поездом за назначением в столицу, он 29 мая 1937 г. при выходе из вагона был арестован по обвинению в участии в так называемом военно-фашистском заговоре в РККА [1, с. 133].

Далее он был помещен под стражу и началось следствие. Изучение содержания документов архивно-следственного дела УГБ № 11923 позволяет ознакомиться с процедурой следствия, уяснить как формировалась доказательная база обвинительного заключения, какие при этом применялись приемы допроса арестованных.

стованного. На примере дела И. П. Уборевича можно убедиться в его заказном характере, стандартных подходах к получению признательных показаний и выдвигении обвинений исключительно на этих, добытых незаконными методами, показаниях. Подобная система была применена к сотням командиров и начальников, арестованных в 1937–1938 гг. по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений.

Результаты

Первым документом, подшитом в архивно-следственном деле, является ордер № 2041 на арест и обыск Уборевича И. П., подписанный заместителем наркома внутренних дел М. П. Фриновским. Дата на документе не проставлена. Приложенные далее протоколы обыска (все от 29 мая 1937 г.) свидетельствуют о том, что ордер должен быть также датирован тем же числом. Возможно, сотрудники НКВД торопились с арестом и допустили небрежность в оформлении документа.

Представляют интерес содержание протоколов обыска, которых в деле имеется пять. Все они отражают результаты обыска, а также изъятия вещей и документов по различным адресам. Обращает на себя внимание одна деталь, характерная для большинства протоколов обыска, проведенных сотрудниками департамента Ежова, – это наличие оружия по месту пребывания арестованного И. П. Уборевича. Например, в протоколе обыска в Москве «по ул. Бол. Ржевскому пер. д. 11, кв. 10» (это адрес известен как «дом военных», где И. П. Уборевич временно останавливался) было обнаружено среди прочего: «...пистолет немецкий калибра 7,65 № 248578, пистолет Коровина калибра 6,35 № 69168 без обоймы, пистолет Вальтер калибра 6,35 № 560087, патроны 6,35–15 шт., кинжал именной» [16, л. 2].

В день ареста командарма 1 ранга Уборевича обыски были проведены и в Белоруссии. На даче арестованного командующего войсками БВО в санатории «Гнездово» обыск проводили начальник 5-го отдела УГБ УНКВД по Западной области капитан ГБ Кривуша и его помощник капитан ГБ Ивановский, но отметили в протоколе, что «никаких материалов и предметов подлежащих изъятию обнаружено не было» [16, л. 5].

Обыск по основному месту жительства И. П. Уборевича (г. Смоленск ул. Карла Маркса, д. 22) проводили чекисты: на-

чальник 2 отдела ГУГБ НКВД СССР майор ГБ Евгеньев, начальник 6 отдела УГБ УНКВД Западной области капитан ГБ Абакин, сотрудник 2 отдела ГУГБ НКВД СССР лейтенант ГБ Гапонов. В протоколе обыска ими было отмечено, что «изъято: документы на имя Уборевича И. П. <...> Разных удостоверений, пропусков и билетов – 29 (двадцать девять штук).

Разная личная переписка и фотоснимки.

Разная секретная военная переписка.

Оружие: Наган № 23385

Кольт без н-ра

Маузер № 463150

Маузер № 462832

Маузер № 463434

Маузер № 463500

Браунинг бельгийский № 444480

два револьвера кавказского образца без номеров

Браунинг № 69534

Четыре охотничьих ружья

Одно охотничье ружье с Царским орлом

2 русских винтовки

два американских винчестера

четыре карабина

две мелкокалиберных винтовки

одна шашка с орденом Красного Знамени

две шашки казачьих

одна шашка китайская

один штык

один кинжал кавказск. серебра

патронов «маузер» – 70 обойм, парабеллум – 2 шт., мелкокалиберных – 500 штук, нагановских – 88 шт.

разных патронов для автоматического оружия 26 штук» [16, л. 6].

В протоколе обыска, проведенного в кабинете бывшего командующего войсками БВО было отмечено найденное и изъятое оружие: «...наганов четыре № 14447, 54325, 20759 и 27903; револьверов системы «Кольд» три № 16909, 239 и 6505; патронов нагановских 22» [16; л. 7–8].

Таким образом, в ходе обысков сотрудниками НКВД был обнаружено и изъято принадлежавшее И. П. Уборевичу оружие: винтовка (карабин, винчестер) – 10 шт.; ружье охотничье – 5 шт.;

пистолет (револьвер) – 20 шт.; шашка – 4 шт.; кинжал (штык) – 2 шт. Отметим, что при аресте он даже не пытался воспользоваться каким-либо оружием из этого арсенала для того, чтобы обороняться, бежать или покончить жизнь самоубийством.

Судя по имеющимся в деле документам, в первые два дня после ареста И. П. Уборевич категорически отрицал выдвинутые против него обвинения в совершении контрреволюционных преступлений.

Об этом свидетельствует содержание протокола очной ставки от 30 мая 1937 г. между арестованными Корком Августом Ивановичем и Уборевичем Иеронимом Петровичем. Необходимо отметить, что командарм 2 ранга А. И. Корк был арестован 12 мая 1937 г. и у следователей НКВД было достаточно времени для того, чтобы получить от него признательные показания в контрреволюционной деятельности.

На вопрос следователя бывшему начальнику и комиссару Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе А. И. Корку знает ли он присутствующего здесь Уборевича он ответил: «С Уборевичем <...> я знаком хорошо с декабря месяца 1923 года по совместной работе в Белорусском округе. Ещё ближе я познакомился с ним в 1928 году во время пребывания в Германии». На вопрос о контрреволюционной деятельности Уборевича последовал развернутый ответ Корка, зафиксированный на пяти страницах протокола. А. И. Корк показал: «Мне известно, что УБОРЕВИЧ входил в ту же военно-троцкистскую организацию, в которую входил и я. Эта организация имела целью осуществление заговора для свержения существующего режима сталинского правительства. Стало мне известно, что УБОРЕВИЧ тоже входит в нашу организацию – в период 1931 года» [16, л. 10].

А. И. Корк сообщил следствию, что сам он был завербован в военную организацию А. С. Енукидзе, секретарем Центрального исполнительного комитета СССР, членом ЦК ВКП(б), в июле 1931 г., «а затем ТУХАЧЕВСКИЙ мне, спустя несколько месяцев сказал, что в организацию входят также УБОРЕВИЧ, ЯКИР, ЭЙДЕМАН» [16, л. 11]. Далее, освещая совместную контрреволюционную деятельность с Уборевичем, Корк показал: «В дальнейшем в 1932–33 гг. я с УБОРЕВИЧЕМ многократно встречался у ТУХАЧЕВСКОГО, обсуждали задачи нашей военной организации» [16, л. 12]. В 1935–1936 гг. тематика обсуждаемых

вопросов изменилась: «Эти вопросы иного порядка сводились к вопросам пораженчества. К тому времени нам уже казалось, что вопрос осуществления переворота в Кремле принял затяжной характер. <...> Без УБОРЕВИЧА, без ЯКИРА, ТУХАЧЕВСКИЙ не проводил этих обсуждений. Так что УБОРЕВИЧ при всех этих обсуждениях являлся необходимым участником» [16, л. 13].

На вопрос следователя, подтверждает ли он показания Корка о том, что они вместе входили в контрреволюционную правотроцкистскую военную организацию, Уборевич ответил: «Никогда, никаких разговоров с КОРКОМ о контрреволюционных организациях не вел. Встречи, о которых он рассказывает частично были, но такого сорта: приходили вместе с женами» [16, л. 15]. Далее в своих ответах И. П. Уборевич подчеркивал лживость показаний А. И. Корка: «Что КОРК говорит совершенную неправду, я пока хочу заметить одну только фальшь» [16, л. 16]; «Это всё ложь от начала до конца» [16, л. 17].

На очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк повторил это, на что Уборевич заявил: «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу».

Заметим, что в ходе очной ставки название самой крамольной организации, имевшей «целью осуществление заговора», звучало по-разному (военно-троцкистская организация, наша организация, военная организация и, наконец, правотроцкистская военная организация), но это следователей НКВД несколько не смутило.

В конце протокола указано, что очную ставку проводил начальник 6-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан ГБ Глебов и присутствовали начальник 5-го отдела ГУГБ комиссар ГБ 2 ранга Леплевский, начальник 4-го отдела ГУГБ старший майор ГБ Литвин, помощник начальника 5-го отдела ГУГБ майор ГБ Карелин.

Из материалов дела известно, что через день после очной ставки с Корком, то есть 1 июня 1937 г. Уборевичем было написано заявление на имя Н. И. Ежова с признанием в контрреволюционной

деятельности, в т. ч. – об участии в антисоветском военном заговоре. Что же произошло в этот короткий промежуток времени?

Как значится в материалах дополнительной проверки архивно-следственного дела № 967581 по обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других, осужденных 11 июня 1937 г., бывший начальник отделения НКВД А. А. Авсевич в прокуратуре 5 июля 1956 г. показал: «Мне известно, что в мае месяце 1937 г. на одном из совещаний пом. начальника отдела УШАКОВ доложил ЛЕПЛЕВСКОМУ, что УБОРЕВИЧ не хочет давать показаний. ЛЕПЛЕВСКИЙ приказал на совещании УШАКОВУ применить к УБОРЕВИЧУ физические методы воздействия» [17, л. 232–233]. Поскольку Капитан ГБ З. М. Ушаков (Ушимирский) лично в расследовании дела И. П. Уборевича не принимал, то вероятно, что данный доклад Зиновия Марковича осуществлялся со слов кого-то из следователей (З. Н. Глебов, М. И. Литвин, В. П. Карелин) и прозвучал он утром 30 мая 1937 г. После чего главный особист Красной армии комиссар ГБ 2 ранга И. М. Леплевский решил лично поприсутствовать на очной ставке арестованных И. П. Уборевича и А. И. Корка. Поскольку признательные показания Уборевича были крайне необходимы для завершения следствия по так называемому антисоветскому военному заговору, Израиль Моисеевич посетил это следственное мероприятие не в одиночку, а в сопровождении группы подчиненных, способных воздействовать на арестованного не только своим авторитетом. После этого сотрудники НКВД добились необходимого результата: 1 июня 1937 г. И. П. Уборевич подписал заявление на имя наркома внутренних дел, но в архивно-следственном деле данный документ отсутствует.

Письмо И. П. Уборевича Н. И. Ежову более расширенного содержания, оно имеется в деле на 20 страницах машинописного текста, было датировано 4 июня 1937 г. Арестованный писал: «1-го июня 1937 года я подал на Ваше имя заявление о том, что являюсь участником антисоветского военного заговора, направленного к свержению существующего строя. Я являлся одним из руководителей военного заговора, членом его центра и намерен Вам сейчас правдиво изложить все обстоятельства, связанные с военным заговором, о его участниках и проведенной контрреволюционной работе. В заговор я был вовлечен ТУХАЧЕВСКИМ, который его возглавлял. В состав центра,

руководившего антисоветским военным заговором, входили ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР и я УБОРЕВИЧ. Мы поддерживали контакт с ГАМАРНИКОМ, которого информировали о всей нашей заговорщической работе, о наших задачах и планах» [16, л. 19].

Далее Уборевич писал, что его сближение с Тухачевским и Якиром произошло «на почве недовольства руководства Красной армии» [16, л. 20]. Затем в тексте неожиданно всплывает фигура И. П. Румянцева: Уборевич сообщает, что был недоволен проведением коллективизации, а «Секретарь Западной области ВКП(б) РУМЯНЦЕВ постоянно поддерживал мои настроения» [16, л. 21]. Совершенно очевидно, что сотрудники ГУГБ использовали полученную от Уборевича информацию в качестве показаний, изобличающих высокопоставленного партийного функционера как врага народа. Вскоре И. П. Румянцев был арестован органами НКВД.

Нельзя не отметить то, как представлена в письме вербовка И. П. Уборевича в заговор. Возникновение самого военного заговора он относил к концу 1934 г. и писал: «Тухачевским я был вовлечен в антисоветский военный заговор в 1934 году». Далее он уточнял: «Конкретно уже разговор по этому вопросу произошел у меня с ТУХАЧЕВСКИМ в марте 1935 года...» [16, л. 21].

Здесь уместно вспомнить показания А. И. Корка на очной ставке о том, что И. П. Уборевич входил в военную организацию с 1931 г. и, якобы, активно трудился на благо контрреволюции в 1932–1935 гг. [16, л. 10–13], что не соответствует сведениям «признательным показаниям» Уборевича из письма Ежову. Однако следователи постарались не заметить этого.

Признания в заговорщической деятельности не могут быть без указаний сообщников, поэтому далее следовал перечень фамилий высокопоставленных командиров, которых, по словам И. П. Уборевича, ему «Тухачевский назвал как руководителей заговора: Якира, Гамарника, Эйдемана и Корка и как участников организации: Роговского, Белицкого, Альшанского, Апогу, Кучинского и кажется Левичева» [16, л. 23].

Говоря о планах заговорщиков относительно поражения Красной армии в предстоящей войне, Уборевич как-то путано пытался уточнить позицию руководителя военного заговора: «ТУХАЧЕВСКИЙ считал весьма вероятным применение со стороны немцев стойких ОВ типа иприта для поливки массового

скопления конского состава РККА. Из слов ТУХАЧЕВСКОГО я понял, что эти варианты поражения Красной армии уязваны им с немцами» [16, л. 26].

В чем состоял замысел пораженческого плана – так и осталось тайной. При этом явно усматривалось, что план был связан с агрессивными действиями вероятного противника (Польши и Германии). В связи этим руководителем заговора были поставлены задачи по основным направлениям вредительской работы: «Создавать открытые бензо нефтехранилища и артиллерийские склады, которые могли бы легко уязвимы с воздуха, не развивать авторемонтные базы для танков и автомобилей, по вопросу мобилизации госпиталей, а также в середине лета 1936 г. он мне дал указание о проведении вредительства по укрепленным районам» [16, л. 27]. Следовательно, по плану заговорщиков, войска Красной армии на западном театре должны были потерпеть поражение в результате неудачных оборонительных действий. Но не тут-то было! Оказывается, разработанный заговорщиками план был исключительно наступательный. Через пять страниц в своем письме Уборевич повествует, что пораженческий план «сводился к тому, что вторжение массой конницы с мехчастями вглубь польского театра военных действий пока была не готова, основная масса войск и артиллерии должно повлечь поражение. <...> мною лично, при участии БОБРОВА¹, был разработан план операции вторжения с расчетом на поражение» [16; л. 32–33]. Следовали вновь предпочли не заметить несоответствия в показаниях Уборевича.

Однако через три дня, как зафиксировано следователями Карелиным и Литвиным в протоколе допроса от 7 июня 1937 г., вновь речь зашла о планах заговорщиков по захвату власти, и Уборевич показал: «ТУХАЧЕВСКИЙ развил передо мной два варианта свержения советской власти. Один – весной 1935 года. <...> в конце 1935 г. ТУХАЧЕВСКИЙ в присутствии ЯКИРА говорил мне, что имеется еще план свержения советской власти, рассчитанный на мирный период». В чем состоял замысел этого плана осталось загадкой для И. П. Уборевича, который показал, что М. Н. Тухачевский подробно этот план

¹ Бобров Борис Иосифович, комдив, начальник штаба белорусского военного округа, арестован 29 июня 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 22 ноября 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

не развивал» [16, л. 47]. Показания о существовании некоего «плана, рассчитанного на мирный период» вновь оставили следователей равнодушными. Главным для них являлось то, что они получили признательные показания подсудимого в совершении им контрреволюционных преступлений, на основании которых он мог быть предан суду.

Через два дня, во время допроса 9 июня 1937 г., который проводили помощник Главного военного прокурора Л. М. Субоцкий и прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский, ими было получено показание И. П. Уборевича: «Все мои показания, данные на предварительном следствии и в заявлениях на имя Наркома Внутренних Дел, полностью подтверждаю». Относительно плана поражения СССР в войне обвиняемый признал: «Я участвовал в разработке плана поражения Красной армии и СССР в войне с Германией и как комвойск БВО должен был обеспечить поражение на этом направлении» [16, л. 54]. В чем суть этого пораженческого плана и что конкретно сделал обвиняемый по его созданию и воплощению в действительность, высокопоставленных юристов не интересовало.

О плане поражения Красной армии на допросе 9 июня 1937 г. показал арестованный командующий войсками Киевского военного округа (КВО) командарм 1 ранга И. Э. Якир: «Как комвойск КВО и будущий командующий фронтом, я имел и принял на себя задачу подготовить поражение войск Красной армии на фронте. Я признаю себя виноватым и в том, что совместно с ТУХАЧЕВСКИМ и УБАРЕВИЧЕМ выработал план поражения Красной армии в случае войны с Германией» [18, л. 156]. При этом в ходе судебного заседания Якиру был задан вопрос о том, в чем выражалась подготовка поражения РККА в будущей войне. Подсудимый ответил общими туманными рассуждениями, заявив при этом: «Я вам толком не сумею сказать ничего кроме того, что написал следователю» [18, л. 245].

Неуклюжими выглядят попытки следователей ГУГБ НКВД обвинить «заговорщиков» в шпионаже. В материалах следствия и суда нет ни слова о вербовке немецкой, польской или иной иностранной разведкой кого-либо из обвиняемых. При этом за шпионаж в деле выдавались любые разговоры по военным вопросам с иностранцами при официальных встречах с ними. Признания подсудимых в шпионаже носили явно вымышлен-

ный характер, навязанный следствием. В результате, в ходе судебного заседания 11 июня 1937 г. М. Н. Тухачевский не признал, а И. П. Уборевич и И. Э. Якир отказались от ранее данных показаний о сотрудничестве с иностранными разведками. Например, Уборевич отрицал обвинение в шпионаже в пользу Германии. Когда один из участников Специального судебного присутствия П. Е. Дыбенко спросил И. П. Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?» – Уборевич ответил: «Не вел никогда» [19, с. 65].

Закрытым судебным заседанием за совершение контрреволюционных преступлений были приговорены к смертной казни: Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, командармы 1 ранга И. П. Уборевич и И. Э. Якир, командарм 2 ранга А. И. Корк, комкоры В. М. Примаков, В. К. Путна, Б. М. Фельдман, Р. П. Эйдеман.

В ночь с 11 на 12 июня 1937 г. эти высокопоставленные командиры были расстреляны, при этом на каждого была составлена справка о приведении приговора в исполнение, в том числе и на И. П. Уборевича [16, л. 66].

Обсуждение и выводы

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. вторглись в трудовой ритм советского общества, наполнив своими атрибутами (гневными осуждениями «врагов народа» в прессе и по радио, арестами, активной деятельностью судебных и несудебных органов, подозрительностью в трудовых и воинских коллективах, неизвестностью) почти все жизненное пространство. Многие выдающиеся военачальники, герои Гражданской войны, посвятившие свою жизнь защите Отечества, в одночасье были объявлены вне закона.

Нелепая фальшь обвинения И. П. Уборевича в подготовке пораженческого плана усматривалась еще на начальном этапе следствия. Так, на очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк говорил об известных ему вредительском оперативном построении войск и замысле наступательной операции. На это Уборевич решительно заявил: «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа,

там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу» [20, с. 33]. По вполне понятным причинам следователи НКВД в тот период не собирались проверять подлинность сказанного. Однако в 1962 г. этот вопрос был изучен в оперативном управлении Генштаба. Результаты проверки показали, что в своих показаниях на очной ставке был прав И. П. Уборевич, а не А. И. Корк. Фантастический план поражения Красной армии, приписываемый Тухачевскому, Уборевичу и Якиру на самом деле был сфабрикован следствием.

Принадлежность пораженческого плана арестованным «заговорщикам» полностью опровергается документами, которые в виде обоснованных предложений по повышению боевой мощи Красной армии на протяжении 1931–1937 гг. были разработаны Тухачевским и Уборевичем и представлены И. Сталину и К. Ворошилову. В 1961 г. советский Генеральный штаб в своем заключении о военной деятельности М. Н. Тухачевского и других указывал: «И. П. Уборевич как командующий приграничным округом непрерывно следил за изменением политической обстановки в соседних государствах, проявляя неустанную заботу о разработке наиболее целесообразных планов вооруженной защиты советского государства... Он правильно оценивал возможные силы противника, особенности театра военных действий, роль новых родов войск и значение первоначального мощного удара наших войск» [19; с. 70–71].

В ходе дополнительной проверки были изучены немецкие трофейные документы, но никаких фактов, подтверждающих сотрудничество И. П. Уборевича с немецкой разведкой обнаружено не было.

Имеющие непосредственное отношение к проведению следовательских мероприятий в отношении И. П. Уборевича сотрудники НКВД (комиссар государственной безопасности 2 ранга И. М. Леплевский, майоры ГБ В. П. Карелин и З. Н. Глебов) за допущенные перегибы были в 1938–1940 гг. обвинены в нарушении социалистической законности, осуждены и расстреляны. Комиссар ГБ 3 ранга М. И. Литвин в конце 1938 г. покончил жизнь самоубийством [21].

Таким образом, «пораженческий план Уборевича» являлся плодом фальсификаций следственных органов НКВД. Командарм 1 ранга И. П. Уборевич был арестован и осужден безо-

вательно. Политическая чистка в армии, организованная Сталиным и его ближайшим окружением, обернулась истреблением военных профессионалов накануне Второй мировой войны.*

Список литературы

1. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
2. Сувениров О. Ф. За честь и достоинство воинов РККА // Они не молчали / сост. А. В. Афанасьев: Сб. М.: Политиздат, 1991. 446 с.
3. Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 3. – С. 39–47.
4. Черушев Н. С. 1937 год. Был ли заговор военных? М.: Вече, 2007. 576 с.
5. Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
6. Лазарев С. Е. Социокультурный состав советской военной элиты 1931–1938 гг. и её оценки в прессе русского зарубежья. Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2012. 312 с.
7. Лазарев С. Е. «Предотвратить трагедию можно было только на стратегическом уровне...» Влияние репрессий 1936–1941 гг. на обороноспособность и государственную безопасность Советского Союза // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 5. – С. 86–95.
8. Близначенко С. С. Боевая летопись Военно-Морского Флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Краснодар: Изд-во ГОУ ВПО «КубГТУ», 2005. 282 с.
9. Вечоркевич П. Цепь смерти. Чистка в Красной Армии. 1937–1939 (на польском яз.). Варшава, 2001. 1335 с.
10. Войтковая Я. Поляки и литовцы – офицеры Красной Армии в 1922–1941 гг. (на польском языке). Варшава, 2015. 660 с.
11. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / пер. с нем. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
12. Мильбах В. С. Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (Краснознамённый Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 345 с.
13. Мильбах В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 300 с.
14. Мильбах В. С., Фомичёв С. О., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2018. 290 с.
15. Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2019. 339 с.
16. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). Д. Р-9000. В 13 т. Т. 13.
17. ЦА ФСБ. Д. Р-9000. В 13 т. Т. 1.
18. ЦА ФСБ. Д. Р-9000. В 13 т. Т. 12.

* Иллюстрации к статье см. на с. 236.

19. Репрессии в Красной армии (документы). Военные архивы России. М.: Пересвет: Церера. 1993. Вып. 1.

20. Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родины, терроре и военном заговоре». Военные архивы России. 1993. Вып. 1.

21. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД (1934–1941): справочник / под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999. 502 с.

The Case of the 1st Rank Commander I. P. Uborevich. Was There a Plan to Defeat the Red Army?

Vladimir S. Milbach

The presented article reflects a modern view of the events which entered our country's history as the mass political repressions. The author presents a brief historiography overview of repressions in the Red Army in the second half of the 1930s. Using a specific historical example, contradictions between the internal policy of the Stalinist governance and the problems of the army state and their resolution on the eve of World War II are revealed. Special attention is paid to the creation by the investigators of the Department of State Security of the People's Commissariat of Internal Affairs of an evidence base for bringing charges of counterrevolutionary crimes against one of the outstanding military leaders, hero of the Civil War I. P. Uborevich. The activity of repressive mechanism capable of achieving any result necessary for the Stalinist regime is shown. Based on the documents of the archival and investigative case, the material of the article allows to more clearly imagine the events of 1937–1938, evaluate the actions of the investigative authorities, make sure that the charges against I. P. Uborevich were formed on falsification.

Key words: political repression, arrest, archival investigation, interrogation, indictment, espionage, execution.

For citation: Milbach, V. S. (2024) Delo komandarma 1 ranga I.P. Uborevicha. Sushchestvoval li plan porazheniya Krasnoj armii? [The Case of the 1st Rank Commander I. P. Uborevich. Was There a Plan to Defeat the Red Army?]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 213–228. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_213. EDN: BFPDJK

References

1. Suvenirov, O. F. (1998) *Tragediya RKKa 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. Moscow: TERRA. (In Russ.)

2. Suvenirov, O. F. (1991) *Za chest' i dostoinstvo voinov RKKa* [For the honor and dignity of the Red Army soldiers]. *Oni ne molchali* [They were not silent]. Ed. A. V. Afanas'ev: Collection. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

3. Suvenirov, O. F. (1989) *Vsearmejskaya tragediya* [All-Army tragedy]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 3. Pp. 39–47. (In Russ.)

4. SHERUSHEV, N. S. (2007) *1937 god. Byl li zagovor voennyh?* [1937. Was there a military conspiracy?]. Moscow: Veche. (In Russ.)

5. Pechenkin, A. A. (2003) *Voennaya elita SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite of the USSR in 1935–1939: repressions and renewal]. Moscow: VZFEI. (In Russ.)

6. Lazarev, S. E. (2012) *Sociokul'turnyj sostav sovetskoj voennoj elity 1931–1938 gg. i eyo ocenki v presse russkogo zarubezh'ya* [The socio-cultural composition of the Soviet military elite of 1931–1938 and its assessments in the Russian foreign press]. Voronezh: Voronezhskij CNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii. (In Russ.)

7. Lazarev, S. E. (2021) «Predotvratit' tragediyu možhno bylo tol'ko na strategicheskom urovne...» *Vliyanie repressij 1936–1941 gg. na oboronosposobnost' i gosudarstvennyyu bezopasnost' Sovetskogo Soyuza* ["It was possible to prevent the tragedy only at the strategic level..."] The impact of the repressions of 1936–1941 on the defense capability and state security of the Soviet Union]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 5. Pp. 86–95. (In Russ.)

8. Bliznichenko, S. S. (2005) *Boevaya letopis' Voенно-Morskogo Flota Sovetskogo Soyuza: poteri v rezul'tate repressij 1930-h godov* [Combat Chronicle of the Soviet Union Navy: losses as a result of the 1930s' repressions]. Krasnodar: Izd-vo GOU VPO «KubGTU». (In Russ.)

9. Vechorkevich, P. (2001) *Cep' smerti. CHistka v Krasnoj Armii. 1937–1939 (na pol'skom yaz.)* [The chain of death. Purge in the Red Army. 1937–1939 (in Polish)]. Warsaw. (In Russ.)

10. Vojtkovyak, YA. (2015) *Polyaki i litovcy – oficery Krasnoj Armii v 1922–1941 gg. (na pol'skom yazyke)* [Poles and Lithuanians – officers of the Red Army in 1922–1941]. Warsaw. (In Russ.)

11. YUnge, M., Binner, R. (2003) *Kak terror stal «bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya* [How terror became "big". Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. Moscow: AIRO-XX. (In Russ.)

12. Mil'bah, V. S. (2007) *Osobaya Krasnoznamyonnaya Dal'nevostochnaya armiya (Krasnoznamyonnij Dal'nevostochnyj front). Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg.* [Special Red Banner Far Eastern Army (Red Banner Far Eastern Front). Political repressions of the commanding staff, 1937–1938]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

13. Mil'bah, V. S. (2013) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Tihoookeanskij flot* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Pacific Fleet]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

14. Mil'bah, V. S., Fomichyov, S. O., CHurakov, D. R. (2018) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Ural'skij voennyj okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Ural Military District]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)

15. Mil'bah, V. S., Pavlovich, S. L., CHurakov, D. R. (2019) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Sredneaziatskij voennyj okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Central Asian Military District]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)

16. *Central'nyj arhiv FSB RF (hereinafter – CA FSB)* [Central archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 13.

17. CA FSB. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 1.

18. CA FSB. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 12.

19. (1993) *Repressii v Krasnoj armii (dokumenty)* [Repression in the Red Army (documents)]. *Voенnye arhivy Rossii* [Military Archives of Russia]. Moscow: Peresvet: Cerera. Issue 1. (In Russ.)

20. (1993) *Spravka komissii Prezidiuma CK KPSS «O proverke obvinenij, pred"yavlennyh v 1937 godu sudebnymi i partijnymi organami tt. Tuhachevskomu, YAkiru, Uborevichu i drugim voennym deyatel'jam, v izmene Rodiny, terrore i voennom zagovore»*. *Voennye arhivy Rossii* [Report of the Commission of the Presidium of the CPSU Central Committee "On the verification of charges brought in 1937 by judicial and party bodies for Tukhachevsky, Yakir, Uborevich and other military leaders, in treason, terrorism and military conspiracy". Military archives of Russia]. Issue 1. (In Russ.)

21. Petrov, N. V., Skorkin, K. V. (1999) *Kto rukovodil NKVD (1934–1941): spravochnik* [Who led the NKVD (1934–1941): handbook]. Eds. N. G. Ohotina and A. B. Roginskogo. Moscow: Zven'ya. (In Russ.)

Об авторе

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.milbach@yandex.ru

About the author

Milbach Vladimir S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Mikhailovsky Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.milbach@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 29.12.2023
Одобрена после рецензирования 18.01.2024
Принята к публикации 29.01.2024*

**Татьяна Ивановна Дегтярева, воспитанница оренбургского
Николаевского женского института**
Источник: Фото из личного архива Е. В. Бурлуцкой

Рождеством Христовым [Изоматериал]: [Открытка]. – Киев, [1915] (Тип. «Прогресс»). – 1 л.

Коллекции ЕЭК РГБ Каталог изо-документов

С Рождеством Христовым [Изоматериал] : [Открытка]. – Киев, [1915] (Тип. «Прогресс»). – 1 л.

Коллекции ЕЭК РГБ Каталог изо-документов

С Рождеством Христовым! [Изомагериал] : [Открытка]. –
[В.м], [1913] – 1 л.
Коллекция ЕЭК РГБ Каталог изо-документов

Ива: иллюстрированный журнал литературы, политики
и современной жизни. 1897. № 51. С. 1212.
РНБ Русский журнальный фонд

К статье В. А. Веременко, Ю. В. Суцула

Рис. 1–3. Слон и, возможно, попытка его срисовать в «Родном слове» К. Д. Ушинского

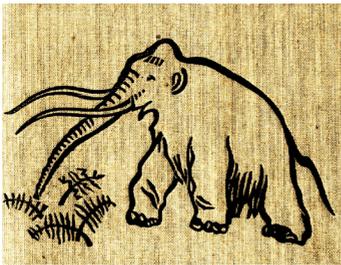

Рис. 4–5. Мамонт и, возможно, попытка его срисовать в «Земле Санникова» В. А. Обручева

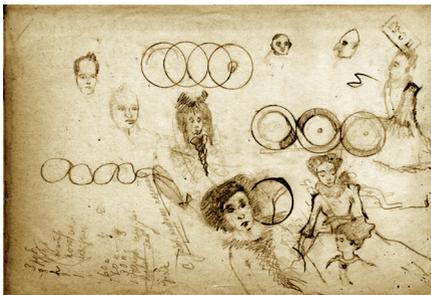
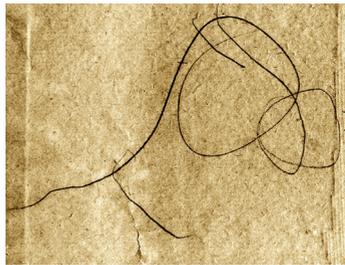

Рис. 6. Рисунки на нахазце библиотечного переплета «Философии религии» Г. Геффдинга

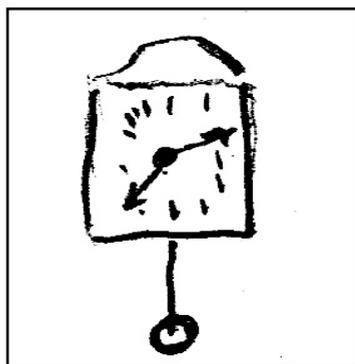
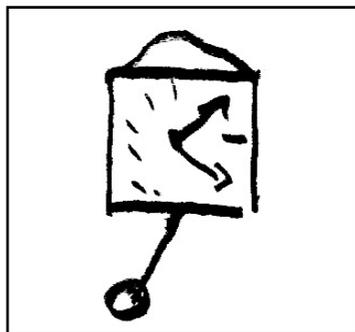
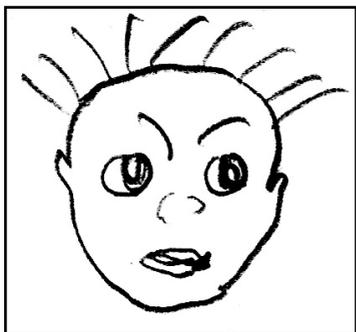
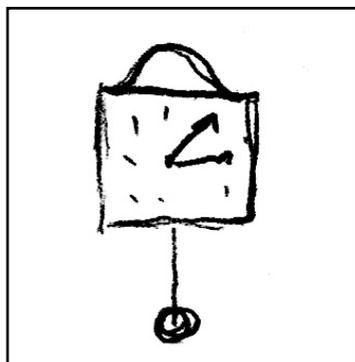
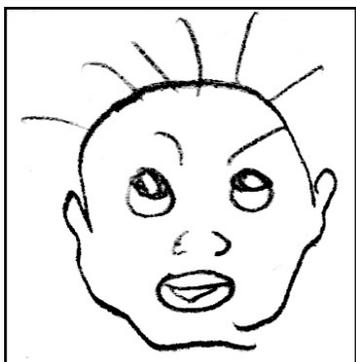

Рис. 7-9. Первые «кадры» одного из «мультфильмов» в «Русско-киргизском словаре»

Рис. 10-12. Первые «кадры» одного из «мультфильмов» в «Русско-киргизском словаре»

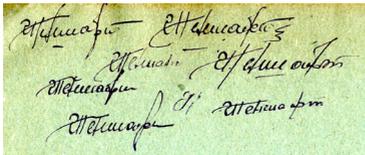

Рис. 13-16. Владельческие записи и отработка написания автографа

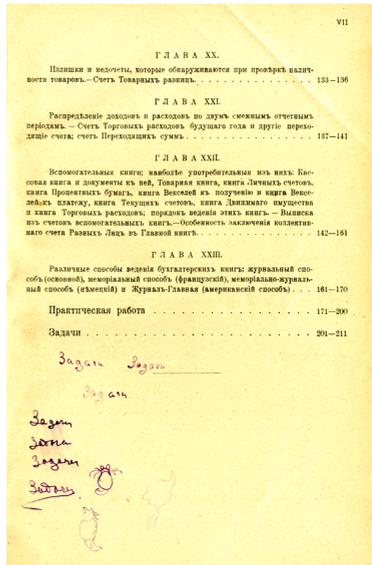
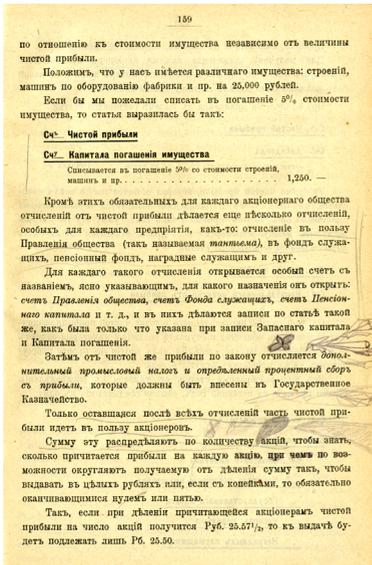
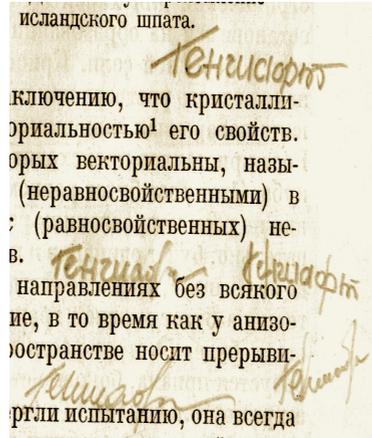

Рис. 17-18. Сочетание декоративных и следов внимательного чтения в учебниках по бухгалтерии

И. П. Уборевич

Материал из Ртищевской краеведческой энциклопедии, фонды Государственного центрального музея современной истории России

Командарм 1 ранга И. П. Уборевич. Фотопортрет 1936 г.

Северокавказцы в боях за Родину: Краткий воен.-ист. очерк о боевом пути Сев.-Кавказского воен. окр. / Соловьев Н.М., Шпаков Г.А., Шапошник В.Н. — М.: Воениздат, 1966. — 286 с. илл.

Командующий 13-й армии И.П. Уборевич (слева) и член РВС армии Н.П. Горбунов в годы Гражданской войны (1920 г.)»

Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников / Сост.: П. Н. Александров, А. Т. Якимов, В. И. Уборевич-Боровская, М. С. Ангарский. М.: Воениздат. 1964. — 264 с. (фото на С. 73).

К статье В. С. Мильбаха

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years*.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.
- **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).
- **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:
 - ФИО (полностью);
 - Ученая степень;
 - Ученое звание;
 - Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
 - Город;
 - Страна;
 - Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
 - E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/ JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (29)

2024

Редактор **А. А. Титова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 29.03.2024. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 15.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 1930

На обложке размещена репродукция картины

К. В. Лемоха «Варька», 1893 г.,

Художественная культура Русского Севера, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru